

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 18 (140)

Academic Journal

Series:
International Relations. Area Studies

Moscow
2014

ВЕСТНИК РГГУ
№ 18 (140)

Научный журнал

Серия «Международные отношения.
Зарубежное регионоведение»

Москва
2014

УДК 327(05)
ББК 66.4я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Серия «Международные отношения.
Зарубежное регионоведение»

Редакционная коллегия:

Е.И. Пивовар (ректор РГГУ, чл.-кор. РАН) –
ответственный редактор

А.Б. Безбородов (РГГУ)

Н.А. Борисов (РГГУ)

А.Д. Воскресенский (МГИМО (У))

А.В. Гуцин (РГГУ)

В.И. Журавлева (РГГУ) – ответственный

за научное редактирование и выпуск серии

М. Крэмер (Гарвардский университет, США)

Ш. Карнер (директор Института по изучению последствий
войн им. Л. Больцмана, Вена-Грац-Клагенфурт)

А.С. Левченков (РГГУ)

Б. Луайер (директор Института геополитики,
Париж-8, Франция)

О.В. Павленко (РГГУ) – ответственный

за научное редактирование и выпуск серии

Е.Ю. Сергеев (РГГУ, ИВИ РАН)

Д.С. Фоглесонг (Университет Ратгерс, США)

Т.А. Шаклеина (МГИМО (У))

Секретарь – Е.А. Алексеева, ст. научный сотрудник ИРИ РГГУ

Номер подготовили:

Е.А. Алексеева, В.И. Журавлева, О.В. Павленко

СОДЕРЖАНИЕ

I. Международные отношения XIX – начала XX в.: политические и социокультурные аспекты

<i>О.В. Павленко</i> Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX–XX вв.	9
<i>В.С. Мирзаханов</i> Европейцы в колониях: стиль жизни и особенности менталитета	38
<i>И.В. Крючков</i> Балканский кризис 1912 г. и его восприятие венгерской общественностью в донесениях российских дипломатов	54
<i>А.Г. Сенокосов</i> Позиция Великобритании в ходе июльского кризиса 1914 г.	68
<i>Ю.А. Борисёнок</i> Динамика трансформации социокультурных процессов на белорусских землях в первой половине XX в.: современное состояние историографии	80

II. История и уроки холодной войны

<i>А.М. Юдина</i> «Джазовая дипломатия» США в 1950–1960-е гг.: из опыта использования американской «мягкой силы» в эпоху холодной войны ..	95
<i>А.С. Стъкалин</i> Президиум ЦК КПСС в поисках путей выхода из венгерского кризиса 1956 г. Влияние внешних факторов на принятие решения	106
<i>В.С. Христофоров</i> Политическое урегулирование афганской проблемы в контексте международных отношений в 1980-е гг.	116

III. Международные отношения и мировая политика в начале XXI в.: вопросы теории и практики

<i>О. Ignatkin</i> Modern Liberalism and its Influence on International Relations (Современный либерализм и его влияние на международные отношения)	126
--	-----

<i>А.Б. Безбородов, О.В. Павленко</i>	
Военно-технические аспекты национальной безопасности Российской Федерации	133
<i>И.Л. Татаринов</i>	
Фактор ПРО в формировании глобальной безопасности	155
<i>Б.А. Антонов</i>	
Язык политики и права как средство отражения международных отношений (На примере политико-экономического сотрудничества США и Королевства Саудовская Аравия)	168

IV. Страны и регионы в современной системе международных отношений

<i>И.Ю. Кравченко</i>	
Палестино-израильский конфликт в репрезентациях экспертно-аналитического сообщества США в период президентства Б. Обамы (На примере Института Брукинга и «РЭНД Корпорэйшн»)	180
<i>П.Г. Кошкин</i>	
Концепция Ор-Ed в газете «Нью-Йорк таймс» на примере освещения событий в России	194
<i>М.И. Огурцов</i>	
Стратегия США в Центральной Азии (1990–2013)	205
<i>И.А. Баскакова</i>	
Байконур: проблемы и перспективы российско-казахстанского сотрудничества в космической сфере	214
<i>М.В. Тольпаков</i>	
Изменение геополитической роли Туркменистана в начале XXI в.	227

V. Книжная полка

<i>А.Б. Окунь</i>	
Американцы «открывают» Россию, или Роль русского «Другого» в формировании американской идентичности	236
<i>В.И. Журавлева</i>	
Уроки «перезагрузок»: российско-американские отношения на переломе эпох	245
Abstracts	257
Сведения об авторах	265

CONTENTS

I. International Relations in the 19th – early 20th Centuries

<i>O. Pavlenko</i>	
The Crimean War in the Historical Memory of the Russian Empire at the Turn of the 20 th Century	9
<i>V. Mirzekhanov</i>	
Europeans in the Colonies: Lifestyle and the Specifics of the Mentality.....	38
<i>I. Kryuchkov</i>	
The Balkan Crises of 1912 and its Perception by Hungarian Society According to the Reports of Russian Diplomats	54
<i>A. Senokosov</i>	
The Position of the United Kingdom during the July Crisis in 1914	68
<i>Yu. Borisenok</i>	
The Dynamics of the Transformation of Social and Cultural Processes in the Belarusian Lands in the First Half of the 20 th Century: Current State of Historiography	80

II. History and Lessons of the Cold War

<i>A. Yudina</i>	
The US “Jazz Diplomacy” in the 1950s – 1960s: Case Study of American “Soft Power” in the Cold War Era	95
<i>A. Stykalin</i>	
The Presidium of the CPSU Central Committee in Searching the Ways to Resolve the Hungarian Crisis in 1956. The Influence of External Factors on the Decision-Making Process	106
<i>V. Khristoforov</i>	
Political Settlement of the Afghan Problem within the Context of International Relations in the 1980s	116

III. International Relations and World Politics at the Beginning of the 21st Century: Theory and Practice

<i>O. Ignatkin</i>	
Modern Liberalism and its Influence on International Relations	126

<i>A. Bezborodov, O. Pavlenko</i> Military-Technical Aspects of the National Security of the Russian Federation	133
---	-----

<i>I. Tatarinov</i> The Role of the Ballistic Missile Defense Factor in Shaping the Global Security	155
---	-----

<i>B. Antonov</i> The Language of Politics and Law as a Method of Reflecting International Relations (Case Study of Political and Economic Cooperation of the USA and the Kingdom of Saudi Arabia)	168
---	-----

**IV. Countries and Regions within the Contemporary System
of International Relations**

<i>I. Kravchenko</i> The Israeli-Palestinian Conflict in the Representations of the U.S. Think Tanks during the Presidency of Barack Obama (Case Study of Brookings Institution and RAND Corporation)	180
--	-----

<i>P. Koshkin</i> The Op-Ed Concept in American Columnism in its Coverage of the Events in Russia	194
---	-----

<i>M. Ogurtsov</i> The U.S. Strategy in Central Asia (1990–2013)	205
---	-----

<i>I. Baskakova</i> Baikonur: Problems and Prospects of Russian-Kazakhstan Space Cooperation ...	214
---	-----

<i>M. Tyulpakov</i> Changing the Geopolitical Role of Turkmenistan in the Early 21 st Century	227
---	-----

V. Bookshelf

<i>A. Okun</i> The Americans “Discover” Russia or the Role of the Russian <i>Other</i> in the Americans’ Pursuit of Identity	236
--	-----

<i>V. Zhuravleva</i> Lessons from Resets: Russian-American Relations at the Turning-Point of the Two Eras	245
---	-----

Abstracts	257
-----------------	-----

General data about the authors	267
--------------------------------------	-----

I. Международные отношения XIX – начала XX в.: политические и социокультурные аспекты

О.В. Павленко

КРЫМСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Статья посвящена изучению образа Крымской войны в народной памяти на рубеже XIX–XX вв., а также использованию этого образа в процессе национального строительства, создания коллективной идентичности русского народа представителями российского государства.

Ключевые слова: Крымская война, национальная идентичность, историческая память, Российская империя.

Национализм и меморизация прошлого: к постановке проблемы

В XIX в. национализм стал по сути новой «гражданской религией» в обществах, где динамично развивались процессы модернизации. Под влиянием культа *нации* в странах Европы и в США появлялись новые формы идеологии, вовлекая граждан в «священное служение Отечеству». Для этой цели разрабатывались соответствующие символы, ритуалы и коллективные праздники. Существует широкий круг литературы, посвященной исследованию символики коллективной идентичности индустриальной эпохи¹. Эта идентичность создавалась как системный проект власти, ответ на национальный сепаратизм в имперских государствах, левый радикализм молодежи и разночинцев, протесты фабричных рабочих. Требовались новые скрепы в общественном сознании, новые мобилизационные ресурсы, чтобы сплотить разнородные социальные и национальные группы населения вокруг властного ядра.

Начиная с середины XIX в. политическая мифология европейских государств независимо от формы правления существенно изменяется. В европейских империях – от Великобритании до России – происходит пересмотр взглядов о сущности власти. Мифы о ее универсальном характере и божественном предопределении уступают место идеям об исконном происхождении, естественной связи (по «земле и крови») правящей династии с народом. Особое значение приобретают проекты исторической общности подданных / граждан государства независимо от их происхождения и религии. Власть активно их поддерживала посредством печати, новых праздников и театральных постановок².

Инструментом формирования государственной идентичности стала историческая память. Известный афоризм «История есть политика, опрокинутая в прошлое» точно отражает настрой политических элит того времени. На основе исторического опыта создавались образы *Великого Прошлого*, призванные стать примером служения государству в настоящем. Национальная символика, активно усваивая прошлое, органично вписывалась в пространство исторической памяти. Оно было сосредоточено вокруг монументального образа Отечества, вбиравшего одновременно представления о нации и государственной власти как высшей ценности в истории страны. Особенно традиционные монархии стремились обновить скрепы власти, придать новые смысловые коды своим политическим институтам, сочетая символику национализма с пасторальными образами *народной монархии*, а мессианские, цивилизаторские идеи – с государственным патриотизмом.

Столь масштабное «вторжение» государственной политики в сферу исторической науки во второй половине XIX – начале XX в. можно объяснить не только внутренними потребностями европейских империй, увидевших в исторической памяти общества эффективный инструмент укрепления власти. Сама внешняя политика становилась заложницей национальных амбиций в экономике и геополитике великих держав. Структурный кризис международных отношений разрывал тонкую ткань «дипломатии консенсуса». Огромная волна «национального эгоизма», захлестнувшая Европу, парадоксально сочетала большой потенциал агрессивности с открытостью всему миру, стремлением вбирать в себя идеи и ритуалы других цивилизационных общностей³.

В наши дни теории глобализации (Дж. Розенау, Э. Гидденс, М. Кастельс), выстраивая схемы ее мировой эволюции, рассматривают вторую половину XIX – начало XX в. как особую фазу. Для нее характерна постепенная адаптация обществ и государств

к более взаимозависимому и в то же время в высшей степени нестабильному миру. Процессы фрагментации в международных отношениях приводили к усилению популизма с терпким привкусом национального превосходства, распространению неомеркантилизма и милитаристских идей.

Одной из граней структурного кризиса универсализма XIX в. можно считать укрепление бюрократического и организационного потенциала государств, стремившихся на международном поле играть роль новых глобальных игроков. Культивируя коллективную идентичность среди своих граждан, власть формировала у них чувства долга перед правящей династией, лояльности и преданности государству. Как справедливо подчеркивает профессор Принстонского университета Эмилио Джентиле, «принцип национального суверенитета, основанный на национализме, стал наиболее универсальной демонстрацией процесса сакрализации политики в современном мире и воспроизвел значительное количество идеологий, культурных и религиозных традиций»⁴.

Именно национализм придал войнам XIX – начала XX в. совершенно особый смысл. Война превращалась в священное культовое действо, вращавшееся вокруг жизни и смерти. Общество, ведущее «священную войну», как правило, обладает высокой готовностью к коллективной мобилизации. Неудивительно, что во время и после войны особенно остро ощущается сакральная сущность Отечества и патриотического долга. Уже со второй половины XIX в. на фоне сакрализации политики каждое государство провозглашало, что Бог на стороне только его солдат, ведет их к победе за спасение Родины, цивилизации, гуманности. Всех, кто не признавал священную сущность *нации* и *государственного* интереса в войне, пропаганда объявляла врагами Отечества. Именно во время войн в миллионах людей пробуждалась совершенно особая форма лояльности и абсолютной преданности своему государству. В мирное время на исторических примерах *Священных* войн государственная идеология выстраивала образы героев-бойцов и мучеников.

Неудивительно, что в последнее царствование Николая II по всей стране масштабно праздновались 200-летие Полтавской битвы, 100-летие Бородинской битвы, 50-летие Крымской войны. Исторический опыт войн XIX – начала XX в. содержал неисчерпаемые ресурсы стимулов и мотиваций. Символизм смерти за Отечество и служения нации, мистификация крови и жертвенности, культ героев и мучеников, воинское братство, скрепленное кровью и оружием, – все эти компоненты дискурса Священной войны впи-

тывались исторической памятью общества. Можно без преувеличения констатировать, что новый культ нации стал универсальным кодом процесса сакрализации политики, пик которого пришелся на период Первой мировой войны.

Крымская война как первый структурный кризис Венской системы международных отношений

В военной летописи нового времени Крымская война занимает особое место, ее по праву можно отнести к категории глобальных военных конфликтов. Не только потому, что участниками были ведущие европейские державы и театр военных действий растянулся от Русского Севера до Кавказа и Крыма. Смысл этого конфликта, его последствия имели мировой масштаб. Причины выходили за рамки формального торгово-экономического соперничества между английским и российским капиталами. Рост влияния России на мировую политику после наполеоновских войн вызвал обострение отношений с Великобританией, бывшей тогда самой влиятельной и сильной державой. Британская дипломатия, зорко следившая, чтобы на континенте не происходило стягивания силы под эгидой одной державы, выступила инициатором антироссийской коалиции.

Официальная версия причины войны была озвучена в России сразу после начала военных действий. Она долго сохранялась в российской историографии. Суть сводилась к славянской миссии России, которой «издавна принадлежало право покровительствовать и защищать от притеснений диких турок более 14 миллионов христианского населения Турции». По просьбе Иерусалимского патриарха император Николай I потребовал от турецкого султана уважать права христианской церкви и святынь в Палестине. Но русский посол князь Меншиков не получил должных уверений и демонстративно покинул Константинополь. Россия первой втянулась в боевые действия. 18 ноября 1853 г. черноморская эскадра под началом адмирала Нахимова разгромила турецкий флот под г. Синопом. Турция обратилась к Англии и Франции за военной помощью. Флотилии западных союзников двинулись к Черному морю. В ответ Россия в марте 1854 г. объявила войну Англии и Франции. Русская армия перешла Дунай и осадила турецкую крепость Силистрию. Но когда в Варне высадились англо-французские войска, Россия вынуждена была снять осаду и вернуться в пределы своих границ. Случилось непредвиденное. Австрийское правительство,

которому Николай I полностью доверял, потребовало в ультимативной форме от России вывести войска из дунайских княжеств, а само присоединилось к антироссийской коалиции. Все это послужило началом кровопролитной Крымской войны⁵.

Просчеты амбициозной политики Николая I были впоследствии детально проанализированы историками⁶. В Петербурге не ожидали столь мощного удара. Западные союзники сосредоточили силы не только на Черном море. Их эскадры направились в Балтийское море, угрожая Кронштадту, а небольшие флотилии появились в Белом море, даже у берегов Восточной Сибири. Но главный удар был направлен против Севастополя, чтобы окончательно истребить Черноморский флот России. Благодаря энергичным действиям вице-адмирала Корнилова, начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала Нахимова и инженерного подполковника Тотлебена Севастополь был значительно укреплен. С октября 1854 по август 1855 г. продолжалась его героическая оборона под бесконечные бомбардировки союзников. 11 месяцев город не сдавался, превращаясь в полыхавшие руины. Когда русская армия вынуждена была отступить, черноморцы потопили часть своих кораблей и взорвали оставшиеся оборонительные укрепления.

Кровавый урок, данный Крымской (ее называли тогда Восточной) войной, был тяжелым. Он показал, что в стране отсутствуют железные дороги, необходимые для регулярного снабжения армии, которая плохо обучена и имеет устаревшее вооружение. Большая часть русских вооруженных сил, разбросанная на широком фронте от Дуная до Северной Финляндии, не сделала в продолжение всей войны ни одного выстрела, другая, меньшая, дурно вооруженная и снабженная, умирала в севастопольских бастионах в борьбе с сильным врагом. Потери России в Восточной войне составили 120 тыс. убитыми, союзников – 80 тыс. убитыми⁷.

В 1935 г. английский исследователь Вернон Пьюрьер проанализировал взаимосвязи между интересами английского бизнеса и внешней политикой Туманного Альбиона⁸. Англия, по его мнению, стояла перед альтернативой: можно было поддержать Россию, поскольку ей необходим был российский рынок, и тогда совместно «расчленить» Турцию. Но английский крупный капитал был чрезвычайно заинтересован в экспорте своей продукции в Турцию. Россия и Англия были связаны соглашением 1844 г. по восточному вопросу. Россия в это время переживала рост национальной промышленности, ее текстильная отрасль вступила в прямое соперничество с англичанами. Создался конфликт экономических интересов. Не стоит забывать, что в 1838 г. была заключена торговая кон-

венция, превратившая Турцию в открытый рынок для европейских фабрикантов. Это оказало губительное воздействие на турецкую экономику. Вступив на путь военных займов, Османская империя превратилась фактически в полуколонию, периферию европейского сырья и сбыта. Парижский трактат 1856 г. по сути закрепил европейский контроль над проведением внутренних реформ в Турции. Тем не менее В. Пьюрьер считал, что войны можно было бы избежать. Она стала следствием ошибочных расчетов политиков и чрезмерных амбиций европейских монархов.

В советское время историки также обратили особое внимание на экономические мотивы антирусской коалиции. Е.В. Тарле в фундаментальном исследовании о Крымской войне подчеркивал нарастание конфликтов в экономической сфере между Англией и Россией. К этому же выводу пришел А.Г. Аполлов⁹. В.А. Золотов обратил внимание на резкое увеличение ввоза в Англию сельскохозяйственной продукции из России накануне Крымской войны. По его мнению, английские предприниматели, предвидя неизбежное столкновение интересов Лондона и Петербурга, увеличили вывоз продукции, необходимой во время войны¹⁰.

Особый интерес при изучении российско-европейских отношений имеет статья А.Г. Жомини «Россия и Европа в эпоху Крымской войны»¹¹. Этот материал был составлен по поручению канцлера А.М. Горчакова его доверенным сотрудником и опытным дипломатом Жомини в 1863 г. и впервые опубликован анонимно в Париже¹². В нем анализировались механизмы формирования антирусской коалиции и интересы каждой великой державы¹³. Примечательно, что в книге бывшего госсекретаря США, крупного дипломата и мыслителя Генри Киссинджера, изданной в 1994 г., мы находим схожий анализ внешнеполитических причин.

Николай I стремился воплотить в жизнь вечную русскую мечту о «щите на вратах Царьграда» и черноморских проливах – Босфоре и Дарданеллах, но не смог просчитать правильно своих европейских партнеров. Наполеон III видел возможность покончить с изоляцией Франции и разбить Священный союз. Для этого ему было необходимо ослабить Россию. Англия стремилась раз и навсегда изолировать Россию от черноморских проливов и не допустить чрезмерного ее усиления на европейском континенте. Вечный союзник России – Австрия, опасаясь нападения Франции на ее итальянские владения, предпочла предать общие консервативные ценности¹⁴. Другая союзница России – Германия – отказалась подписать предложенный Петербургом договор о нейтралитете и, более того, заключила с Венной наступательный и оборонительный союз. Прав-

да, Германия со свойственным ей прагматизмом не торопилась вступать в военные действия, предпочитая заниматься реэкспортом русской пшеницы, сала и конопли в Англию и извлекая из всей ситуации немалую экономическую выгоду.

Память о Крымской войне глубоко врезалась в общественное сознание России, заставила по-новому осмыслить ее миссию в мире. Мы наблюдаем на первый взгляд парадоксальное явление: война, повлекшая тяжелое поражение, в последующие десятилетия стала символом русского духа. Власть (во время последних царствований Александра III и Николая II) не только не пыталась стереть из исторической памяти факт поражения, но, напротив, создала новый героический дискурс *непобежденной нации*.

Героический дискурс Крымской войны с 1850-х до начала 1870-х гг.

Отличие Крымской войны от других сражений, которые раньше вела Россия, заключалось в широком медийном освещении. Это была, пожалуй, первая европейская война, так ярко и образно представленная в национальной прессе ведущих государств. На полях сражений сновали сотни военных корреспондентов из России, Англии, Франции, США, Германии, Австрии. Центральные газеты располагали на первых полосах сводки боевых действий, а в нижних отделах – обширные репортажи. Война в журналистских отражениях превращалась в грандиозный спектакль жизни и смерти. Недаром каждое крупное сражение на суше и на море собирало публику из обывателей, журналистов, художников, с восторгом и ужасом взирающую с безопасного расстояния на драматический ход сражений. Сохранилось множество зарисовок, гравюр и картин, в которых запечатлены эпизоды героической обороны Севастополя на фоне мрачных декораций разрушенного города.

Летопись войны писалась прямо по горячим следам. Печатные издания периода Крымской войны в России можно условно разделить на три вида: официальные известия; фольклор для народа (анекдоты, стихи, песни), а также информация для образованной публики – военные репортажи и фельетоны. С 1854 г. по распоряжению императора Николая I начали издаваться официальные военные сводки. В 1858 г. их свели вместе с дипломатическими материалами в общий сборник. Выборка проводилась под царской цензурой, в соответствии с официальными трактовками¹⁵. Основное внимание уделялось высочайшим приказам, переписке Николая I

с генерал-адъютантом князем Меншиковым, выпискам из приказов по Севастопольскому гарнизону. Стилистика этих документов, проникнутых патриотизмом, не соответствовала казенному бюрократическому слогу того времени.

В приказах по войскам закладывался особый смысл Севастопольской обороны. С самого начала ее сравнивали с Отечественной войной 1812 г. Эта аналогия была воспринята не только военными корреспондентами и читающей публикой, но прошла в официальные документы, в военные приказы. Так, в коротком тексте приказа главнокомандующего Крымской армии об оставлении Севастополя три раза упоминается 1812 год – «бессмертная битва под Бородино». Сохранившиеся после четырехкратных «адских бомбардировок» постройки города были подожжены самими защитниками при отступлении, чтобы оставить неприятелю только пылающие развалины, так же, как Москва была оставлена русской армией. Первоначально военные предполагали, что противостояние перейдет в «войну полевую, свойственную духу русского солдата». Эти спасительные аналогии были необходимы обществу, уже начинавшему осознавать грядущее поражение. В приказе от 30 августа 1855 г., подписанном уже рукой императора Александра II, вновь роковые битвы упоминаются в одном ряду: «...имя Севастополя и имена защитников его пребудут вечно в памяти и сердце всех Русских, совокупно с именами героев, прославившихся на полях Полтавских и Бородинских».

Когда русские войска покидали город и бастионы, он весь был объят пламенем. В разных местах взрывались пороховые склады. Мост разобрали, ночью потопили все корабли, команды которых также переправились на северную сторону. Очевидцы описывали «великолепно-ужасную» картину русского отступления. Несколько дней франко-английские войска не решались вступить в город.

Обращает внимание, что в исторической памяти о Крымской войне сохранилось одно из высказываний князя А.М. Горчакова. «В самый острый момент крымского кризиса князь А.М. Горчаков принимал в своем кабинете на третьем этаже МИД английского посла лорда Немира и французского – герцога Монтебелло. Он подошел к окну, обращенному на Дворцовую площадь, и сказал послам: “Вы видите дворец и эти памятники. Флоты ваши могут бомбардировать, сжечь, разрушить все это – Россия останется совершенно равнодушной, и вы никогда не сломите ее сопротивления”»¹⁶. Здесь есть некоторая неточность: в 1854–1856 гг. Горчаков был управляющим русского посольства в Вене, а затем был там же назначен посланником. Министерство иностранных дел он возглавил в 1856 г.,

когда «самый острый момент крымского кризиса» уже прошел. Но важно другое. В его словах (реальных или мифологизированных) был отражен смысл событий, захлестнувших Россию во время Крымской войны. Тогда ярко проявилось кредо коллективной идентичности, сформулированное намного раньше событий в Севастополе, – «Россию нельзя сломить».

Параллельно военным хроникам с середины 1850-х гг. складывается иная трактовка Восточной войны, написанная в народном стиле. В центре Москвы на Никольской улице в книжной лавке Д.И. Преснова в избытке продавались листовки с карикатурами на союзников и брошюры со стихами о крымских сражениях. Писались они сразу по военным сводкам, проходили цензуру и быстро печатались, поскольку пользовались у публики большим успехом. К примеру, стихотворец А. Цыклоп с иронией описывал злоключения союзников, которые никак не могут одолеть оборону Севастополя:

Корабли их потеряли
Столько горя – что ай, ай!
Изломались, обгорели, –
Хоть в починку отдавай¹⁷.

Но наиболее популярными были анекдоты и короткие рассказы о Севастопольской обороне. Как правило, действовал один герой, бесстрашный, мужественный, уничтожавший нескольких врагов¹⁸. В этих свидетельствах, передававшихся устно, пересказанных многократно, терялась реальная канва событий, но остро ощущался героический пафос происходившего. Более точные сведения содержались в регулярных военных репортажах, которые публиковали столичные газеты, прежде всего «Русский инвалид», «Морской сборник», «Санкт-Петербургские ведомости». В «Северной пчеле» в большом количестве перепечатывались репортажи иностранных корреспондентов о действиях союзников под Севастополем. Русские газеты охотно перепечатывали известия об эпидемиях холеры и лихорадки в сентябре 1854 г. в английских и французских войсках, их тяжелом полевом быте, плохом снабжении армии неприятеля, отсутствии необходимого медицинского обслуживания¹⁹.

Но обращает внимание, что в военной пропаганде не было резко отрицательного образа «врага». В информационных сообщениях только изредка встречаются негативные характеристики. В большинстве текстов их нейтрально называли «англо-французами» или «союзниками», изображали слабыми, неуверенными в себе,

трясущимися перед ночными вылазками защитников Севастополя. В рядах антирусской коалиции воевали помимо турецких башибузук сардинские солдаты, швейцарские и немецкие наемники, польские добровольцы, даже кавказцы. Но в военных репортажах и письмах с фронта фигурировали в основном «англо-французы», реже – «турки» как собирательные образы неприятеля. Их выстраивали на контрасте: русские готовы отдать жизнь, чтобы выстоять, «англо-французы» пытаются любой ценой остаться в живых.

«Враг» не воспринимался как «супостат» и «нелюдь». В письмах П.И. Лесли, отставного капитан-лейтенанта флота, которые он писал прямо из Севастополя сестре Надежде, есть такие откровенные признания: «И кто это надоумил французов идти в Севастополь! Как нам, так и им нехорошо. Бог знает, кто находится в лучшем состоянии! Как гарнизонная, так и траншейная службы чрезвычайно тяжелы. Нам бы дождаться только зимы, а там все будет легче; французы и англичане не привыкли к нашим холодам, и если провели здесь зиму, то еще не может служить доказательством, что они в состоянии будут выдержать и другую». В другом письме от 21 июля 1855 г. он пишет: «Пора бы, наконец, нам избавиться от этих докучливых неприятелей, хоть Наполеон и говорит, что он употребит все свои средства лишь бы взять Севастополь; но это еще неизвестно, кто останется в выигрыше: мы или они...» Вначале нарратив Крымской войны представлял своеобразное смешение героического, почти былинного повествования о подвигах русских солдат и ежедневных информационных сводок. Во всех текстах ощущался накал патриотических чувств такой силы, которую может вызвать только война с врагом на собственной территории.

Знаменитые «Севастопольские рассказы» Льва Толстого дают нам бесценные свидетельства реальных эпизодов Крымской войны. Молодым офицером он провел на юге страны более трех лет (1851–1854 гг.). Первый рассказ «Севастополь в декабре месяце» получил самые восторженные отклики²⁰. Н.А. Некрасов, редактор «Современника», сообщил автору в письме от 15 июня 1855 г.: «Статья эта написана мастерски, интерес ее для русского общества не подлежит сомнению, – успех она имела огромный... Пожалуйста, давайте нам побольше таких статей!»²¹

Но уже второй рассказ, описывавший сражение в майскую ночь 1855 г., вызвал осложнения с председателем Петербургского цензурного комитета Н. Мусиным-Пушкиным, который посчитал его «насмешкой над нашими храбрыми офицерами». Текст, откорректированный до неузнаваемости, был опубликован без подписи автора²². Лев Толстой в этом рассказе с горечью констатировал, что

«вопрос, не решенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью». Движущую пружину этой войны он видел в людском самолюбии: «Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде – даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения. Тщеславие! Должно быть, оно есть характеристическая черта и особенная болезнь нашего века. Отчего между прежними людьми не слышно было об этой страсти, как об оспе или холере?»²³ Только в 1856 г. оригинальный текст был частично восстановлен и опубликован в «Военных рассказах».

Толстой чутко уловил импульсы героизации войны, когда смерть за Отечество приобрела в государственной идеологии особый смысл национального подвига, долга истинного гражданина. Смерть за «царя и Отечество» стала ключевым смыслом героического дискурса Крымской войны. Самым драматичным из севастопольского цикла был рассказ о штурме и падении Севастополя, потрясший читателей. В нем проводилась мысль о выборе, который делает человек на войне между желанием жить и долгом. Один из героев Владимир Козельцов с ужасом осознает: «Господи! Неужели я трус, подлый, гадкий, ничтожный трус? Неужели за отечество, за царя, за которого я с наслаждением мечтал умереть так недавно, я не могу умереть честно? Нет! Я несчастное, жалкое создание!»²⁴

Впоследствии участник обороны Севастополя Ф.В. Ливанов писал: «Даже беглые рассказы графа Толстого рисуют достаточно тот неописанный ужас, который тяжелою тучею надвинулся и лежал одиннадцать месяцев на каждой живой груди в окопах Севастополя, ужас, превратившийся, наконец, в равнодушие, может быть еще более ужаснейшее. Офицер, свертывающий на пушке папиросу из желтой бумаги и, ради визита товарища, посылающий несколько ядер в толпу неприятелей, матросы, играющие в засаленные карты под бруствером бастиона и прекращающие игру только потому, что три понтера вдруг выбывают; равнодушные шаги кованых сапог по разбрызганным мозгам, по вытекшим внутренностям; рвы, сравненные с землей трупами убитых; хохот и прибаутки добродушной толпы при виде удачного взрыва бомбы в рядах неприятеля; вот что еще страшнее, чем быть убитым!»²⁵ Л. Толстой, по праву ставший основоположником отечественной военной журналистики, показал Крымскую войну сквозь призму человеческих страстей, обостренных до предела экзистенциальной ситуацией.

К обороне Севастополя было приковано внимание всей страны. Сознание опасности, в которой находится Отечество, пронизывало все общественные слои. Впервые после войны с Наполеоном наблюдался огромный прилив патриотических чувств. Особенно в

осенние месяцы 1854 г. после кровопролитного Инкермановского сражения, когда стали просачиваться слухи о бедственном положении раненых солдат и офицеров. Такого рода информация была в последние годы жизни императора Николая I запрещена цензурой, но ее передавали из уст в уста. Движение в поддержку армии сначала возникло как общественная инициатива снизу. В Севастополь стали стекаться посылки с теплыми вещами, бинтами, рубашками, простынями. Посылали даже иконы в госпитали и действующие войска. Первой из высшего света поддержала эту инициативу великая княгиня Елена Павловна, которая на свои средства создала Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия. О «шестидесяти сердобольных вдовах», ставших сестрами милосердия и приехавших в Крым выхаживать раненых, написано много благодарных воспоминаний²⁶. Другой пример коллективной мобилизации русского общества – народные ополчения. Из губерний Центральной России – Курской, Пензенской, Калужской, Тульской, Рязанской и Орловской – было сформировано в поддержку армии 78 добровольческих дружин и отправлено в Крым²⁷.

Помимо двух ключевых концептов – «смерти за царя и Отечество» и «священной народной войны» в героическом дискурсе поднималась еще одна тема – «защита угнетенных славян». Профессор Московского университета М.П. Погодин, государственный по убеждениям и сторонник панславизма, называл Крымскую войну «крестовым походом» славян с Россией во главе против Запада. Еще в 1851 г. он считал, что столкновение с Западом произойдет неизбежно и Россия должна победить: «Россия отделится тогда от Европы целой стеной союзных с нею государств славянских и могла бы делать у себя дома, что угодно, пользуясь силами всего союза»²⁸.

«Политические письма», написанные им в 1853–1856 гг., по свидетельству современников, «в тысячах экземплярах облетали Россию и везде подвергались горячему обсуждению». М.П. Погодин, с болью воспринимавший военные неудачи, выплескивал эмоции в письмах, которые переписывались и расходились по всей России. В первых посланиях еще сохранялся панславистский пафос и рисовались картины всеславянской империи. В письме к поэту-славянофилу Ф.И. Тютчеву он продолжал надеяться, что Россия сможет взять реванш: «Русские Великие князья на престолах Богемии, Моравии, Венгрии, Кроации, Славонии, Далмации, Сербии, Болгарии, Греции, Молдавии, Валахии, а Петербург – в Константинополе»²⁹. Условиями осуществления идеи Славянского союза, по его мнению, должны были бы стать решение польского вопро-

са (предоставление автономии в границах Российской империи), союз с Францией и конкретная материальная помощь славянским движениям. Тогда «Россия опять станет страшной Западу, вместо того, чтобы теперь страшен ей Запад».

После завершения крымской кампании мессианизм и ксенофобия постепенно уступили место критическому анализу. В ряде писем («О влиянии внешней политики на внутреннюю», «О русской политике на будущее время») М.П. Погодин уже доказывал обратное. России необходимо придерживаться принципа невмешательства, отстраниться от всех европейских дел и направить усилия на Восток – «осваивать азиатскую часть, налаживать транспортные сообщения, начать добычу полезных ископаемых, стать транзитным государством между Японией, Китаем и Европой»³⁰. Через три года после Крымской войны он обратился с письмом во французскую редакцию «*Le Nord*», в котором доказывал необходимость новой европейской системы, основанной на принципе невмешательства и взаимной помощи, признании прав «малых» народов и совместной разработке полезных ископаемых на территориях Азии и Африки. Ведущие государства вместе с Россией могли бы «приготовить новые для себя рынки, избавясь от лишнего народонаселения, пристроив к месту несчастных своих пролетариев»³¹.

Пик публикаций о Крымской войне пришелся на 1856 г. Подписание Парижского мира с ограничительными статьями и нейтрализация Черного моря вызвали шок в русском обществе. Горечь поражения углублялась сознанием того, что Запад действительно теперь может угрожать интересам России, а бывшие дружественные державы по Священному союзу ее коварно предали. Мучительное осмысление поражения проходило через воспоминания о многочисленных подвигах «беспримерного мужества», «беззаветного служения и готовности умереть за царя, веру и Отечество». В честь героев Крымской войны устраивались светские рауты, званые ужины и торжественные обеды с многочисленными речами в дворянском и купеческом собраниях. Везде звучала одна и та же мысль – Севастополь своим мученичеством открыл новую страницу в истории России³².

Общество искало виновных в трагическом поражении. Хотя царствование Николая I подвергалось критическому переосмыслению, никто открыто не выставлял прежней власти счет за погибших солдат, слабую организацию обороны, плохое снабжение. В 1858–1859 гг. в «Русском инвалиде», затем в «Военном обозрении» стали появляться статьи о коррупции и беспорядках в снабжении продовольствием и боеприпасами армии в Новороссийском крае. Тема

была настолько злободневной, что на нее откликнулись зарубежные издания, в том числе оппозиционный «Колокол» А.И. Герцена³³. Расследования привели к суду над интендантами, которых и сделали основными виновниками поражения в Крымской войне.

Тогда же начали издаваться первые обобщающие сочинения, в которых последовательно воссоздавалась история Севастопольской обороны от одного сражения к другому. Но общая картина войны так и не сформировалась. Самой яркой темой оставалась оборона Севастополя. Сражения на Кавказе, Русском Севере, тяжелая ситуация в придунайских княжествах находили отражение в воспоминаниях и отдельных статьях, но так и не были вписаны в общую канву истории войны 1853–1855 гг.³⁴

В 1860-е гг. число работ, посвященных Крымской войне, заметно сузилось. Страна тяжело вступала в эпоху великих реформ. Общество было занято обсуждением главного вопроса – отмены крепостного права. Менялись стратегии внутренней и внешней политики. Приоткрылась возможность обсуждения вопросов либерализации общественного устройства. Почти на десятилетие тема Крымской войны по сути потеряла самостоятельный смысл, став еще одним символом вечной дихотомии «Россия – Запад».

Символизм и реальность национального подвига

Интерес к Крымской войне возродился после 1871 г., когда были отменены ограничительные статьи Парижского мира. На Балканах затягивался новый узел противоречий. Российская дипломатия активно действовала среди балканских славян. Константинополь, поддерживаемый Великобританией, негодовал. В Петербурге остро ощущали необходимость возвращения России в черноморский регион. Оставался только один путь – восстанавливать и модернизировать Черноморский флот. С екатерининских времен Севастополь развивался как форпост русской военно-морской силы на Черном море. Государственная линия на укрепление города и всей юго-восточной части Крымского полуострова, начатая Николаем I, была прервана более чем на два десятилетия Крымской войной и последующей англо-французской оккупацией Крыма. После ее отмены стал разворачиваться новый этап русско-«черноморского проекта». В нем соединились разные политические и общественные устремления. Идеи восстановления Севастополя и Черноморского флота были с воодушевлением поддер-

жаны обществом. Воспоминания о Крымской войне вспыхнули в нем с новой силой. Возникла даже своеобразная интеллектуальная мода на сюжеты, связанные с событиями двадцатилетней давности. Крупные общественно-политические журналы как на подбор открывали серии публикаций военных мемуаров³⁵. Началось издание документальных материалов³⁶. К этому времени относятся и первые научные труды по истории Крымской войны³⁷.

Специальное издание для наследника трона и всей читающей публики было посвящено обороне Севастополя. Сборник под названием «Рукописи, представленные Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику севастопольцами о Севастопольской обороне: для солдат и народа» был опубликован в журнале «Досуг и дело»³⁸. Он выходил ежемесячно, по высочайшему повелению, и был включен в перечень изданий для распространения в земствах, училищах и школах. Там публиковались статьи духовного, религиозного содержания, сведения о природе, анатомии человека, различных физических явлениях, а также материалы «об условиях народного быта, способствующих к искоренению господствующих в народе предрассудков, вредящих здоровью и сохранению жизни». В особом разделе печатались рассказы из русской истории и «описание доблестных подвигов русского народа». Сам по себе проект такого издания был важной частью «народной политики» государства. Власть пыталась перехватить инициативу у разнообразных радикальных агитаторов, призывавших народ к акциям протеста. В этих бесплатных сборниках закладывались основы того понимания «служения и любви к Отечеству», которое пытались укоренить в народном сознании идеологи самодержавной власти.

Основная часть воспоминаний боевых офицеров – участников севастопольских сражений была написана в первой половине 1870-х гг. Красочные описания боевых подвигов чередовались с примерами беззаветной преданности престолу. По сравнению с материалами 1850-х гг. были значительно усилены верноподданнические сюжеты. В анонимных «Воспоминаниях севастопольца с 1854 по 1856 г.» описывалось впечатление, которое произвело на солдат известие о смерти императора Николая I: «Любезные читатели, вы верно поверите мне, что не может так гром поразить человека, как поразило это горе нас, в такое страшное, критическое время. Когда по смене, мы пришли к пункту полка, нас тотчас поставили в каре и привели к присяге на верность служения новому Царю, законному Наследнику в Бозе почившего Императора. Чудное дело! За несколько часов до принятия присяги очевидно было, как все воины были поражены Его смертью, по принятии же присяги все

мгновенно воодушевились. К тому же каждый из нас должен был рассудить здраво, что мы поставлены были лицом к лицу против врагов наших защищать Русский Престол и землю Русскую, и потому в такое время излишней скорби не должно было быть места, и дела наши пошли обычным своим порядком»³⁹.

Сознание долга перед царем и Отечеством буквально пронизывало тексты о Крымской войне. Можно привести несколько примеров. Воспоминания офицера Валериана Зарубаева, бывшего ротного командира: «Итак, Севастополь пал. Наши труды, беспремерная, одиннадцатимесячная, геройская защита, привели к плачевному результату. Но совесть наша, людей маленьких, чиста, перед Государем и Отечеством. Все, что от нас зависело, мы сделали безусловно»⁴⁰.

Другой офицер – флотский капитан-лейтенант И. Лесли, увидевший государя Александра II в Николаеве, куда были переведены остатки армии, оборонявшей Севастополь, восторженно писал: «В Николаеве в настоящее время живет Государь со всеми Своими Братьями, и здесь каждый день на бульваре играет музыка, куда и Государь приходит. А какой Он внимательный ко всем, это просто чудо! Вчера неожиданно приехал к нам в казармы и опять благодарил матросов за их службу»⁴¹. В сентябрьские дни 1855 г. Николаев стал чуть ли не самым главным городом России. К нему было обращено все внимание. Императорская семья с многочисленной свитой, переехавшие из Севастополя, Керчи и Симферополя жители, многочисленные корреспонденты, армейские и флотские части. Матросы – «душа обороны Севастополя» – имели вид «кочующих цыган», по выражению П.И. Лесли, «кто с французским ружьем, кто с английским, у кого бутылка вместо манерки», «сзади на телегах следовали матросские жены с детьми». Но никто из императорской свиты не смел делать им замечаний. Напротив, их казармы ежедневно посещали высшие лица государства и генерал-адмиралы, расспрашивая, кто и где получил ордена святых Георгия, Анны, Владимира, Станислава за оборону. В трагические дни поражения молодой император и большинство представителей дома Романовых были вместе с русской армией, утешая и ободряя.

Сборник имел официальный характер, тем не менее в нем были сохранены и горькие размышления защитников Севастополя о недостатках и просчетах в обороне, тяжелом военном быте русских солдат. То, что было невозможно опубликовать из-за военной цензуры во время кровопролитных боев, спустя двадцать лет обнажило страшную реальность. Изнанка кровопролитной войны проступала не через лубочный рассказ о великих героях, а сквозь откровения

солдат и офицеров. В них детально и буднично была описана подлинная история дней и ночей обороны Севастополя. Когда при чистом небе не было видно солнца от дыма, пыли, земли и осколков. У людей слепило глаза от крови, разлетающихся камней и песка. Раненые, по воспоминаниям очевидца, «умоляли... оказать им единственную милость, заколоть или застрелить их! И действительно, многим это была бы большая услуга!»⁴² Солдаты не могли сделать выстрелы из ружей, пуля не загонялась в ствол. Они ударяли камнем по шомполу, который гнулся, но пуля все равно не проходила. Пытались даже сальными огарками смазывать пулю, но и это не помогало. Колотили, как в кузнице. Один из ветеранов вспоминал: «Ружья, переделанные на нарезные, раздирались по нарезам. Не мудрено, что в таком положении офицеры приходили в отчаяние, а солдаты бредили изменой»⁴³.

Русская армия настолько остро ощущала недостаток вооружения, что после удачных атак на противника солдатам приказывали все французские штуцера сдавать по 5 рублей за штуку. Неприятельские пули, еще горячие, доставались прямо во время сражений. За пуд такого свинца платили 4 рубля. Отчаянные головы лезли под самые пули, чтобы их добыть, нередко погибая. Потери были настолько велики, что эту рискованную торговлю командование вынуждено было запретить, несмотря на острый недостаток свинца⁴⁴.

Впервые стали публиковать критические высказывания об организации обороны, когда «саперные службы не выполняют свои прямые обязанности, и батарейные командиры вынуждены самостоятельно проводить и следить за земляными работами, <...> саперы ничего не делают и надеются на батарейных командиров; но мало того – не исполняют требований последних». Правда, этот пассаж был снабжен редакционной сноской, что «с такою характеристикой всех вообще сапер нельзя согласиться, и автор, очевидно, писал это под живым впечатлением кипучей деятельности гарнизона»⁴⁵. Армия страдала от отсутствия снарядов и перебоев в снабжении, поскольку все необходимое подвозилось только на телегах, а морские пути были перекрыты неприятелем.

На рубеже XIX–XX вв. внимание к истории Крымской войны существенно возросло. Публикаций на эту тему стало еще больше. Их можно было разделить на три группы. К первой относились историко-архивные материалы. Особый интерес представляли документы, которые впервые вводились в научный оборот местными археографическими комиссиями. Из губернских архивов извлекались подробные сведения о народных ополчениях периода Крым-

ской войны. В них приводились списки участников ополченцев и описывались их боевые подвиги. Почти каждая публикация подобного рода имела верноподданнический характер. Слепок исторической памяти о Крымской войне наполнялся новыми примерами «народной войны за царя и Отечество»⁴⁶.

Вторую группу составляли мемуары участников сражений и изданные документы периода Крымской войны. За это время была неоднократно переиздана переписка князя Меншикова с Николаем I. Военные мемуары перепечатывало то одно издание, то другое. Но на рубеже веков появилось значительное количество новых воспоминаний⁴⁷. Этот факт можно объяснить не только государственным заказом на создание официальной истории Крымской войны. С последней четверти XIX в. денежные пособия и льготы участникам Крымской войны несколько раз увеличивались, их потомкам были выделены государственные стипендии на обучение. В поддержку ветеранов и инвалидов Крымской войны организовывались специальные отделы при крупных промышленных выставках, которые собирали пожертвования. К началу XX в. бывшие солдаты и офицеры как участники сражений имели признанный социальный статус⁴⁸. Неудивительно, что сами ветераны и их потомки стремились зафиксировать этот личный вклад в героический эпос Крымской войны.

Наконец, особую группу составляют «книги для народа», в которых доступно и образно рассказывалось о событиях полувековой давности. Издательство «Досуг и дело» продолжило эпопею серией «Севастополь и его герои». Свидетельства массового патриотизма еще более усилились в такого рода текстах. Вот одно из них: «Русские люди предоставляли в распоряжении правительства свои дома для раненых, на все время войны устраивали приюты для инвалидов, жертвовали получаемые ими на службе столовые деньги, перевозили в госпитали больных, отказывались от всякой платы. <...> В обширном нашем отечестве не было угла, даже самого отдаленного от театра военных действий, где бы семейства богатых и бедных не занимались приготовлением корпии, шитьем бинтов, рубашек и пр. Такое занятие казалось необходимым и священным»⁴⁹. Действительно, во время Крымской войны люди из разных социальных слоев смогли на собственном опыте ощутить общность исторической судьбы. Поэтому так дороги были эти свидетельства национальной консолидации для периода поздней империи, когда остро встала необходимость создания идеологического конструкта «единство русского народа и династии».

«Священные могилы» Севастополя: монументализация исторической памяти

«Вот и Севастополь, многострадальный мученик земли русской!.. Пади ниц пред ним, путешественник, место бо сие свято есть – как справедливо выразился известный оратор архиепископ Херсонский Иннокентий! Девятнадцать лет лежит он в развалинах... под кучею погребальных холмов, и девятнадцать лет сюда стекаются с благоговенным любопытством люди всех сословий, преклоняясь пред остатками богатырей-воинов, сложивших свои головы за благо родины своей»⁵⁰. Такими словами начинается один из путеводителей по Севастополю 1874 г. Свидетельства жителей разгромленного города и описания Крыма того времени позволяют составить некоторое представление о том, как он выглядел на протяжении двадцати лет после осады. Многие очевидцы сражений впоследствии признавали, что Севастополю пришлось испытать «столько, сколько, может быть, никогда не придется испытать никакому городу в мире»⁵¹.

Монументализация памяти о Крымской войне началась не сразу после того, как отгремели пушки. Еще целое десятилетие весь город лежал в руинах. Первые признаки восстановления жизни в нем появились только в первой половине 1870-х гг. Население ютилось между развалин. Лишь южная сторона, наименее подверженная бомбардировкам, постепенно отстраивалась. Центр, западные и восточные районы лежали в руинах. Кругом – взорванные рытвины земли, обломки костей, старых подметок, железа, осколки бомб. Знаменитый на всю Россию Малахов курган был усеян могилами, вздыблен буграми глины. Многие места по дорогам к Балаклаве и Инкерману оставались огороженными. На Николаевском мысу – более 15 больших насыпей от общих могил русских и французов, над которыми стояли кресты, деревянные и выложенные из камней. Приходской священник служил над ними общую панихиду⁵². Базами союзных армий служили для англичан Балаклава, для французов – Камышовая бухта. У французов во время осады возник целый барачный городок под названием “La ville de Kamiech”, в котором были устроены всевозможные магазины, театры, даже бордель. Места этих лагерей после войны долго оставались заметны из-за огромного количества бутылочного стекла и жестянок от консервов⁵³.

В 1873 г. градоначальником был назначен герой Крымской войны П.А. Перелешин. Во многом его стараниями на месте бывших бастионов и мест сражений начал возводиться монументальный

комплекс. После Крымской войны Севастополь стал магнитом, притягивавшим путешественников не только из России, но и Европы. Одни приезжали сюда в поисках могил своих близких, другие – из любопытства или художественного интереса, за впечатлениями от военных развалин, многие – по патриотическим мотивам, поклониться «священным могилам». Помимо проложенной в начале 1870-х гг. железной дороги туда прибывали морем, останавливаясь в гостинице Ветцеля, где во время осады жил П.С. Нахимов. Путеводитель 1874 г. сообщал: «Вы встречаете на улице постоянно офицеров, генералов и путешественников из Европы и России. Словом: публику отборную»⁵⁴.

Накал сочувствия к защитникам Севастополя во время его 11-месячной осады был настолько велик, что после войны за ним прочно закрепился образ «города-мученика», проявившего исключительный героизм и страдания. Первыми знаками исторической памяти о войне стали два сооружения – храм и музей. Над городом, еще не остывшим от ужасов бомбардировок, храм Святого Владимира возвышался как символ героического мученичества. Другое здание было отстроено в модном тогда французском стиле, с многочисленными галереями, балкончиками и колоннами. В Музее обороны Севастополя были представлены коллекции военных планов, карт, рисунков и сочинений о Крымской войне. Снаружи оно было обставлено арматурами осады – орудиями, якорями, осколками бомб. На фронте выведено число «349» – количество дней обороны Севастополя.

Был создан общественный комитет по устройству Музея обороны Севастополя, душой которого стал Н.Ф. Дубровин. С 1871 по 1874 г. комитет опубликовал пять выпусков с воспоминаниями участников и перечнями экспонатов. Особый интерес представляли приложения, в которых была реконструирована галерея героев Севастопольской обороны. Их имена, увековеченные в истории Крымской войны, должны были лечь в основу будущей экспозиции⁵⁵. Обращает внимание четкая последовательность в структуре приложений. В каждом выпуске (за исключением пятого) было указано по четыре имени, из них первое обязательно принадлежало представителю дома Романовых. Таким путем утверждалось единство династии с народом в героическом мученичестве. Тогда же комитет восстановил по дням хронологию военных событий.

Начиная с середины 1880-х гг. кладбища русских и иностранных солдат стали приводиться в порядок. На братском, французском, английском, итальянском кладбищах были установлены надгробия, кресты и часовни. Все места погребений содержались

с большой заботой⁵⁶. Братское кладбище было подразделено на участки по родам войск и служб. На могилах героев обороны Севастополя – князя Горчакова, Тотлебена, Хрулева и других – были поставлены мраморные надгробия.

В мае 1886 г. Александр III посетил Севастополь. Этот визит имел историческое значение. Император подписал приказ о возрождении Черноморского флота: «Прошло тридцать с лишком лет, как Черноморский флот, свершив славные подвиги, принес себя в жертву для блага России и перенесся духом на памятные холмы Севастополя. Ныне флот этот возникает вновь на радость скорбевшего о нем Отечества. Воля и помыслы Мои направлены к мирному развитию народного благоденствия; но обстоятельства могут затруднить исполнение моих желаний и вынудить меня на вооруженную защиту Государственного достоинства. Вы будете стоять за него со Мною с преданностью и дивившею современников стойкостью, выказанными по зову Деда моего вашими предшественниками. На водах, свидетелях их доблестей, вверяю Вам охрану чести и спокойствия России»⁵⁷.

В Севастополе и Николаеве были спущены первые корабли новейшей конструкции, как писали тогда газеты, – «первенцы обороны русского парового флота». Тогда же был открыт и первый док Черноморского флота. Севастополь вновь обрел статус ключевого форпоста России в Черном море. Параллельно с военно-стратегическими задачами выстраивалась героическая мифологизация севастопольского пространства. В память обороны Севастополя Александр III утвердил медаль на георгиевской ленте. На одной ее стороне был изображен профиль его царственного деда Николая I, на другой – его собственный. Тем самым подчеркивалась неразрывная связь между подвигом в прошлом и возрождением в настоящем.

Масштабная монументализация севастопольского пространства была продолжена в царствование Николая II. 5 октября 1895 г. на Малаховом кургане в память о первой бомбардировке Севастополя был открыт памятник адмиралу Корнилову недалеко от места его гибели. На постаменте была выбита надпись: «Во исполнение воли Государя императора Николая I», а также последние слова адмирала: «Скажите всем, как приятно умирать с чистой совестью. Благослови, Господи, Государя, Россию, спаси Севастополь и флот». В этой лаконичной фразе были отражены все основные коды государственного патриотизма – *Вера, Власть, Отечество*. Севастополь и флот были органично вписаны в этот сакральный ряд. Севастополь стал по сути первым общепризнанным горо-

дом-героем в России, одним из значимых символов ее коллективной идентичности.

В августе 1898 г. Николай II посетил Севастополь и Черноморский флот. В Высочайшем рескрипте от 25 августа 1898 г. император отмечал: «Ныне я снова провел четыре дня среди возрожденного Черноморского флота, произвел смотр судам и посетил учреждения Севастопольского порта. Все найдено мною в отличном порядке и грозной готовности. Радуюсь достигнутым результатам, ибо в сильном флоте, собранном ныне в Севастополе, вижу прочный залог к дальнейшему спокойному и мирному развитию всей России». Особо было подчеркнуто, что «молодой Черноморский флот поддерживает во всем славные традиции своих предшественников, героев Синопа и Севастопольских бастионов, и тем оправдывает возлагаемое на этот флот доверие». По распоряжению Николая II торжественно были открыты памятники вице-адмиралу Нахимову, инженеру Тотлебену, генералу Хрулеву. Расширена экспозиция Музея Севастопольской обороны⁵⁸. Севастополь должен был стать пантеоном доблести русского оружия. Как писал полковник Генерального штаба Д. Парский в 1901 г., план исторической реконструкции и монументализации Севастополя вызывал в среде высшей военной и политической элиты «оживленный обмен мнениями»⁵⁹. В Генеральном штабе разрабатывался план «организации посещений войсковыми частями исторических мест» и изданий для офицеров описаний военно-исторических памятников Севастополя.

Уроки Крымской войны

Логика исторического развития неоднократно свидетельствует, что в больших войнах, как правило, не бывает абсолютных победителей или побежденных. Политическая элита государства-победителя нередко впадает в губительную иллюзию, что система управления, позволившая выиграть войну, наиболее эффективна. Сознание победителей формирует новую картину мира, в которой собственному государству присваивается роль мирового арбитра и единственной правильной модели развития. Побежденные, напротив, вынуждены преодолевать тяжести поражения. Оказавшись перед экзистенциальным выбором, общество максимально готово мобилизовать свои ресурсы, чтобы преодолеть унижительную ситуацию. Общеизвестно, что Крымская война вызвала в России эпоху Великих реформ, отменивших крепостную зависимость и преж-

ную систему государственного управления. Вслед за либеральными нововведениями стала преобразовываться армия. Памятуя уроки севастопольских сражений, император Александр II приступил к модернизации русского флота на основе парового двигателя. Армия получила нарезное вооружение, войска стали обучаться стрельбе и действиям в рассыпном бою и умению маневрировать. Были открыты новые военно-учебные и военно-инженерные заведения для будущего командного состава. Началось строительство железнодорожных путей сообразно военным требованиям. Страна встала на путь модернизации и внутренних преобразований.

Поражение могло поставить под вопрос статус России как великой державы. Недаром Парижский мирный договор иногда называют Крымской системой. Политику сдерживания и контроля над Россией пыталась проводить Великобритания вместе с Францией и примкнувшей к ним Австрией. Но эта квазисистема оказалась недолговечной, уже в 1871 г. ограничительные статьи Парижского мира были отменены. Россия сбросила бремя обязательств перед бывшими своими союзниками, излечившись от идеалистических представлений о солидарности европейских монархий. Новый внешнеполитический курс поддерживал зарубежных славян, усиливал позиции России на Балканах, балтийском и черноморском направлениях, продвигал ее геополитические интересы на Юге и Востоке при сохранении свободы рук на Западе. Крымская война подорвала равновесие сил, на котором зиждился консервативный Венский порядок. Восстановить прежний баланс сил было уже невозможно, несмотря на попытки австрийских и германских дипломатов. Эта война открыла череду кровавых войн в Европе во имя культуры нации, которые через полвека привели к Первой мировой войне⁶⁰.

Поражение в Крымской войне стало мощным детонатором, подорвавшим представления о европейском универсализме, традиционные для России XVIII – первой половины XIX в. Новый проект коллективной идентичности был ориентирован на государственный патриотизм, Империю и Русскую идею. Наряду с Полтавской битвой и Бородино оборона Севастополя составила легендарную линию «моральных побед» русского оружия, на примере которых потомкам демонстрировалось «нечто высшее, чем храбрость»⁶¹. Этот ряд Русских Побед лег в основу проекта создания имперской государственной нации. Севастополь стал первым общепризнанным городом-героем в России. В исторической памяти за несколько десятилетий сформировался устойчивый архетип Севастополя как «священной русской земли», имевшей особое положение в символическом пространстве «общего Отечества».

Живительная энергия геройства и мученичества оказывалась с каждым новым правлением Романовых все более востребованной. Героический дискурс был насыщен воинской риторикой, образами и символами Священной народной войны. Совокупный общественный опыт интерпретировался как символическое преодоление смерти и военного поражения. Героизация смерти за царя и Отечество, культивирование образа русского солдата с его несгибаемой волей к победе и готовностью преодолевать любые трудности полностью соответствовали государственным стратегиям на укрепление военной мощи страны. Милитаризация приобретала сакральный смысл в жизни социума. Милитаризм, заложенный в идеологических конструкциях, воодушевлял идеи войны, жажду подвига и побед. Именно такие мобилизационные стратегии легли в основу коллективной идентичности Российской империи на рубеже веков. Особо стоит отметить, что они соответствовали общему настрою во всех великих державах, где под влиянием культуры нации произошло чрезвычайное усиление милитаристских кодов в государственных идеологиях. В геополитической ситуации того времени только государство с сильной армией и флотом, а главное, способное мобилизовать общество ради общих целей, могло быть достаточно уверенным в отстаивании своих интересов.

Примечания

-
- ¹ В книге Эмилио Джентиле «Политика как религия» (*Gentile E. Politics as Religion. Princeton, 2006. P. XIV–49*) проанализированы процессы, набравшие силу в странах Европы и США с XVIII в. Речь идет о сакрализации политики, когда с развитием политических институтов власти происходило присвоение ими, прямо или опосредованно, компонентов системы верований традиционных религий. Заимствованные мифы, ценности, символы и ритуалы получали новую интерпретацию и вводились в повседневную реальность. Э. Джентиле выделяет две основные формы, возникшие в ходе сакрализации политики: «гражданскую религию» (“civil religion”) и «политическую религию» (“political religion”). Концептуальное разделение понятий основывается на представлении автора о степени развития гражданских свобод и соотношении «общественного» и «государственного» в каждом конкретном историческом случае. Гражданская религия, согласно его концепции, развивается в рамках политической системы, которая гарантирует плюрализм идей, свободную конкуренцию в пространстве власти. Политическая религия, напротив, основывается на идеологическом монизме, обязательной субординации индивидуального и коллективного. Оста-

вим размышления об определенном абстрактном схематизме предложенной концепции. Но важно, что Э. Джентиле обратил внимание на процессы, типичные как для Западной Европы, так и для Российской империи.

- ² Павленко О.В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX века: политические мифы имперской власти // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 116–135.
- ³ Porter A. European Imperialism, 1860–1914. L.: Palgrave Macmillan, 1994. 119 p.
- ⁴ Gentile E. Op. cit. P. XVIII.
- ⁵ См.: Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и оборона Севастополя. Т. 1–3. СПб., 1900; Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной политической обстановкой. Т. 1–2. СПб.: Экспедиция заготовления бумаги, 1908–1913; Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. СПб., 1871 (первое издание в 1868 г.).
- ⁶ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи. 1801–1914. М.: Европа, 2006. С. 184–185.
- ⁷ См.: Парский Д. Памятники Севастопольской обороны. Одесса, 1901. С. 8–11; Бестужев И.В. Значение Крымской войны 1853–1856 гг. в развитии русского военного искусства // Доклады и сообщения Института истории. Вып. 5. М.; Л., 1955. С. 43–52; Бестужев-Лада И.В. Крымская война 1853–1856 гг. М.: АН СССР, 1956; Россейкин В.М. Панорама. Севастополь. Краткий путеводитель. 2-е изд. Симферополь: Крымиздат, 1957 (последующие переиздания были в 1956, 1960, 1964, 1971 гг.).
- ⁸ Puryear V.J. International Economics and Diplomacy in the Near East. A Study of British Commercial Policy in the Levant, 1834–1853. Stanford, 1935. Эта же концепция была высказана в исследованиях: Anderson O. A Liberal State at War. English Politics and Economics During the Crimean War. L., 1967; Hughes J.R.T. Fluctuations in Trade, Industry and Finance. A Study of British Economic Development, 1850–1860. Oxford, 1960.
- ⁹ См.: Тарле Е.В. Крымская война: В 2 т. М., 1959; Аполлов А.Г. Развитие торговых отношений между Россией и Англией после Крымской войны (1856–1858) // Исторические науки: научные доклады высшей школы. 1959. № 4.
- ¹⁰ См.: Золотов В.А. Внешняя торговля южной России в первой половине 19 века. Ростов н/Д, 1963. Эта же идея развивается в статье: Нифонтов А.С. Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853–1856 // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.
- ¹¹ Жомини А.Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. 1886. № 2–10.
- ¹² Étude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852 à 1856) par ancien diplomate: En 2 t. P., 1874. См. подробнее о трактате А.Г. Жомини: Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 1. С. 195–196.
- ¹³ См. также обширное издание дипломатической корреспонденции о мотивах участия европейских держав и Турции в войне против России: Österreichische

Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München; Wien, 1980 (Bd. 1: 27. Dec. 1852 bis 25. März 1854; Bd. 2: 30. März 1854 bis 9. September 1855. Bd. 3. 10. September 1855 bis 24. Mai 1856).

- ¹⁴ *Киссинджер Г.* История дипломатии: Пер. с англ. М., 1997. С. 80–81.
- ¹⁵ См.: Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения Н. Путиловым. Кн. 1–25. СПб., 1854–1857; Сборник известий, относящихся до настоящей войны. Отд. 1. Политический. Кн. 1–12. СПб., 1855. 460 с.; Отд. 2. Дунайская армия. Кн. 1–12. СПб., 1855. 332 с.; Отд. 2. Военные известия. Известия с берегов Черного моря. Кн. 13–24. СПб., 1856; Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб.: Военная тип., 1858. 550 с.
- ¹⁶ Цит. по: *Кессельбреннер Г.Л.* Светлейший князь / Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Московские учебники и картолитография, 1998. С. 19.
- ¹⁷ Крымские новости или плохие обстоятельства союзников пред Севастополем. М., 1855. С. 2.
- ¹⁸ См.: Анекдоты подвигов боевой жизни русских воинов и чувств православных граждан во время войны с турко-англо-французами с товарищи / Изд. народное И. Стиенбера. Кн. 1–2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1855. 8 с.; Анекдоты из современной войны русских с англо-французами и турками. М., 1855; Рассказ Павла Алексеевича о войне с Турциею, Англиею и Франциею и кое-что об Индии и Китае. СПб., 1854. 86 с.; Слава русского оружия на Черном море и Дунае, или целый ряд достопримечательных событий. Исторический рассказ. М., 1855.
- ¹⁹ Перечень иностранных газет, освещавших крымскую кампанию, весьма широкий: “Times”, “Daly-News”, “Standard”, “Independence Belge”, “Fremdenblatt”, “Morning Herald”, “Soldatenfreund” и др.
- ²⁰ *Л.Н.Т.* Севастополь в декабре месяце // Современник. 1855. № 6.
- ²¹ Цит. по: *Линков В.* Примечания // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. М., 1987. Т. 2. С. 511.
- ²² Ночь весною 1855 г. в Севастополе // Современник. 1855. № 9.
- ²³ *Толстой Л.Н.* Севастополь в мае // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. 2. С. 26.
- ²⁴ Граф Л. Толстой. Севастополь в августе 1855 года // Современник. 1856. № 1.
- ²⁵ Севастополь до Крымской войны и после оной. Историческое описание. Составлено и издано для путешественников Ф.В. Ливановым. М., 1874. С. 111. Подробный разбор «Севастопольских рассказов» Л. Толстого в контексте медийной истории Крымской войны наиболее удачно, на наш взгляд, был сделан слависткой Университета г. Констанца (ФРГ) Сюзанной Франк.
- ²⁶ От управления Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. СПб., 1861. 7 с.
- ²⁷ Всеобщее ополчение России за веру, царя и отечество, или Русские ратники во времена императора Александра I и ныне царствующего императора Александра II. М.: Тип. Александра Семена, 1855. 45 с.

- ²⁸ *Погодин М.П.* Письмо о Польше 1851 г. // Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1867. С. 40.
- ²⁹ *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение крымской войны (1853–1856). М.: Типография В.М. Фриша, 1874. С. 301.
- ³⁰ Там же. С. 249. XVI письмо; С. 239–243. XV письмо.
- ³¹ *Погодин М.П.* Соч.: В 5 т. Т. V. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 11.
- ³² *Кокорев В.* Застольная речь, произнесенная на обеде, данном московскими купцами 26 февраля 1856 года в честь доблестных офицеров Черноморского флота в Московском купеческом Собрании. М., 1856. 6 с.
- ³³ См.: Изнанка Крымской войны, другая сторона // Военное обозрение. 1859. № 7; Содержание войск в новороссийском крае, основываясь на примерах минувшей войны // Русский инвалид. 1858. № 52; *Затлер Ф.* Возражение на статью в «Русском инвалиде». СПб., 1859; *Он же.* Замечания на статью, помещенную в 52 номере «Русского инвалида» 1858 года под названием «Содержание войск в новороссийском крае, основываясь на примерах минувшей войны». Одесса, 1858. 46 с.; *Он же.* Описание распоряжений по снабжению Крымской армии в войну 1854–1856 гг. продовольственными и огнестрельными припасами и суда над интендантством. Лейпциг, 1877. Впоследствии материалы судов над интендантами были обобщены в издании «Суд над полевым интендантством в 1856–1859 гг. Материалы для истории Крымской войны», опубликованном в Лейпциге в 1877 г.
- ³⁴ См.: *Тарасенко-Отрешков Н.И.* Посещение в Крыму армий союзников и исчисление потерь в людях и деньгах, понесенных Франциею, Англиею, и Пьемонтом, в нынешнюю войну их против России. СПб.: Тип. П. Греча, 1857; *Рачинский А.В.* Походные письма ополченца из южной Бессарабии. 1855–1856 // Русская беседа. 1858. № 2; *Аничков, капитан.* Военно-исторические очерки Крымской экспедиции, составленные... Описание сражений на реке Альме, при Балаклаве и под Инкерманом. СПб., 1856; *Зеленецкий К.П.* Записки о бомбардировании Одессы 10 апреля 1854 года. Одесса, 1855. 116 с.
- ³⁵ См., напр.: *Дондуков-Корсаков А.М.* Воспоминания о кампании 1855 года в Азиатской Турции (с картами в тексте) // Кавказский сборник. Т. 1. Тифлис, 1876. С. 289–368; Из памятных заметок В.Д. Давыдова // Русский архив. 1871. № 4–5. С. 948–964; № 6. С. 289–297; Из походных воспоминаний о Крымской войне // Русский архив. 1870. № 11. С. 2044–2069; *Гейрот А.Ф.* Описание Восточной войны. 1853–1856 гг. СПб., 1872. 544 с.; Доблестные подвиги русских воинов в войну с англо-французами и турками. М.: Тип. Смирновой, 1855. 106 с.; *Соловьев Н.И.* Скорбные листы Крымской кампании. М., 1872. 74 с. (вырезка из журнала: Русский вестник. 1872. Т. 101. № 19. С. 297–371); *Столытин Д.А.* Из личных воспоминаний о Крымской войне // Русский архив. 1874. № 5. Т. 1. С. 1358–1374.
- ³⁶ Князь А.С. Меншиков. 1853–1854. Донесения и письма. Сообщения А.Д. Крылова // Русская старина. 1873. Июнь. Т. 7. С. 843–854.

- ³⁷ *Богданович М.* Восточная война 1853–1856 годов // Богданович М. Соч. 2-е изд., исправ. Т. 1–4. СПб., 1877. Работа вызвала дискуссии. См., напр.: Восточная война 1853–1856 годов. Обзор событий по поводу сочинения М.И. Богдановича / Сост. Н. Дубровин. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1878. 506 с.
- ³⁸ Рукописи, представленные Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику севастопольцами о Севастопольской обороне: для солдат и народа. СПб.: Досуг и дело, 1873–1874. Кн. 1–4 (репринт: М: Воениздат, 1998. 476 с.).
- ³⁹ Там же. С. 16–17.
- ⁴⁰ Там же. С. 468.
- ⁴¹ Там же. С. 420.
- ⁴² Там же. С. 52.
- ⁴³ Там же. С. 434.
- ⁴⁴ Там же. С. 444–445.
- ⁴⁵ Там же. С. 407.
- ⁴⁶ См., напр.: *Маркевич А.* Таврическая губерния во времена Крымской войны. По архивным материалам. Симферополь, 1905. 260 с.; Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии 1855–1856 гг. По материалам и личным воспоминаниям В.Ц.Г. / Сост. Владимирская ученая арх. комиссия. Владимир, 1900. 26 с.
- ⁴⁷ См.: *Ерошевич Г.К.* Оборона Севастополя. Штурм 6 июня 1855 года. СПб.: Голице и Вильборг, 1909. 31 с.; Рескрипты и письма императора Николая I ко князю Меншикову. СПб., 1908. 197 с.; *Маслов А.Н.* История крепостной войны. Вып. 1. СПб., 1900 (об истории осады крепостей во время Крымской и Франко-прусской войн); *Гунаропуло С.* Воспоминания старого моряка. СПб., 1903. 35 с.; *Колчак В.* Война и плен 1853–1855 гг. Из воспоминаний о давно пережитом. С прилож. Посмертных записок последнего начальника Малахова кургана контр-адмирала П.А. Карпова. СПб., 1904. 178 с.; *Лебедев П.С.* Дневник русского солдата, взятого в плен при Бомарзунде в 1854 году. СПб., 1893. 212 с. (вырезки из журн. «Русская старина». 1893. Октябрь. Т. IXXX); Записки Петра Кононовича Менькова: В 3 т. СПб.: Тип. Березовского, 1898. Т. 1: Дунай и немцы. Восточный вопрос (1853–1855). 471 с. Т. 2: Дневник (1833–1875). 370 с.; Из воспоминаний князя Александра Васильевича Мещерского. Размен пленных в войну 1854–1855. М., 1899. 64 с.; *Валуев П.А.* Дума русского во второй половине 1855 г. СПб., 1893; *Каллистов Н.А.* Исторические записки о военных пастырях, участвовавших со своими воинскими частями в Крымскую войну при обороне Севастополя и удостоенных особых знаков отличия. СПб., 1904. 56 с.; *Петров А.Д.* Дунайская кампания 1853 и 1854 годов. СПб., 1890.
- ⁴⁸ *Аврамов Н.* Памятка ветерана севастопольца и его потомков. Высочайше дарованные милости; льготы по призраению ветеранов и по образованию их потомков. Сведения, необходимые для севастопольца и его семьи. СПб.: Офицер-воспитатель, 1907.
- ⁴⁹ Севастополь и его герои. СПб., 1901. С. 101.

- ⁵⁰ Севастополь до Крымской войны и после оной... С. 3.
- ⁵¹ Там же. С. 415.
- ⁵² *Афанасьев Д.* Путеводитель по Севастополю, его бастионам и окрестностям. Изд. с целью благотворения на его развалинах. Николаев, 1857. 50 с.
- ⁵³ *Парский Д.* Указ. соч. С. 67.
- ⁵⁴ Севастополь до Крымской войны и после оной... С. 127.
- ⁵⁵ Севастопольский музей: Комитет по устройству. Дубровин Николай Федорович, 1837–1904: Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Сборник изд. Комитетом по устройству Севастопольского музея; под ред. Н. Дубровина. Вып. 1–5. СПб.: Тип. Деп. Уделов, 1871–1874. В приложении к вып. 1 биографические очерки с портретами – Николай I, Меншиков, Нахимов, Корнилов; к вып. 2 – Александр II, М.Д. Горчаков, Хрулев, Истомина; к вып. 3 – вел. кн. Николай Николаевич, Остен-Сакен, Новосильский, Панфилов; к вып. 4 – вел. кн. Михаил Николаевич, Соймонов, Тотлебен, Васильчиков; к вып. 5 – Шемякин, Хрущов, Зарина, М. Перелешин. В подготовке материалов использовались ранее собранные данные. См., напр.: *Жандр А.* Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, собранные и объясненные капитан-лейтенантом А. Жандром, бывшим его флаг-офицером (объясняющие постепенное улучшение обороны Севастополя). СПб., 1859.
- ⁵⁶ *Парский Д.* Указ. соч. С. 70.
- ⁵⁷ Приказ Черноморскому флоту (6 мая 1886 г.). Цит. по.: *Парский Д.* Указ. соч. С. 7.
- ⁵⁸ См.: *Парский Д.* Указ. соч.; Панорама Севастопольской обороны. Штурм 6 июня 1855 г. Севастополь, 1906. 36 с.; *Литвинов А.* Каталог Музея Севастопольской обороны с кратким описанием Малахова кургана, памятника Корнилову. Севастополь, 1897; Исторический каталог Музея Севастопольской обороны. К 1 октября 1910. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1911. 188 с.; Музей Севастопольской обороны. Исторический каталог. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1914. 186 с.
- ⁵⁹ *Парский Д.* Указ. соч. С. 10–11.
- ⁶⁰ Комплексный анализ феномена Крымской войны представлен в книге под редакцией известного польского ученого Ежи Борейши, собравшего для этого проекта исследователей из всех стран, которые были когда-то вовлечены в этот глобальный конфликт: *The Crimean War. 1853–1856. Colonial Skirmish or Rehearsal for World War? Empires, Nations, and Individuals* / Ed. by Jerzy W. Borejsza. Warszawa: Neriton, 2011.
- ⁶¹ В память столетия Бородинской битвы. 1812–1912 / Сост. Н. Иванов. Одесса, 1912. С. 3.

В.С. Мирзеханов

ЕВРОПЕЙЦЫ В КОЛОНИЯХ: СТИЛЬ ЖИЗНИ И ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА

Статья посвящена образу жизни и особенностям менталитета европейцев в колониях, взаимоотношениям «людей империи» и местного неевропейского населения. Характер этих взаимоотношений представляется весьма сложным: сотрудничество, взаимодействие, использование имперских ресурсов в местных интересах сочетались с обилием практик неприятия и противостояния.

Ключевые слова: империя, метрополия, доминионы, колония, колонизация, европейские колонисты, стиль жизни, культ родины, менталитет, идентичность.

Становление империй Нового и новейшего времени и европейская колонизация сопровождались массовым перемещением людей. Одни покидали историческую родину, стремясь обрести свободу вероисповедания, вторые – из-за материальных выгод, третьи – в поисках приключений. У некоторых – рабов или ссыльных преступников – просто не было выбора. Эти путешествия никогда не были безопасными, а места назначения редко оказывались приветливыми. Как жили, чувствовали и ощущали себя в доминионах, колониях и зависимых странах европейцы? Как происходило взаимодействие «людей империи» и местных неевропейских сообществ? Европейцы в колониях и имперских окраинах, кто они, эти люди? Вопрос не так прост, так как данная группа одновременно включает в себя и людей, рожденных в Европе, и лиц, происхождение которых может уходить корнями к южноафриканским бурам или канадцам на многие поколения. По сути, их идентификацию определяли два

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-01-00370 «XX век в современной исторической науке: актуальные проблемы периодизации и структурирования всемирной истории»

© Мирзеханов В.С., 2014

критерия: расовый и культурный. Первый, очевидно, охватывает внешний вид и цвет кожи. Второй – принадлежность к европейской культуре. Европейцем практически повсюду, в противовес местному населению, является «белый». Но такой подход не имеет почти никакого смысла в Северной Африке, арабском мире и даже по отношению к некоторым народностям Индии, белизна кожи которых схожа с народами Южной Европы. В данном случае антропологические нюансы значат гораздо меньше, чем манера поведения или форма костюма. Более значим, чем внешний вид, другой элемент – культурная принадлежность: языковая и религиозная. Иметь родным языком один из европейских (по сравнению с языками, называемыми «восточными»), а также произрастать из религиозных традиций, во всем их многообразии, христианства является определяющим условием. Кульминация такой особенности – факт гражданства европейской державы, обобщающей в себе все заданные критерии и дарующей привилегии и преимущества. Впрочем, для народов Востока и Африки все европейцы с их унифицированной бледностью, одинаковой одеждой, подверженной двойной тирании со стороны моды и соображений гигиены, а также с их технокультурой, странными манерами и маниями похожи друг на друга.

Феномен создания колониальных империй лишь в исключительных случаях (например, доминионы) основывался на глубоком проникновении колонистов. Практически повсюду европейцы составляют незначительное меньшинство. Если оценивать общую численность европейского населения в Индии, то там британцы составляли максимум 0,05 % населения: в 1805 г. – 31 000 человек, в 1881 г. – 89 778, к 1931 г. – 124 000 человек¹.

Действительно, в огромной массе владений в Азии, Африке или Океании мы найдем очень мало «колонистов». Во всех этих странах европеец по-настоящему является «штучным товаром» и не может не ощущать себя чужаком, не способным на воссоздание чего-либо похожего на новую Европу. Историк Э. Фор отмечает, что, несмотря на значительные свершения британцев в Индии (современные городские кварталы, магистраль, железные дороги, электрификацию, судостроительство, предприятия), «англичане кажутся здесь обособленными. Их редко встретишь в городах и совсем не видно в деревнях»².

Обозреватели того времени часто приводят образ «пленки» или «лака» колонизации. Но даже эти метафоры, говорящие об очень тонком слое, далеки от реальности. В действительности необходимо отделять городские агломерации, вбирающие в себя основную часть «колонистов», от провинциальной глубинки, где проживает лишь скромное количество европейцев (фермеров, чиновников или

искателей приключений). Для иллюстрации достаточно нескольких примеров: 70 % европейского населения в Алжире проживало к 1931 г. в городах (из них четверть не покидала столицы). И, напротив, многие сельские и труднодоступные регионы обойдены вниманием европейцев. Нет их и в большинстве горных районов или в тропиках. По выражению одной английской комиссии, белокожего обнаружить в этих районах так же трудно, как иголку в стоге сена³.

Там, где европейцы немногочисленны, они главным образом призваны исполнять обязанности управленцев. Чаще всего они сосредоточиваются на относительно высоких должностях: губернаторы, начальники служб, директора банковских агентств, горнодобывающих центров, плантаций. В отличие от служащих или должностей среднего звена, в большинстве случаев предоставляемых неевропейцам. Дж. Фурнивалл отмечает, что в Индии британское население образует «единственную касту, подчиненную традиции *Public Schools*», т. е. воспитания высших классов общества⁴. Ясно, что в колониях европейцы выполняют не только функции, относящиеся к управлению. Города могут предоставлять кров и более земным персонажам: механикам, владельцам кафе или служащим скромных торговых домов. Итальянцы и греки часто выполняют подобные функции в Черной Африке. Безусловно, в колониях имеются большие начальники и большие собственники, но в них мы также найдем и средний класс предпринимателей, работников свободных профессий, торговцев, мелких ремесленников, мелких крестьян, часть которых живет бедно по меркам метрополий.

Важно отметить, что на всех территориях, относящихся к империям, европейцы лишь отчасти являются выходцами из метрополии. Только два доминиона, Австралия и Новая Зеландия, были заселены главным образом британскими поселенцами – англичанами, шотландцами или ирландцами. И наоборот, в Канаде население французского происхождения составляет примерно треть жителей, в то время как в Южно-Африканском союзе 60 % белого населения являются потомками голландских колонистов. Пример французских владений в Северной Африке еще более удивителен: к концу XIX в. в Алжире волна латинской (испанской, итальянской, мальтийской) эмиграции угрожала поглотить население, прибывшее из метрополии. В Тунисе вплоть до 30-х гг. XX в. итальянцы и мальтийцы были более многочисленны, чем французы. В обоих случаях окончательная победа французской культуры была достигнута лишь суровой политикой ассимиляции, основными инструментами которой явились так называемые автоматическая натурализация, школа, военная служба. Положение не особенно отли-

чалось и в классических колониях: вне администрации, закрытой для коренных этносов, нужда в персонале приводила к радушному приему любого человека, слывшего компетентным и работающим. П. Моран писал о Суэцком канале, что «его армия – английская, его рабочий класс – греческий, начальники станций – итальянские и его администрация – французская»⁵.

В глобальном плане нищета или по крайней мере скромность условий существования коренного населения, особенно крестьян, контрастирует с уровнем жизни европейцев в колониях. Питание является одним из наиболее вопиющих аспектов. Правда ли, что англичане, прозванные итальянцами *“il popolo dei cinque pasti”* (народ пяти блюд. – В. М.), выдающиеся едоки по сравнению с другими колонизаторами? Вероятно⁶. «Недоедающий народ не обосновался бы так флегматично на всех четырех сторонах света», – замечает А. Деманжон и добавляет, что под всеми широтами британцы остаются верны своим *breakfast, lunch и five o'clock tea* (чтобы насчитать пятиразовый прием пищи, надо добавить перед *breakfast* «чай в постель» и ужин). Как всякий добропорядочный француз, он, естественно, не упускает, что если англичане и едят много, то нельзя сказать, что едят они хорошо⁷. Режим питания влияет на вес и рост населения и является не последним элементом превосходства европейцев. Британец или голландец весит в среднем 70 кг, француз – 64 кг против 50–60 кг индуса и 55–60 кг индокитайца⁸. Подобное различие в малом делает невыносимым зрелище пузатого белого, толкаемого рикшей, даже если это средство передвижения предназначено не только для европейцев. Но даже европейцы, питающиеся в меру и без излишеств, как французы в Алжире, которые сохранили в общей массе своей умеренность средиземноморских народов и чей средний уровень жизни скорее ниже, чем у их соотечественников в метрополии, могут вызывать зависть или чувство несправедливости. Мессали Хаджи, мальчик в бакалейной лавке в Тлемсене, следующим образом описывает «закупки» европейцев, которые были в состоянии за один визит купить «килограмм сахара, полфунта молотого кофе, две пачки масла, четверть сыра, две плитки шоколада, две упаковки макарон, две банки сардин и леденцов для детей». В то же время алжирцы довольствовались сечкой и сахаром, растительным маслом и солью в очень малых количествах, зачастую в кредит⁹. Правда, подобные эпизоды датируются 1916 г., эпохой острой нужды, но не факт, что положение сильно изменилось впоследствии, по крайней мере для большинства.

Неравенство особенно заметно в заработной плате. В 1935 г. общая сумма заработной платы, выданной 329 000 африканским

работникам горнодобывающего сектора Южной Африки, составила 9 млн фунтов. 35 000 работников европейского происхождения получили более 11 млн фунтов. Это указывает на соотношение доходов 1 к 11,6. Разница лишь отчасти объясняется степенью квалификации, хотя принимаются всевозможные меры по запрету чернокожему населению занимать квалифицированные должности¹⁰. Пропасть только увеличивается, так как зарплаты африканцев практически не повышаются. В отличие от зарплат белых рабочих, чьи официально признанные организации более легко добиваются уступок от администрации¹¹.

Другие, более общие, элементы позволяют увидеть уровень и масштабы неравенства. В 1929 г. на Яве и Мадере из 40 млн местных жителей под налог на доходы подпадают лишь 3 %, причем 80 % из них – на доход менее 300 флоринов. В то же время среди 250 000 европейцев налогооблагаемых было 28 %, две трети из которых заявили свыше 5 000 флоринов, а одна треть – свыше 20 000. Они же уплатили три четвертых пошлины на автомобили¹². В Алжире мы встретим схожую картину. Согласно данным 1921 г., доля коренных жителей в налоговых сборах не превышала 17 %, тогда как они составляли 87 % населения. Европейская часть выплат составила 73 %¹³. Конечно, эти цифры помогают защитникам колонизации показать, что налоговая система не призвана эксплуатировать коренное население, организуя массивный отток его денежных ресурсов в метрополию. Однако приведенные данные подчеркивают серьезный дисбаланс в доходах.

Удалось ли колонистам-европейцам достичь пресловутого «жизненного счастья»? Конечно, их жизнь существенно улучшилась со времен первооткрывателей, и официальные органы, завлекающие эмигрантов, охотно это подчеркивают. Согласно французским колониальным властям, «санитарные условия крупных городов Северной Африки, Индокитая, Мадагаскара и даже Западной Африки полностью выдерживают сравнение с наиболее прогрессивными городами Европы. Что касается небольших отдаленных поселений, вновь прибывший сможет найти способы защиты от вредоносного влияния климата среди новых знакомств или в документах, публикуемых местными службами»¹⁴. Для женской ассоциации «контроль гигиены, все более и более совершенная организация медицинских служб, в частности создание исследовательских институтов, изменили условия жизни в этих отдаленных районах. Сегодня у женщин есть все возможности для комфортного проживания, ведения хозяйства, создания семьи, воспитания детей»¹⁵.

Такие улучшения произошли только в XX в. Например, в 1925 г. Р. Доргелес заметил по поводу Индокитая: «За пятнадцать лет колония изменилась больше, чем Европа за столетие»¹⁶. У.С. Моэм в ряде новелл, действие которых происходит в Малайзии в 20-е гг., отмечает, что с довоенного периода самолет существенно изменил условия жизни в колониях. Он также поменял во многих случаях отношение к Англии. Когда-то эти люди рассчитывали провести всю свою жизнь вплоть до момента выхода на пенсию, например, в штате Саравак или Селангор: Англия находилась на другом краю света, и когда они туда возвращались, они все сильнее ощущали себя в ней чужаками. Их истинный дом, друзья находились в стране, где была проведена лучшая часть жизни. Отныне более легкая возможность покинуть колонию позволяет укрепить связи с метрополией¹⁷.

Однако далеко не повсюду санитарные условия были образцовыми. Смертность колонистов Буфарика в Алжире в 1840-е гг. оставалась невероятной и сделала из Алжира наряду с Индией лабораторию по изучению малярии вплоть до 30-х гг. XX в. Несмотря на искоренение смертельных форм, это заболевание продолжало подвергать европейское население некоторых районов тяжелейшим приступам лихорадки. Смертность среди детей европейского происхождения вдвое выше, чем в метрополии (130/140 человек на 1000 против 65 человек на 1000), вследствие неудовлетворительного медицинского обслуживания¹⁸. В тропиках санитарные условия находились в еще более допотопном состоянии. «Никто не приходит сюда ради собственного удовольствия, – пишет географ Ш. Моразе в статье о Дакаре, опубликованной в 1936 г. – Климатические риски приводят к тому, что здесь оказываются лишь вынужденно...» Жара и влажность испытывают на прочность организм белого человека, и эта ослабленность приводит к большей подверженности атакам тропических болезней, к которым он менее устойчив, чем туземцы. Эта нездоровая обстановка диктует уклад жизни: «Во всем режим жизни довольно искусственный, состоящий из строгих запретов и ограничений, сильно отличающийся от свободной деятельности в краях с умеренным климатом»¹⁹. Ношение колониального шлема, необходимость в сетке от насекомых, постоянный контроль питьевой воды, строгая гигиена и режим питания, четкий распорядок рабочего дня во избежание переутомления, обязательный послеобеденный сон – таковы предписания, несоблюдение которых может привести к усталости, болезни или смерти, вероятность которой возрастает при удалении от города или центра, располагающего врачами и больницами.

Эти трудности во многом объясняют низкое соотношение европейских женщин и детей к общему числу поселенцев. Даже если времена, когда посетители кафе в Ханое или Сайгоне «выскакивали посмотреть на проходящую белую женщину», уже прошли, подавляющее большинство европейцев в колониях составляют мужчины. Некоторые цифры относительно Бельгийского Конго характеризуют масштаб проблемы. К началу 20-х гг. XX в. в Леопольдвилле насчитывалось лишь 600 женщин на 3000 европейских жителей. В 1939 г. на всю страну, то есть на 30 тыс. европейцев, приходилось немногим более 7000 женщин и 4000 детей, либо около трети от общего числа²⁰. В Индии соотношение было примерно таким же.

Регулярное посещение Европы каждые три-четыре года в ходе многомесячного отпуска с обязательным пребыванием на водах было не только данью моде, но и необходимостью. Так, колонисты-французы отчасти способствуют процветанию Виши. За неимением вод высокогорные курортные города позволяют на месте избегать тяжести климата, например сухого сезона. В Индии англичане издавна выбрали склоны южного высокогорья Гималаев: Симла (2200 м) и Даржилинг (2185 м). Голландцы используют станцию Бандунг на высоте 750 м с исключительно здоровым среднегорным пейзажем в 170 км от Батавии, от которой путь по железной дороге занимает три часа. В Индокитае Далат в краю Мои на высоте 1500 м играет такую же роль. В Африке мы не найдем подобных мест отдыха в силу того, что существует мало легкодоступных районов с подходящим климатом. Замысел барона Ампена создать из Гома в Бельгийском Конго на самом северном берегу озера Киву новый Гелиополис, аналог роскошного жилого квартала в предместье Каира, не увенчался успехом²¹.

Европейское общество колоний не забывает и о социальной иерархии. Чтобы наслаждаться полной грудью привилегиями, дарованными положением «колонизатора», необходимо занимать высокий пост и располагать достаточным состоянием. Летописи, ведущие имперскую хронику, предназначены, как и все остальные, великим персонажам. Такова привилегия, в частности, британского вице-короля Индии, имеющего блестящую родословную, предстоящего в великолепном одеянии перед махараджи, усеянными драгоценными камнями, или окруженным эскадронами бенгальских улан по случаю пышных *darbars* (название церемоний чествования суверена). С ним может сравниться такой высокопоставленный чиновник, как генерал-губернатор голландской Ост-Индии.

В этой светской хронике для наиболее состоятельных слоев разворачивается необременительная жизнь, которая часто, по крайней мере при чтении мемуаров, производит впечатление феерии. Кенийские хроники сохранили упоминание о *Happy Valley* (Долина Счастья. – В. М.), понятии, используемом для обозначения Масайги, квартала Найроби, где в вихре охот и праздников смешались отпрыски высшей британской аристократии и авантюристы, проводившие время в баре знаменитого *Muthaiga Club* или *Torr Hotel*, выпивая бесчисленные коктейли, просяживая значительные суммы на бегах или за игрой, при полной свободе нравов, являвшейся частью хорошего тона. В целом, как не без иронии пишет С. Мадариага, они представляют картину «безмятежного и приятного мира для богатых людей и, в придачу, для тех, самое острое желание которых состоит в созерцании и восхищении ими»²².

Разумеется, речь идет лишь о меньшинстве. На другом конце социальной лестницы находится простое европейское население колониальных городков, проживающее в атмосфере, вызывавшей шок у таких аристократов духа, как П. Бурдые или П. Нора. Его единственное счастье состоит из вечернего пастиса, воскресной рыбалки или пикника в пасхальный понедельник. Их заботы схожи с заботами народных слоев Европы и могут быть определены тремя словами: работать, чтобы выжить. При постоянной угрозе болезни или безработицы, если только какой-нибудь мировой конфликт не пошлет мужчин умирать вдали от дома вперемешку с их мусульманскими товарищами. И нет существенной разницы между «белыми поденщиками» Гваделупы, влачащими жалкое существование на приисках, или рыбаками нормандских корней Святого Бартоломея, или европейцами, заселившими острова Тихого океана и прозванными по-английски *beachcombers* (дословно «пляжные чесальщики». – В. М.). И что уж говорить о нищете мелких фермеров Южной Африки, согнанных со своих земель нерентабельностью производства, безграмотных, говорящих лишь на бурском диалекте, опустившихся до попрошайничества? Идеальная масса для любого маневра, полностью предоставленная во власть теоретиков апартеида. К 1930 г. соотношение этих «бедных белых» (*Poor Whites*) оценивалось в 22 % от всего числа белого населения²³.

Заметим, что подобное положение дел в еще большей степени присуще доминионам, где европейское общество более неоднородно. Европейцы, родившиеся на месте, сталкиваются с теми же трудностями найти и сохранить работу, что и в Европе. Такое реже встречается в классических колониях, куда европейцы прибывают с готовой профессией для выполнения определенных за-

дач за ограниченное время. Но даже для высших слоев жизнь остается трудной. Владение заморским коммерческим предприятием, сельскохозяйственным угодьем или плантацией требует энергии и непрерывного присутствия на месте. Светская жизнь в европейских центрах или на водных курортах для таких людей является лишь передышкой в поглощенном ежедневными заботами существовании. Впрочем, подобный отдых зачастую сочетается с необходимостью увещевания банков и прочих кредитных органов для продолжения бизнеса. От этого нередко возникает непонимание со стороны общественного мнения метрополии, расценивающего заморскую жизнь, особенно в тропиках, как сладкий сон или склонного переоценивать нажитые состояния, которые в общей своей массе существенно ниже, чем в метрополии.

В середине 1930-х гг. миф о заморских колониях, чрезвычайно распространенный среди предыдущих поколений, еще жив. Грандиозные пейзажи, таинственные и роскошные леса, бескрайние пустыни, непокоренные горы, народы с диким нравом будоражат воображение. Тяга к приключениям неразрывно связана с желанием освободиться от всяких оков «цивилизации», установок или моральных запретов, сильно ограничивающих стремление к самовыражению, успеху или просто к быстрому обогащению. Несмотря на то что для большинства попытка так и остается попыткой, горстка непокорных продолжает воплощать в жизнь свои чаяния. Только таким оказываются по плечу края, где приходится общаться одновременно и с природой, и с народами, смешавшимися с ней ввиду их неприхотливости, безразличия к смерти и страданиям. Эти «одиночки» пользуются пока еще отсутствием официального контроля, частичным или полным, и в той или иной степени скрытым военным положением в не имевших в ту пору названия «серых зонах».

Одни находят занятость среди патриархальных народов больших тропических лесов, пустынь или гор либо, сознательно или нет, восстанавливают сюжет новеллы Р. Киплинга «Человек, который хотел быть королем». Всегда есть место для необычайных персонажей – старателей, охотников или проводников, дровосеков, золотоискателей. Другие остановили свой выбор на портовых городах, сродни Шанхаю. «Удивительный перекресток человеческой отваги, неисчислимого скопления людей твердой закалки, беспощадных хищников, скроенных из редкого материала, называемого энергией», или «авантюристов до мозга костей, вырванных из Европы или белой России, высокомерно несущих свое благородное превосходство»²⁴.

Однако было бы ошибкой усматривать в этих нонконформистах лишь маргиналов, ведущих соблазнительную, но преступную деятельность – торговлю наркотиками, оружием, живым товаром. Среди них мы находим большинство вполне уважаемых персонажей, в первых рядах которых стоят офицеры и управленцы, уполномоченные вести дела на имперских рынках. Характерный пример – управляющий Маклетчи, помогавший свободным французам в Габоне в 1940 г. «Утомленный хищниками и слонами, – пишет Е. Лармина, – он охотился теперь только на буйвола, что требует крепких нервов и верного глаза. Насколько мне известно, он обходился одной парой холщовых туфель, одними брюками, одной поношенной рубашкой и одним слугой, удалявшим ему по вечерам клещей из ног»²⁵. Уместно также вспомнить лоцманов в устьях великих китайских рек, «обладавших банковскими счетами и обширными связями в море, все как один из Европы и набранных среди шотландцев», живших в стороне от космополитической среды Шанхая. Все эти люди равно одержимы страстью к приключениям и чувством долга. «Дело! Или, лучше сказать, любовь к труду и любовь к профессии! Вероятно, необходимо покинуть пределы Европы, чтобы осознать решающее влияние этого фактора на жизнь белого человека». Строки написаны путешественником, переполненным восторгом от усилий одинокого русского инженера, руководившего строительством железной дороги в джунглях Центральной Индии²⁶.

Конечно, не все европейцы имели желание или возможность преодолевать в одиночку любые преграды. Довольно редко они живут порознь. Наиболее часто они группируются от нескольких десятков до нескольких тысяч в административных или добывающих центрах, где образ жизни более камерный. Существует строгая иерархия общества по профессиональной принадлежности: военные, чиновники или служащие, нередко одной компании. Господствует дух консерватизма. Многие прибывающие подпадают под жесткое действие наиболее распространенных стереотипов, свойственных выходцам из всех европейских стран: необходимость сурового обращения с туземцами; настойчивое утверждение их несостоятельности и покорности; мысли о том, что колониальная жизнь уже не такая, какой была до появления националистов... или до приезда законных жен в колонию²⁷. Следует ли из этого, что глупость – колониальное изобретение? С трудом верится, что метрополии, как в этой области, так и в остальных, далеко ушли в этом сомнительном соревновании. Приходится признать, что, как и в провинциальных городах Европы, открытость миру

отсутствовала в колониальных поселениях, она присутствовала лишь в некоторых великих столицах.

Несмотря на общие черты, национальные особенности накладывают свой отпечаток на манеру поведения колонистов-европейцев. По рассказам путешественников, по окончании рабочего дня два типа поведения противостоят друг другу. Англичанин играет в крикет под безжалостно палящим солнцем, затем обязательно облачается в черный смокинг, «траурную униформу Британской Империи», по выражению А. Хаксли, перед походом в свой клуб для распития несчетного количества виски²⁸. И, напротив, француз, измученный и пузатый, в своем колониальном шлеме, неряшливо развалившись на террасе кафе, жадно поглощает аперитив под тропическим солнцем, в стиле персонажа Дюбу. Последняя картина зачастую не отражает действительность. Во многих французских колониях теннис, гольф, верховая езда или плавание являются требованиями моды, поскольку хорошая физическая форма делает более привлекательным. При этом большинство путешественников находят жизнь крайне монотонной. «Никто, – пишет Э. Во, – не может знать, что собой в действительности представляет скука, не побывав в тропиках»²⁹. Искатели приключений испытывают к такому образу жизни отвращение даже большее, чем к укладу городов Запада... «Я ненавидел, – пишет в своих воспоминаниях британец В. Тесижер, офицер и исследователь, – опрятные виллы, асфальтовые дороги и тщательно размеченные улицы Омдурмана; указатели и общественные туалеты вызывали во мне отвращение»³⁰.

Единственным настоящим украшением той жизни являлась возможность содержать многочисленную, потому как низкооплачиваемую и вынужденную быть покорной, домашнюю прислугу, чаще всего мужского пола. Английское слово “*boy*” (мальчик, здесь слуга. – В. М.) вошло во французский колониальный язык вместе с забавными производными, например “*boyerie*”, обозначающим место, где размещаются слуги. Это позволяет часто менять наряды, организовывать приемы, содержать дом или сад. Мелким буржуа предоставлена возможность сгладить таким образом тяготы ограниченной жизни. В то же время высокопоставленный чиновник может проживать во дворце, унаследованном от пышных восточных дворов. Но речь идет в большей степени о видимости привилегии, чем о настоящей материальной выгоде. Правда, в колониальных обществах, как и в европейских, то, что Паскаль прозвал величием заведения, ценится так же, как и реальные преимущества.

В Европе того времени личная безопасность была уже на довольно высоком уровне. Чего нельзя сказать про колонии, где ко-

лонисты, в той или иной степени представляющие меньшинство, живут в страхе «потревожить тигра». Конечно, редкий обозреватель не нарекнет «туземцев» ленивыми и пассивными. Однако фрагменты воспоминаний, вызывающие волнение, встречаются во всех мемуарах. В Индии это прежде всего сипайское восстание 1857 г.; в Алжире – восстание Большой Кабилы в 1871 г. с ужасными картинами захваченных и сожженных ферм, обезглавленных людей, убитых или захваченных женщин и детей. Памятники служат напоминанием о прошедших событиях, как, например, *St James's Church* или более скромный монумент в Палестро в память о 50 убиенных колонистах во время мятежа Кабилы. Неважно, что мало кто помнит о причинах этих событий и еще меньше – об ответственности колониальных властей за ход их развития. Неважно, что туземцы спасали европейцев под страхом собственной смерти. Наконец, неважно, что британские или французские войска учинили кровавые репрессии. Все эти рассуждения меркнут перед навязчивым образом «варварства», всегда готовым восстать из небытия, и лишь подогревают относительно частые побоища и бунты, жертвами которых могут становиться европейцы. В более мелком масштабе, по причине своего относительного богатства, вызывающего у бедных зависть, они страдают от бесчисленных ограблений и мелкого воровства. Таким образом, безопасность никогда не была гарантирована.

В данной ситуации большинство колонистов-европейцев отвечает той или иной манере восприятия, которые, по существу, представляют собой лишь два противоположных способа проявления чувства тревоги. А. Давид-Неель, знаменитая своими путешествиями в сердце буддистских цивилизаций, вспоминает: «Иностранцы, большей частью англичане, проживавшие в Индии, обладали одним замечательным качеством: они были храбры. Несколько легкомысленные или зачастую даже заслуживающие порицания в их отношении к смерти, они всегда со спокойствием встречали опасность... Лишь гордость “белого”, лишь врожденное презрение к туземцам помогло им жить. Было бы справедливым вписать их храбрость напротив ошибок, которые можно поставить им в вину»³¹. А. Камю, простой горожанин из скромной семьи в Алжире, перед тем как стать знаменитым писателем-гуманистом, пишет о том же в 1960 г., рассказывая о стране своего детства: «...лишь отвага позволяла здесь жить»³². Эта отвага предназначена для выживания. Она не похожа на отвагу солдата, долг которого – погибнуть на поле боя. Она не исключает паники, выражаемой в попытках слепого возмездия. Или когда заслоны войск или поли-

ции сметены, когда кажется, что ничто не в состоянии остановить прорыв обезумевшего потока мятежников в европейские кварталы. Последняя манера восприятия особенно часто будет встречаться в период деколонизации. Она относительно редка между мировыми войнами, в период наивысшего расцвета мощи колониального репрессивного аппарата. Редок тот европеец, который не считает, что туземцы понимают только силу. Свидетельством данного утверждения является замечание Ж.А. Буске в одной из газет голландской Ост-Индии: «С собакой нужно обращаться как с собакой... кули понимает кнут, надо его ему дать»³³. Это общее отношение парализует возможность попыток найти компромисс. Простое упоминание о независимости колонии от ее метрополии, даже в отдаленной перспективе, воспринимается в штыки. Люди либеральных взглядов, как вице-король Индии лорд Рипон или юрист П. Ильберт, осмелившиеся предложить законопроект, разрешающий образованным индийцам становиться судьями, испытали гнев белого сообщества имперской периферии на собственном горьком опыте³⁴.

У всех европейских колонистов, какими бы ни были их социальная среда или происхождение, лояльность по отношению к метрополии не подвергается сомнению. Естественно, зачастую метрополия – далекая принцесса. Не всегда является местом рождения. Ее посещают редко, приезжая на лечение, выходя на пенсию или во время отпуска. Единственное исключение представляет Северная Африка, расположенная поблизости от метрополии: в 1932 г. около 100 000 алжирцев провели во Франции отпуска³⁵. В Европе они не чувствуют себя в своей тарелке, охотно описывая ее жизнь как рутинную, отсталую, скованную по сравнению с заморскими приключениями. Они не готовы подчиниться намерениям парламентов метрополий, расцениваемых как угроза внутренней безопасности или посягательство на местные свободы. Проекты реформ в пользу коренного населения ими жестко отклоняются как наносящие ущерб национальной или имперской обороноспособности. Далекая родина является, тем не менее, предметом почитания, местом всяческих преимуществ: географических, климатических, экономических, культурных и духовных. И как же может быть иначе, если обладание гражданством влечет за собой защиту, покровительство и привилегии? Для многих поколений французов, проживающих в Северной Африке, на Антильских островах или в иных краях, Франция остается родиной. Сыновья любовь подтверждается в период войн. Прийти из-за морей на помощь метрополии для француза или англичанина является больше чем долгом. Это подтверждение взаимного обязательства, связывающего метрополию и ее коло-

нии. Несколько показное послание, полученное Лондоном с Барбадоса, *“the oldest and the most English colony”* («старейшей и самой английской колонии»), где проживало лишь 7 % белого населения, символизирует эту, зачастую экзальтированную, гордость в разгар тревожного лета 1940 г., в ходе которого угроза нашествия, забытая со времен Бонапарта, витала над Британскими островами: *“Carry on, Britain! Barbados is behind you!”* («Знай, Британия! Барбадос с тобой!»)³⁶. В подобной же манере гимн «Это мы, африканцы» будет воспевать в 1944 г. гордость французов Алжира (которых еще не прозвали «черноногими»), составивших совместно с мусульманами большую часть французских войск, освобождавших метрополию. Вклад, который официальная историография по сей день обходит стороной. Вместе с тем такая привязанность требует неусыпной заботы со стороны метрополии и полного подчинения ее заморских детей. Это требование, сочетающееся с имперской идеологией, не обременяет до некоторых пор политических деятелей метрополии. Они охотно прославляют роль колонистов в миссии цивилизации заморских территорий. Намеренная лесть, направленная на усиление патриотизма и гордости, заходящей порой слишком далеко. Она покажется неуместной в момент деколонизации.

Анализируя этот моральный настрой, необходимо различать состояние духа чиновников, присланных для выполнения руководящих функций, и рядовых колонистов. Первые в большинстве своем не имеют ни малейшего желания оставаться на месте. Наиболее часто «колониальные чиновники» возвращаются в свою страну сразу по окончании контракта или карьеры. Согласно определению британского мыслителя XVIII в. Э. Берка, остающемуся верным для этих земель, есть одна вещь, никогда не встречаемая в Индии, – седоволосый англичанин. Это объясняет то, что, даже если ему понравилась колония и он привозит оттуда посуду, ковры, мебель, статуи, охотничьи трофеи, отъезд не представляет собой выдиранье корней. Это всего лишь часть его прошедшей жизни, и он сожалеет о колонии в меньшей степени, чем о временах молодости. Положение сильно отличается в доминионах, где появилось в благоприятных климатических условиях то, что Ф. Бродель назвал «живыми и бренными Европами», основанными на наследовании многими поколениями земли, на которой домашний погребок начинали размечать в знак вступления во владение. Это вращение корнями создает сильную привязанность к стране, влечет трудности в обустройстве в незнакомой и порой малопонятной Европе. Нет ничего удивительного в той ожесточенности, с которой эти люди защищают общество и образ жизни, включая наименее приемлемые их проявления.

Очевидно, что просвещенные поклонники Нагорной проповеди в колониях скорее были исключением, чем правилом. Власти в имперских столицах и европейские колонисты на местах по-разному видели роль и статус местного населения. Лишь единицы понимали, что эффективное управление колониями возможно только при сотрудничестве с ключевыми группами управляемых. Высшие чиновники центра и периферии не видели иного выхода, кроме кооптации местной элиты. Однако европейское население, проживавшее в колониях, стремилось не допускать даже европеизированную элиту в свои ряды. Либерализм центра, идеи верховенства права сталкивались с расизмом белого меньшинства колониальной периферии. Последние были убеждены в своей особой миссии, постоянно подчеркивали свое превосходство. Расовая проблема существовала во всех колониях и вызывала отчуждение европейского и неевропейского населения. Сегрегация и игнорирование неевропейских элит разделили колониальные общества. Имперским властям оказалось не под силу сохранить лояльность и белых колонистов и местного образованного класса. Фундамент империй начал разрушаться: отверженность и отчуждение местной привилегированной элиты стали питательной средой идеологии национализма и деколонизации.

Примечания

- ¹ *Фергюсон Н.* Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ: CORPUS, 2013. С. 268.
- ² *Faure É.* Mon périple. P.: Segherts/Archimbaud, 1987. P. 142.
- ³ *Maurette F.* Afrique équatoriale, orientale et austral. Géographie universelle. P.: A. Colin, 1938. P. 326.
- ⁴ *Furnivall J.S.* Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. P. 247.
- ⁵ *Morand P.* La route des Indes [1936]. P.: Arléa, 1989. P. 84.
- ⁶ *Huxley A.* Le monde en passant. P.: Vernal/Ph. Lebaud, 1988. P. 164.
- ⁷ *Demangeon A.* L'Empire britannique. P.: A. Colin, 1923. P. 141–142.
- ⁸ *Sorre M.* Fondements biologiques de la géographie humaine. P.: A. Colin, 1943. P. 286.
- ⁹ Les memoires de Messali Hadji. P.: J.C. Lattes, 1982. P. 81.
- ¹⁰ *Jagerschmidt A.* La population et la question indigène en Afrique austral britannique (suite) // La Géographie. 1938. Vol. LXIX. № 2. P. 102.
- ¹¹ *Bethell N.* The Palestine Triangle: The Struggle between the British, the Jews and the Arabs, 1935–1948. L.: A. Deutsch, 1979. P. 25.

- 12 *Furnivall J.S.* Netherlands India: A Study of Plural Economy [1944]. Amsterdam: BM Israel BV, 1976. P. 348.
- 13 *Gionard P.* Algérie, l'œuvre française. P.: Laffont, 1984. P. 360.
- 14 Ministère de la Guerre. Manuel à l'usage des troupes employées outre-mer. P.: Imprimerie nationale, 1925. P. 240.
- 15 La Vie aux colonies. P.: Larose, 1938. P. 8.
- 16 *Dorgeles R.* Sur la route mandarine. P.: Kailash, 1995. P. 39.
- 17 *Мозм У.С.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. Рассказы. М.: Худож. лит., 1993. 670 с.
- 18 *Reinhard M. et al.* Histoire générale de la population mondiale. Montchrestien, 1968. P. 553.
- 19 *Sorre M.* Op. cit. P. 104.
- 20 *Eynikel H.* Congo belge, portrait d'une société coloniale. P.: Duculot, 1984. P. 253.
- 21 *Danloux-Dumesnil M.* Les centres urbains d'Afrique // La Géographie. 1937. Vol. LXVII. № 2. P. 73–85.
- 22 Revue du Pacifique, 1934. P. 130.
- 23 *Danloux-Dumesnil M.* Op. cit. № 1. P. 12.
- 24 *Saint-John Perse.* Lettre à Joseph Conrad, 1921 // Saint-John Perse. Œuvres complètes. P.: La Pléiade, 1972. P. 885–889.
- 25 *Larminat É.* Chroniques irrévérencieuses. P.: Plon, 1962. P. 192.
- 26 *Goetel F.* Voyage aux Indes. P.: Gallimard, 1937. P. 245.
- 27 *Faure É.* Op. cit. P. 175.
- 28 *Huxley A.* Op. cit. P. 131.
- 29 *Waugh E.* Hiver africain [1931]. P.: Quai Voltaire, 1991. P. 141.
- 30 *Thesiger W.* Le désert des deserts. P.: Plon, 1978. P. 33.
- 31 *David-Néel A.* L'Inde ou j'ai vécu. P.: Plon, 1951. P. 282.
- 32 *Camus A.* Le premier homme. P.: Gallimard, 1994. P. 258.
- 33 *Bousquet G.H.* La politique musulmane et coloniale des Pays-Bas. P.: Hartmann, 1939. P. 77.
- 34 *Фергюсон Н.* Указ. соч. С. 276–284.
- 35 *Demangeon A.* La France. France économique et humaine. Т. I. P.: A. Colin, 1946. P. 62.
- 36 *Morris J.* Farewell the Trumpets. L.: Penguin Books, 1978. P. 432.

И.В. Крючков

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС 1912 г.
И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ ВЕНГЕРСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ

В статье рассматривается отношение венгерской общественности к ситуации на Балканах и перспективам развития связей Венгрии с Россией в 1912 г. Автор отмечает, что в первой половине 1912 г. Россия и Венгрия проявляют интерес к развитию двусторонних отношений. Начало Первой балканской войны, как и успехи армий Балканского союза, стало полной неожиданностью для Будапешта. Война привела к росту в стране русофобских и милитаристских настроений. Однако к 1913 г. стало очевидным, что в Венгрии набирают силу сторонники сохранения мира на Балканах. Поэтому генеральное консульство России в Будапеште затруднялось спрогнозировать позицию Австро-Венгрии в балканском конфликте в 1913 г.

Ключевые слова: Балканы, Венгрия, Сербия, периодическая печать, общественность, война.

История Балканских войн до наших дней принадлежит к числу дискуссионных тем. Уже по окончании войн в России и за ее пределами предпринимаются первые попытки осмысления их причин и последствий¹. В советской историографии большую работу в данном направлении проводил Ю.А. Писарев, рассматривавший комплекс проблем, связанный с противоречиями великих держав на Балканах, в том числе во время Балканских войн². Известный современный российский балканист П.А. Искандеров детально проанализировал основные перипетии войн и причины нарастания сербско-болгарского конфликта. Автор отмечает, что заключение союзного соглашения между Сербией и Болгарией радикальным образом меняло геополитическую ситуацию на Балканах и открывало путь к «окончательному изгнанию» Османской империи из Европы³. В последние годы в России не ослабевает интерес к истории Балканских войн. Н.А. Учаева защитила диссертацию

по македонскому вопросу в годы войн, во многом развалившему Балканский союз⁴. К столетию со дня начала войн был выпущен сборник научных статей, посвященный различным аспектам Балканских войн, их предыстории и последствиям⁵.

В зарубежной историографии традиционно уделяется много внимания роли России в создании Балканского союза и дипломатической стороне войн⁶. В большинстве случаев зарубежные авторы акцентировали внимание на агрессивных намерениях Санкт-Петербурга, идеализируя позицию других европейских государств и прежде всего Великобритании. С конца 80-х гг. К. Уилсон отходит от данной традиции, критически относясь к британской дипломатии на Балканах, в том числе во время Балканских войн⁷. В 2000 г. в Лондоне выходит монография Р. Халл, где автор находит истоки Первой мировой войны в Балканских войнах⁸.

Начало 1912 г. не предвещало больших политических потрясений на Балканском полуострове и очередного обострения взаимоотношений между Россией и Австро-Венгрией. Наоборот, в поступившей в январе 1912 г. телеграмме от генерального консула России в Будапеште отмечались первые серьезные признаки потепления в высказываниях венгерской прессы о России и звучала мысль о налаживании добрососедских отношений между двумя империями. В этой связи генеральный консул М. Приклонский обратил внимание на статью известной будапештской газеты "Budapesti Hirlap", указывая, что в отличие от большинства столичных газет это издание не находилось под контролем евреев, традиционно относившихся с большим недоверием к России, оно отражало позицию королевского двора⁹.

В издании подчеркивалась необходимость налаживания с Россией экономических связей, что могло стать основой для укрепления дружеских отношений между Россией и Австро-Венгрией. Об этом говорили и многие известные политики страны, включая премьер-министра К. Куэн-Хедервари. Они были уверены, что в условиях начавшейся российско-американской торговой войны Санкт-Петербург готов был пойти на расширение экономического сотрудничества с империей Габсбургов, особенно нуждаая в сельскохозяйственной технике. Кроме этого, журналисты издания рассматривали в качестве вполне вероятного варианта воссоздание союза трех императоров, который мог стать залогом укрепления безопасности на всем европейском континенте. "Budapesti Hirlap" допускала возможность компромиссного разграничения интересов России и Австро-Венгрии на Балканах¹⁰.

Насколько еще слабой являлась тенденция к налаживанию сотрудничества с Россией в Будапеште, Приклонский продемонстри-

ровал на примере появления в одном из ведущих периодических изданий “Pester Lloyd”, тесно связанном с правящими кругами Венгрии и находившемся под контролем «еврейского капитала», статьи, где резко критиковалась политика России в Персии. Следует подчеркнуть, что в начале XX в. австро-венгерские экспортеры стремились проникнуть на персидский рынок, находившийся под контролем России и Великобритании. Однако Санкт-Петербург и Лондон не очень хотели появления в Персии еще одного конкурента.

М. Приклонский попытался осмыслить появление в Будапеште еще одного посвященного России материала, где в сравнении с предыдущей статьей высказывались симпатии к империи Романовых. По его мнению, если раньше Вена всячески стремилась препятствовать развитию связей Венгрии с Россией, культивируя образ «угрозы с Севера», то в 1912 г. венские политические круги меняют свою позицию по данному поводу. С одной стороны, «угроза с Севера» уже не являлась хорошей основой для укрепления единства Австрии и Венгрии, так как она в венгерской половине империи, несмотря на все усилия «еврейской прессы», уходила в историю. Этому способствовали союз Австро-Венгрии с Германией, поражение России в войне с Японией и появление нового поколения венгров, для которых события 1849 г. происходили в далеком прошлом. С другой стороны, Вена явно желала присоединить к Дунайской империи Санджак, а для этого необходим был компромисс с Россией, как это было во время согласования аннексии Боснии и Герцеговины. Приклонский вспомнил позицию эрцгерцога Франца Фердинанда в 1908 г. Он был уверен, что аннексия Боснии и Герцеговины проводилась при полной поддержке России, и наследник австро-венгерского престола очень огорчился, узнав об обострении отношений Вены и Санкт-Петербурга из-за аннексии бывших османских провинций. Поэтому при аннексии Ново-Пазарского санджака важно было нейтрализовать венгерскую оппозицию на случай переговоров с Санкт-Петербургом¹¹.

Кроме этих обстоятельств, на взгляд генерального консула, Австро-Венгрия вполне допускала возможность войны с Италией из-за роста ее экспансионистских амбиций в бассейне Адриатического и Эгейского морей, поэтому Вене и Будапешту необходимо было обезопасить свои тылы на Востоке. Более того, Приклонский выделял еще один момент, подталкивавший Австро-Венгрию к компромиссу с Россией. Имперским властям крайне важны были французские кредиты, которые они не могли получить без улучшения отношений с Россией, на чем настаивал Париж¹². В самой Венгрии не раз срыв переговоров с французскими банками о получении кре-

дитов объяснялся жесткой позицией России, оказывавшей давление по этому вопросу на правительство и банки Франции.

М. Приклонский пытался ответить на вопрос: а для России сближение с Венгрией имело существенное значение? Генеральный консул видел серьезное препятствие на пути сближения России и Венгрии: «Само собой разумеется, что сближение Венгрии с Россией должно встретить серьезные здесь препятствия, и самое трудное и из них – отношение к нам всеильного здесь еврейства, руководимого с одной стороны Всеобщим Еврейским союзом, а с другой стороны – легендой о притеснении евреев в России»¹³.

Однако данные проблемы, на взгляд дипломата, можно было решить. С согласия Вены следовало развивать тесные отношения России с Венгрией. Это способствовало бы разрушению негативных мифов и стереотипов о России, доминировавших в венгерском обществе. Первым этапом на данном пути должно было стать развитие экономического сотрудничества, без чего невозможно налаживание политического диалога. К тому же, по мнению генерального консула, для евреев Венгрии личный интерес имел первостепенное значение. Поэтому укрепление экономических связей с еврейскими предпринимателями страны могло стать важным залогом улучшения имиджа России в Венгрии¹⁴. Генеральный консул предложил создать Российское информационное бюро в Будапеште, которое должно было работать в тесной взаимосвязи с венгерской прессой. Более того, сближение с Австро-Венгрией для Приклонского являлось существенным фактором давления на США в условиях начавшейся между Санкт-Петербургом и Вашингтоном торговой войны. Таким образом, генеральный консул России в Будапеште в целом поддержал идею развития сотрудничества России с венгерской половиной империи Габсбургов, несмотря на желание Вены аннексировать Санджак.

Свою позицию консул подтвердил в конце июня 1912 г., когда Венгрия оказалась в тяжелом политическом кризисе после отставки премьер-министра Куэн-Хедервари. Приклонский подчеркивал, что, несмотря на временное ослабление Венгрии, с ней необходимо развивать всесторонние отношения, ибо она быстро оправится после политических невзгод и восстанавит свое влияние в империи Габсбургов¹⁵.

Российские дипломаты вне зависимости от страны пребывания внимательно отслеживали гонку вооружений на Балканском полуострове, тщательно проверяя информацию и направляя ее в МИД России. Не стали в этом плане исключением генеральное консульство России в Будапеште и посольство в Вене. В январе 1912 г. они отследили информацию о размещении Румынией на заводах венгерской фирмы «Манфред Вайс» заказа на производство

20 млн патронов¹⁶. Данные факты свидетельствовали о нарастании напряженности на полуострове и желании основных балканских государств укрепить собственные вооруженные силы на случай новых конфликтов.

В 1912 г. предыдущие балканские конфликты продолжали оказывать влияние на жизнь европейских стран. Для венгерской общественности источником бесконечных дискуссий являлся вопрос о статусе Боснии и Герцеговины после ее аннексии. Большинство представителей политической элиты страны не сомневалось в правах венгерской короны на эти провинции, что вызывало серьезные возражения со стороны многих австрийских политиков, к большому разочарованию в Будапеште.

В феврале 1912 г. М. Приклонский докладывал о новом витке обсуждения данной проблемы в венгерской прессе. Газета “Pesti Hirlap” высказывала сомнения в положительной оценке последствий аннексии провинций. Это мероприятие стоило империи 230 млн крон, что легло тяжелым бременем как на Венгрию, так и на Австрию, и, самое главное, оно породило неразрешимую для Австро-Венгрии государственно-правовую проблему. Обе половины империи не могли определить статус Боснии и Герцеговины, а по сути, поделить ее между собой¹⁷. Эту дискуссию поддержала масонская, по утверждению консула, газета “Vilag”, подчеркивавшая, что аннексия дала Австро-Венгрии только колоссальные расходы, дредноуты и дрязги вокруг определения статуса провинций. «Двор действительно ведет империалистическую Балканскую политику, но не в интересах Венгрии, а в интересах триализма», – писало по этому поводу издание¹⁸.

Здесь следует пояснить, что в Будапеште многие политики и интеллектуалы подозревали, что венские политические круги и даже сам наследник престола мечтали об ослаблении Венгрии и разрушении дуалистической системы. Они надеялись на создание под эгидой Хорватии нового третьего центра империи, который должен был объединить все югославянские земли, входившие в состав Дунайской империи, в том числе Боснию и Герцеговину.

Приклонский отмечал, что в Венгрии не было полного единства в вопросе об определении статуса Боснии и Герцеговины, акцентируя внимание на позиции газеты “Budapesti Hirlap”. Издание подчеркивало несвоевременность изменения статуса Боснии и Герцеговины и ее присоединения к Венгрии: «Исполнить национальные венгерские требования (включение в состав Венгрии Боснии и Герцеговины. – *И. К.*) это значит в Боснии подлить масла в огонь. Положение тем более серьезно, что и внешняя политика грозит войной и что напряженное состояние на Балканах лишь усилит сепаратистские стрем-

ления Боснии. Поэтому правительство должно отменить исполнение национальных требований до более удобного времени»¹⁹. Газеты “Nar”, орган сторонников Ф. Кошута, клерикальная “Alkotmány” придерживались примерно такой же позиции. Следовательно, консул констатировал, что в Венгрии в начале 1912 г. опасались любых серьезных изменений на Балканах, даже в Боснии и Герцеговине, полагая, что они могут привести к войне на полуострове, в которую вполне могла быть втянута Венгрия, сама не желая того.

Правда, в июне 1912 г. “Budapesti Hirlap” вновь возвращается к данной теме. Газета отмечала, что Босния и Герцеговина принадлежала по историческому праву венгерской короне и король, то есть Франц-Иосиф I, должен был предпринять все силы для присоединения провинций к Венгрии. Издание подчеркивало, что Австрия не имеет никаких прав на Боснию и Герцеговину. Более того, его не устраивал план введения совместного управления провинциями Венной и Будапештом²⁰. Еще с большими нападками в адрес Австрии выступила газета “Az Ujsag”. Она призвала в дальнейшем все общие дела с Австрией тесно увязывать с вопросом о присоединении провинций к Венгрии. Приклонский оставил данные заявления без комментариев.

В мае 1912 г. венгерская пресса обратила внимание на миролюбивые заявления министра иностранных дел России С.Д. Сазонова, выступившего за сохранение стабильности в Европе, в том числе на Балканах. Приклонский сразу отреагировал на комментарии венгерской общественности по поводу этих заявлений российского министра. Большая часть венгерских периодических изданий позитивно отнеслась к высказываниям С.Д. Сазонова. “Budapester Press” даже выдвинула утверждение, что Сазонов отказался от экспансионистской политики, которую проводил на Балканах его предшественник²¹. Одновременно консул отметил особую позицию по этому вопросу двух газет. “Est Ujsag” вновь акцентировала внимание читателей на желании России укрепить свои позиции на Балканах, призывая не допустить ее к Константинополю и Босфору, при поддержке Великобритании, сохраняя стабильность на полуострове и территориальную целостность Османской империи. “Az Ujsag”, газета И. Тисы, злейшего врага России, как выразился по поводу бывшего премьер-министра Венгрии и лидера венгерских либералов консул, заявила, что нельзя доверять словам министра иностранных дел России, поскольку ее реальные действия расходятся с миролюбивыми заявлениями российских политиков²².

В сентябре 1912 г. из Будапешта за подписью секретаря генерального консульства в Будапеште князя Г. Маврокордато прихо-

дили дежурные сообщения. Они касались очередных конфликтов между венгерскими политиками, оппозицией и правительством, демонстраций протеста, столкновений демонстрантов с полицией и т. д. Особое внимание секретарь обратил на последние военные маневры австро-венгерской армии, прошедшие на территории Венгрии. Они показали слабость развития военно-воздушных сил Австро-Венгрии в сравнении с другими европейскими государствами, в том числе с Россией: из 17 самолетов в воздух смогло подняться менее половины²³.

Начало Первой балканской войны стало полной неожиданностью для венгерской общественности, поэтому генеральное консульство первоначально давало информацию не о реакции венгров по поводу войны, а о военных заказах, которыми участники боевых действий буквально завалили венгерские заводы. По сведениям консульства, завод «Манфред Вайс» смог принять только часть болгарского заказа на патроны, согласившись выпустить для Болгарии 10 млн патронов, хотя София была готова предоставить предприятию более значительный заказ²⁴.

Первая реакция венгерской общественности была миролюбивой, в Будапеште никто не хотел вмешиваться в новую войну. К тому же после поступления информации о начале боевых действий произошли обвал на венгерских биржах и рост цен на продовольствие. В то же время секретарь консульства подчеркивал, что симпатии венгерской общественности были на стороне Турции, в Венгрии мало кто сомневался в победе Порты над ее балканскими противниками.

В середине ноября 1912 г. князь Г. Маврокордато докладывал о разочаровании в Венгрии в связи с поражением турецкой армии. Это обстоятельство для венгерской общественности являлось неприятным сюрпризом вдвойне, поскольку она недооценивала боееспособность балканских армий, относясь с особым презрением к сербской армии²⁵. Одновременно некоторые политики и общественные деятели страны заявили о необходимости посылки волонтеров для помощи турецкой армии, к чему секретарь генерального консульства отнесился с большим скептицизмом.

Большое внимание князь Маврокордато уделял передовицам венгерских газет, полагая, что они в наибольшей степени отражают реакцию общественности Венгрии на события, происходившие на Балканском полуострове. Он особо выделял заявления о русском следе в Первой балканской войне, наиболее характерными в этом смысле стали слова газеты “Polgar”, писавшей: «Россия хочет окружить нас славянской петлей, которую затем затянет...»²⁶ Уже

в ноябре Маврокордато отмечает рост антироссийских настроений в венгерском обществе. Более того, воинственный запал начинает захлестывать различные слои населения страны. Газета "Pesti Hírlap" в данном контексте отмечала: «Турки в особенности теперь ждут нашей братской помощи, и, конечно, наша армия, если бы могла, оказала ее с радостью...»²⁷ Исключением стала реакция венгерских сербов, не скрывавших радости в связи с успехами сербской армии. Одним из следствий Балканской войны явилось, на взгляд секретаря консульства, улучшение отношения к солдатам и офицерам, представлявшим югославянские народы в армии Австро-Венгрии, которое местами выражалось в прямом заискивании перед ними со стороны командования²⁸.

На взгляд Маврокордато, военная риторика не была пустыми рассуждениями. По его сведениям, на территории Венгрии началась переброска воинских частей к южным границам страны, поближе к театру боевых действий²⁹.

С 19 ноября 1912 г. депеши из Будапешта в посольство России в Вене вновь начинают отправлять Приклонский. В депеше за это число он обращает внимание на разрыв экономических связей Австро-Венгрии с Балканскими государствами и прежде всего с Сербией. По его мнению, от этого разрыва больше потеряла Австро-Венгрия, чем Сербия. В качестве подтверждения своей позиции консул приводил слова австрийских и венгерских представителей индустрии, требовавших немедленного восстановления торговых связей Дунайской империи с Сербией и другими Балканскими государствами³⁰.

В сообщении от 26 ноября 1912 г. Приклонский впервые поднимает проблему возможного выхода Сербии к Адриатическому морю и отношения к данной перспективе венгерских правящих кругов. Этот вопрос имел важное политическое значение. 27 ноября 1912 г. сербская армия заняла крупный албанский порт Дуррес, что вызвало бурю возмущения в Австро-Венгрии, обе страны оказались на грани войны. 28 ноября всеалбанский форум во Влере при поддержке Австро-Венгрии и Италии провозгласил независимость Албании³¹. После этого объявляется частичная мобилизация австро-венгерской армии.

Венгерская оппозиция, со слов консула, сочувствовала планам Сербии по выходу к Адриатическому морю, полагая, что успех Сербии в районе северной Албании отвлечет ее внимание от центральной и южной Албании. В то же время оппозиция была категорически против любых территориальных расширений Румынии, опасаясь не только распространения румынского сепаратизма в

Венгрии, но и того, что сильную Румынию сможет использовать в своих интересах Австрия, борясь со стремлением Будапешта к большей свободе³². Одновременно консул отмечал, что постепенно в венгерской столице укреплялась позиция тех, кто видел за территориальными расширениями Сербии на Балканах стремление России получить военно-морскую базу на Адриатике.

В своих донесениях Приклонский также с тревогой сообщает о частичной, разумеется, скрытой мобилизации австро-венгерской армии и передислокации ее воинских частей. В частности, он отмечает начавшийся процесс доукомплектования 5-го, 6-го корпусов и военно-морского флота империи Габсбургов.

В начале декабря 1912 г. генеральный консул обращает внимание на слова министра иностранных дел Австро-Венгрии Л. фон Берхтольда о совместном желании Дунайской империи и Италии отстоять независимость Албании. Этот демарш министра нашел полную поддержку среди представителей венгерского истеблишмента. В то же время дипломат подчеркивал, что реально в Венгрии никто не хотел войны, за исключением небольшой группы политических маргиналов, приближенных к Бельведеру и наследнику престола эрцгерцогу Францу-Фердинанду³³. В Будапеште понимали, что война не только с Россией, но даже с Сербией чревата серьезными последствиями для внутреннего и внешнего развития Венгрии. Это подтверждалось сведениями о том, что хорваты все больше дрейфовали в сторону установления более тесных отношений с Австрией, вплоть до возможного выхода из состава Венгрии. К тому же среди хорватов с весны 1912 г. отмечался рост симпатий к Белграду. Сербия Венгрии не скрывала радости по поводу успехов сербской армии. Не меньше тревог вызывала позиция румын Трансильвании. Любые внешнеполитические удачи Румынии могли привести к росту сепаратизма среди румын Венгрии и установлению союза между Бухарестом и Санкт-Петербургом³⁴.

Тональность донесений Приклонского от 5–7 декабря 1912 г. принимает тревожный характер. Первоначально он обращается к анализу последних статей венгерских газет, тем более их заявления напрямую затрагивали Россию. “Budapesti Hirlap” указывала, что в случае войны Сербии и Австро-Венгрии выиграет только Россия, которая постарается исполнить роль миротворца для решения собственных политических задач на Балканах. “Budapesti Hirlap” призвала к созданию «Великой Болгарии» по итогам войны и установлению с ней союзнических отношений, поскольку все надежды на Османскую империю себя не оправдали. Газета призвала учиться балканской политике у России, ибо Австро-Венгрия постоянно

опаздывала и не успевала, а Россия в это же время контролировала события на Балканах, получая от этого дивиденды³⁵. Анализ остальных газет подтверждал информацию о передвижениях частей австро-венгерской армии к границам Сербии, о призыве запасников в Венгрии и росте сепаратистских настроений среди румын Трансильвании. Однако возникал вопрос, как венгерская пресса в эти дни реагировала на возможную войну с Россией. “Az Ujsag” не верила в такую альтернативу, полагая, что Россия в последний момент пойдет на уступки Австро-Венгрии и урезонит Сербию, так как сама Россия, не оправившись от последствий Русско-японской войны и Первой русской революции, не была готова к серьезным боевым действиям в Европе³⁶. “Pesti Hirlap” полагала, что с Россией не надо воевать из-за какой-то гавани на Балканах, тем более зимой. Некоторые военные и политики говорили о возможности войны с Россией, но не раньше весны 1913 г.

Из анализа последних статей венгерских газет становилось очевидным, что, в отличие от октября, они уже не сомневались в российском следе в создании Балканского союза и поддержке Санкт-Петербургом войны против Османской империи. Воинственные заявления Белграда, по мнению венгерских журналистов и политиков, полностью основывались на его поддержке Россией. Более того, все чаще в Венгрии звучали рассуждения о возможности войны с Россией, хотя консул был убежден, что большинство венгров выступало против такого развития событий. Однако сама полемика о войне с Россией вела к нагнетанию страстей и росту русофобских настроений. В стране начинается волна шпиономании, из разных концов страны приходят сведения о задержанных российских шпионах. В Кашшау (Кошице) венгерский обыватель вдруг увидел германских солдат, уже готовых к войне с Россией, и т. д.³⁷ Кстати, многие в Венгрии, по мнению российских дипломатов, сомневались в поддержке Берлином Австро-Венгрии в случае ее войны с Сербией и Россией.

Подводя итоги первой недели декабря, М. Приклонский отмечал рост военных приготвлений на территории Венгрии. По его сведениям, три батальона 4-го армейского корпуса, расквартированного в Будапеште, покинули венгерскую столицу и отправились в сторону границы с Сербией, в этом же направлении выдвинулись два монитора ВМС, части 6, 11, 12, 13, 15 и 16-го корпусов, спешно пополняя свой состав за счет резервистов. И не менее важное обстоятельство – по его данным, в Венгрии начали срочно заготавливать сухари. Все это свидетельствовало о возможности войны Австро-Венгрии с Сербией.

12–13 декабря 1912 г. в ответ на запросы посольства России в Вене Приклонский постарался сделать некий предварительный ана-

лиз развития ситуации в Венгрии с точки зрения возможного начала войны империи Габсбургов с Сербией и даже с Россией. Консул был уверен, что войны раньше весны 1913 г. не будет, как уже отмечалось, он вообще сомневался в возможности начала «большой» или «малой» войны на Балканах. Кроме этого, Приклонский доложил о том, что все слухи о присутствии германских военных в Венгрии не подтвердились³⁸. Следует признать, что данная информация заставила поволноваться российских дипломатов и военных. Она приходила из различных дипломатических источников.

В середине декабря генеральный консул вновь проводит анализ развития ситуации в Венгрии в условиях победы войск Балканского союза над Османской империей, выделяя наиболее важные последствия данных событий. Первое – ошеломляющая для венгерской общественности неожиданность поражения Турции. Второе – появление страха перед возможным выходом Сербии к Адриатическому морю, что могло в условиях захвата хорватами Фиуме (Риеки) полностью отрезать Венгрию от Адриатического моря. Третье – нарастание экономических проблем внутри Венгрии в условиях войны, в стране исчезла золотая монета номиналом в 10 крон, промышленники все чаще говорили о необходимости мира на Балканах, венгерская экономика с трудом справлялась с нарастанием кризиса. Четвертое – в Венгрии понимали, что война с Сербией приведет к усилению ее зависимости от Вены, вплоть до потери ряда свобод, полученных в результате заключения дуалистического соглашения 1867 г., что для венгров было абсолютно неприемлемо³⁹.

В конце декабря генеральный консул в донесениях из Венгрии сообщал об очередных передвижениях австро-венгерской армии, о закупке для ее нужд 800 вагонов муки и 3 тыс. волов, о страданиях австро-венгерских военных от холода в Боснии и Герцеговине, об очередных шпионских скандалах, вновь пошли слухи о германских военных на территории Венгрии.

В послании от 29 декабря 1912 г. Приклонский в очередной раз проводит анализ сообщений в венгерских газетах. На их страницах не было единодушия в оценке перспектив начала войны с Сербией и Россией. Наиболее воинственные авторы призывали немедленно разобраться с Сербией и Россией, так как через два года Россия сможет нарастить военный потенциал и тогда с ней будет трудно воевать. К тому же союз Германия – Австро-Венгрия – Румыния – Италия имел больше сил, чем тройка Россия – Франция – Сербия. “*Budapesti Hirlap*” подчеркивала, что в случае войны Австро-Венгрию поддержат Германия, Румыния, Греция, Италия и Болгария, в результате Россия и Сербия окажутся на Балканах в полной

изоляции⁴⁰. В другой статье газета призвала: «Вся Европа должна соединиться в требования, чтобы самодержавная власть в России, которая является источником политики, угрожающей миру Европы, была сломлена...»⁴¹ Журналисты позволяли себе предлагать различные комбинации по ослаблению России, в том числе организацию очередного польского восстания, новой войны России с Японией и, самое главное, материальную и организационную поддержку антиправительственных партий внутри самой России.

В то же время издание «А Нар» призывало к крайней осторожности. Его корреспонденты не рекомендовали бряцать лишним раз оружием, поскольку на территории империи Габсбургов проживало более 25 млн славян, которые не будут воевать против других славян, поэтому издание требовало сохранить мир любой ценой⁴². Ряд изданий призывали к локальной войне с Сербией при сохранении нейтралитета России.

В последний день 1912 г. Приклонский докладывал о распространении в Венгрии слухов, что Франция отказалась от поддержки России и Сербии. Это вызвало большой ажиотаж в политических кругах страны. Одновременно в Венгрии росло недовольство действиями российского посланника в Белграде Н. Гартвига, которого в Будапеште считали одним из лидеров панславистских сил России и подстрекателем сербской агрессивности. В уходе Гартвига в отставку в Будапеште и Вене видели одно из условий нормализации ситуации на Балканах. В то же время консул констатировал некоторый спад военной риторики на страницах венгерских газет и в обществе в целом. Миротлюбивая позиция постепенно брала верх. Многие газеты страны тиражировали сообщения о нарастании антивоенных настроений в России, появились статьи о необходимости укрепления добрососедских отношений с Сербией. Большой резонанс в стране вызвала информация о посещении послом Австро-Венгрии в Белграде госпиталя с сербскими ранеными солдатами⁴³. В данном русле венгерская общественность восприняла серьезные кадровые перестановки в высшем командовании австро-венгерской армии, связанные с отставкой генералов М. Ауффенберга и Б. Шемуа.

Позиции партии войны в Венгрии, по мнению консула, несколько ослабли. Ее оценки событий стали в некотором роде более реальными. В частности, в Будапеште признали, что война с Россией, скорее всего, будет носить не наступательный, а оборонительный характер и к ней надо готовиться основательно, воздержавшись от боевых действий как минимум до весны 1913 г. Правда, крайние радикалы призывали к весне 1913 г., т. е. к началу большой войны с Россией, решить ряд важных стратегических задач, способных

ее ослабить. Они призывали разгромить в войне Сербию, поднять польское восстание, привлечь Китай к войне с Россией. Однако к этим рассуждениям Приклонский относился с большой иронией.

На взгляд дипломата, пыл партии войны останавливали экономические неурядицы, с которыми столкнулась империя Габсбургов в целом и Венгрия в частности. Особенно это проявлялось в финансовой сфере и во внешнеэкономической деятельности. Приклонский обратил внимание, что даже епископат католической церкви, сохранявшей лояльность династии, призывал верующих срочно забрать деньги из банков во избежание будущего разорения. По его мнению, Венгрия оказалась на грани финансового краха⁴⁴. Кроме того, в Будапеште не было полной уверенности в действиях союзников, в том, что Германия, Италия и Румыния поддержат Австро-Венгрию, не было никаких гарантий, что будущая война с Сербией пойдет по благоприятному для Дунайской империи сценарию⁴⁵.

В последние дни 1912 г. – начале января 1913 г. Приклонский склонялся к мысли, что вопрос о войне и мире с Россией и Сербией Австро-Венгрия будет решать исходя из развития внутривнутриполитической ситуации, а не позиции, занятой Санкт-Петербургом и Белградом. Поэтому, на его взгляд, было трудно в полной мере определить, какую позицию весной 1913 г. в балканском конфликте займет империя Габсбургов⁴⁶. В то же время генеральный консул явно относился к числу тех дипломатов и политиков, которые призывали к компромиссу с Австро-Венгрией и недопущению большой войны в Европе весной 1913 г.

Примечания

¹ Балканские войны. 1912–1913 гг. М., 1914.

² Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

³ Искандеров П.А. Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы»: 1878–1914. М., 2003. С. 476.

⁴ Учаева Н.А. Македонский вопрос в период Балканских войн: 1912–1913 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

⁵ Модернизация vs война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913 гг.) / Отв. ред. Р.П. Гришина и А.Л. Шемякин. М., 2012.

⁶ См.: Helmreich E.K. The Diplomacy of the Balkan Wars. Cambridge, 1938; Thaden E.C. Russia and the Balkan Alliance of 1912. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1965; Jelavich B. Russian's Balkan Entanglements 1806–1913. Cambridge, 1991.

- 7 *Wilson K.M.* Empire and Continent: Studies in British Foreign Policy from the 1880s to the First World War. L.; N. Y., 1987.
- 8 *Hall R.C.* The Balkan Wars, 1912–1913: Problem to the First World War. L., 2000.
- 9 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Оп. 482. Д. 586. Л. 3.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же. Л. 4.
- 13 Там же. Л. 5.
- 14 Там же.
- 15 Там же. Л. 78.
- 16 Там же. Л. 9.
- 17 Там же. Л. 11.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Л. 56.
- 21 Там же. Л. 42.
- 22 Там же.
- 23 Там же. Л. 114.
- 24 Там же. Л. 123.
- 25 Там же. Л. 127.
- 26 Там же. Л. 132.
- 27 Там же.
- 28 Там же. Л. 133.
- 29 Там же.
- 30 Там же. Л. 134.
- 31 *Искандеров П.А.* Указ. соч. С. 486.
- 32 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 586. Л. 138.
- 33 Там же. Л. 146.
- 34 Там же.
- 35 Там же. Л. 154.
- 36 Там же. Л. 155.
- 37 Там же. Л. 160.
- 38 Там же. Л. 161.
- 39 Там же. Л. 164.
- 40 Там же. Л. 179.
- 41 Там же. Л. 183.
- 42 Там же. Л. 179–180.
- 43 Там же. Л. 184.
- 44 Там же. Л. 188.
- 45 Там же. Л. 187.
- 46 Там же.

ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ХОДЕ ИЮЛЬСКОГО КРИЗИСА 1914 г.

В данной статье автор рассматривает политику Великобритании во время июльского кризиса 1914 г. Показаны внутренние побудительные мотивы этой политики, особенности восприятия кризисной ситуации британской политической элитой. Особое внимание уделяется разногласиям внутри правящей Либеральной партии Великобритании по вопросу о вступлении в войну. Анализируется специфика британского подхода в отношении своих партнеров по Антанте на различных стадиях кризиса.

Ключевые слова: Антанта, июльский кризис, Первая мировая война.

В 2014 г. отмечается 100-летний юбилей июльского кризиса, положившего начало Первой мировой войне. Данное историческое событие не относится к числу малоизученных в историографии. Напротив, ему посвящено огромное число работ, опубликованы многочисленные дипломатические документы и переписка, воспоминания участников событий со стороны всех государств – участников конфликта. В то же время, несмотря на обилие источников и литературы, существует и ряд спорных вопросов, связанных с июльским кризисом 1914 г.

В данной статье автор предполагает исследовать реальную позицию британской политической элиты по отношению к развернувшемуся в Европе конфликту, проследить ее эволюцию за период с 23 июля (момент вручения австрийского ультиматума Сербии) и вплоть до 4 августа 1914 г. (вступление Великобритании в Первую мировую войну). Планируется прояснить суть существовавших в британском внешнеполитическом руководстве разногласий, определить степень влияния Великобритании на развитие июльского кризиса.

К лету 1914 г. международная обстановка в Европе накалилась до предела. Процесс политического размежевания и консо-

лидации противостоявших военно-политических блоков – Тройственного союза и Антанты – был фактически завершен. Военные приготовления сторон, значительно ускорившиеся под влиянием череды международных кризисов 1909–1913 гг., достигли необычайного размаха и превратились в «гонку на опережение». Тяжесть финансовых затрат и стремление достичь максимально благоприятного соотношения сил заставляли противников лихорадочно спешить.

К 1914 г. в гонке вооружений лидировала Германия, полностью переоснастив свою армию и спланировав ее действия в соответствии с принятым «планом Шлиффена», предусматривавшим быстрый разгром континентальных противников. По свидетельству помощника начальника германского генерального штаба Вальдерзее, «мне, замещавшему генерала Мольтке во всех касающихся войны вопросах, <...> нечего было делать. План мобилизации был закончен 31 марта 1914 г.»¹. Как указывает Н.П. Полетика, «Вильгельм, его генералы, Бетман-Гольвег и Ягов считали, что Франция и Россия, не успевшие закончить своих вооружений, не в состоянии будут выдержать удар германской армии, если дело дойдет до войны»². В то же время существовавшее «окно возможностей» грозило закрыться уже в 1916–1917 гг., когда широкомасштабные программы вооружений, принятые в России и Франции, ликвидируют временное превосходство центральных держав.

К активным действиям германских политиков подталкивало и ухудшение положения Австро-Венгрии. Обострение внутренних противоречий в Дунайской монархии, подъем сепаратистских настроений и угроза дальнейших неблагоприятных изменений на Балканах, образование антиавстрийской коалиции Балканских государств требовали неотложных мер по выправлению положения. Германия, если она хотела реализовать свои экспансионистские замыслы, должна была спешить, чтобы не потерять единственного надежного союзника в лице Австро-Венгрии.

Державы Тройственного согласия находились в неординарном положении. Франция, прилагавшая огромные усилия по укреплению своей армии еще с 1906 г., считала себя полностью подготовленной к войне. Утверждение на посту начальника французского генерального штаба Ж. Жоффра (1911 г.) способствовало принятию наступательного «плана № 17» на случай войны с Германией, введенного в действие 15 апреля 1914 г.³ Гарантировав себе помощь России и рассчитывая на поддержку Англии, французы спешили использовать момент прежде, чем благоприятная для них политическая конъюнктура изменится. Напротив, российская сторона

стремилась оттянуть возможное столкновение и выиграть время для дальнейшего наращивания своих сил.

Великобритания, являясь де-факто участником антигерманской Антанты, сохраняла формальную свободу рук в отношении своих партнеров. С момента образования Тройственного соглашения (1907 г.) в английской элите как консервативного, так и либерального толка не было разногласий о необходимости сохранения Антанты. Споры относительно формы британского участия в этом антигерманском образовании, достигшие пика в 1911–1912 гг. и фактически завершившиеся с принятием компромиссного англо-французского военно-морского соглашения, к 1914 г. утратили былую остроту. Признав существующий status quo (поддержание антигерманской направленности франко-русского союза без прямого вхождения в него), и «империалисты», и «либерал-пацифисты»⁴ уже не предпринимали серьезных попыток изменить его. В условиях, когда международная обстановка продолжала стремительно ухудшаться, британские политики предпринимали усилия по разрешению обострившихся внутренних проблем страны.

По мнению современных исследователей, к 1914 г. «Англия переживала острый политический, социальный и даже национальный кризис. Ирландия находилась на грани восстания. Попытка либерального правительства предоставить ей ограниченную самостоятельность встретила яростное сопротивление на севере острова, в Ольстере... Офицеры назначенных к отправке в Ирландию полков, сторонников ольстерцев, “взбунтовались”, подав коллективное прошение об отставке. Великобританию сотрясала волна стачек. Активизировалась деятельность суфражисток – участниц движения за предоставление женщинам избирательных прав. Кабинет либералов висел на волоске и не проявлял желания отягощать свое положение выдачей союзникам конкретных обязательств, что представлялось взрывоопасным...»⁵

Неопределенность ситуации делала влиятельные круги британского истеблишмента, прежде всего его консервативное крыло, восприимчивыми к идее скорейшего военного решения. Характерное признание на этот счет сделал лидер консерваторов А. Бальфур, заявивший в беседе с американским посланником Уайтом: «Если мы своевременно не нападем на Германию, тогда она построит слишком много кораблей и захватит всю нашу торговлю»⁶. 1914 год представлялся оптимальным сроком для Военного министерства, подготовившего 150-тысячный экспедиционный корпус на случай войны в Европе. Аналогичные соображения высказывало и Адмиралтейство, глава которого У. Черчилль засвидетельствовал пол-

ную боевую готовность британского флота на пороге июльского кризиса: «...ни в одну минуту за последние три года мы не были так полностью готовы»⁷.

Неизменной оставалась и позиция «либерал-пацифистских» кругов. Фактически поддерживая Тройственное соглашение в его расплывчатой, неопределенной форме, они считали, что этого достаточно для сдерживания экспансионистских устремлений Германии. Расчеты на длительное сохранение подобного положения основывались на «позициях, изложенных Норманом Энжелом в его напущенной книге 1911 г. “Великая иллюзия”. Он подчеркивал тогда, как много Европа и Британия потеряют в случае войны»⁸. «Экономический пацифизм» нейтралистских кругов, декларируемое ими неверие в возможность длительной войны в Европе как угрожающей самим основам западной цивилизации вместе с тем не означали, что «либерал-пацифисты» при всех условиях будут выступать против войны. Реакция этих кругов, как это вновь продемонстрировали события лета 1914 г., зависела от характера возникшей угрозы.

Характерной чертой начального периода июльского кризиса – с момента вручения австрийского ультиматума 23 июля и вплоть до объявления Австро-Венгрией войны Сербии – стал демонстративный нейтралитет Великобритании. Роль щита, за которым в случае необходимости могло укрыться руководство британской внешней политикой, успешно исполняли «пацифистские» круги. «Либерал-пацифистам» казалось тогда очевидным, – считает Г. Хаттон, – что Британии следует играть роль “честного брокера”, вынуждая Францию, Германию, Россию и Австрию принять австрийское посредничество. Европейский концерт будет поддерживать мир любой ценой. Но если Концерт потерпит неудачу, если некоторые из его участников сделают войну неизбежной? Что ж, тогда Англия, имеющая, помимо европейских проблем, еще проблемы защиты своей империи, попросту выйдет из него»⁹.

25 июля, комментируя визит французского президента Пуанкаре в Россию, рупор «либерал-пацифистов» журнал «Экономист» отмечал: «Было бы совершенно ошибочным, как это пытаются делать некоторые органы прессы, представлять британскую Антанту с Францией и Россией в качестве реакции на страх, возникающий из-за того, что одна держава или группа держав якобы пытаются достичь дипломатического или военного преобладания в Европе. Такая интерпретация совершенно игнорирует другие мотивы, такие как проблемы, прежде возникавшие во взаимоотношениях Великобритании и Франции в Африке, Ньюфаундленде, на Новых

Гебридах, и англо-русские споры в Китае, на границе Индии и в Персии»¹⁰.

Российский посол в Лондоне Бенкендорф сообщал в своем послании министру иностранных дел Сазонову от 26 июля 1914 г.: «Радикалы, находящиеся в состоянии полного бунта против Кабинета, стараются... лишить сербское дело популярности. Но нужно сказать, что даже в этом лагере *никто не критикует ни нашу позицию, ни Тройственное Соглашение, как таковое* (курсив автора. – А. С.). Однако отсюда до того, чтобы воевать, далеко. Отсюда все колебания, по крайней мере я так думаю... Ясно, что у Форин Оффис глаза открываются быстрее, чем у других. Я еще не теряю надежды заставить Грея приподнять маску в ближайшие дни (т. е. открыто солидаризироваться с Россией и Францией. – А. С.). Но я не могу Вам это обещать...»¹¹

Донесение Бенкендорфа свидетельствовало о разногласиях в британской правящей верхушке, усиливавшихся по мере приближения общеевропейской войны. На заседании Кабинета 27 июля Э. Грей заявил: «Настал момент, когда Кабинет должен определенно решить, примем ли мы активное участие в общеевропейском вопросе рядом с двумя другими державами Антанты или останемся в стороне и сохраним абсолютный нейтралитет. Мы не можем далее откладывать решение. События бегут очень быстро. Мы не можем больше надеяться на счастливый исход. В случае, если Кабинет выскажется за позицию нейтралитета, я не считаю себя лицом, которое взялось бы проводить подобную политику...»¹²

В историографии существует точка зрения о том, что на данном этапе кризиса глава Foreign Office не имел возможности заявить о своей солидарности с Россией и Францией из-за сопротивления большинства министров-«радикалов» и опасности вынесения Палатой общин вотума недоверия либеральному правительству, позиции которого в связи с внутренним кризисом в стране были крайне слабыми. Действительно, в тот момент лишь У. Черчилль, Р. Холден и отчасти Г. Асквит поддержали заявление Э. Грея, тогда как 11 министров во главе с Д. Морли, возглавившим «радикальную» оппозицию, выступили против немедленного вмешательства.

Первоначальная точка зрения «радикальных» министров была заявлена в выступлении Д. Морли на заседании Кабинета 27 июля: «Думали ли вы когда-нибудь, что случится, если победит Россия? Если Германия и Австрия потерпят поражение, то не Англия и не Франция займут первое место в Европе. На первом месте окажется Россия. Будет ли это к благу западной цивилизации? По меньшей мере я не думаю этого. Если она объявит, что хочет занять Констан-

тинополь, или дерзко аннексирует северную и нейтральную зоны Персии, или же будет настаивать на постройке железных дорог до индийской или афганской границы, так кто ей сможет в этом помешать? Германия непопулярна в Англии, но Россия непопулярна еще больше»¹³.

Исходя из вышеуказанных соображений, предполагавших, что Англия может остаться в стороне от войны в Восточной Европе, Д. Морли требовал, чтобы правительство немедленно выступило с декларацией об английском нейтралитете при любых обстоятельствах. По мнению министра, единственная роль, которую могла играть Англия, заключалась в «давлении на Францию с целью сдерживания России»¹⁴.

Объявление Австро-Венгрией войны Сербии (28 июля 1914 г.) запустило механизм эскалации кризиса. Существующие обязательства и соглашения в рамках тайной дипломатии были приведены в действие. Началось необратимое разрастание локального вооруженного конфликта на Балканах до масштабов общеевропейской войны. На данном этапе (29 июля – 1 августа) деятельность британской дипломатии была подчинена идее ограничения масштабов конфликта, что позволило бы Великобритании какое-то время сохранять формальный нейтралитет.

Идея локализации военного конфликта между Россией и Германией нашла отражение в соответствующих представлениях Э. Грея германскому послу Лихновскому и беседах Э. Гошена с немецким канцлером Бетман-Гольвегом. Последний 29 июля пообещал английскому послу уважать голландский нейтралитет и гарантировать целостность французской территории в обмен на английское невмешательство. Однако он не смог дать подобной гарантии в случае французских колоний или, что особенно обеспокоило Foreign Office, в отношении бельгийского нейтралитета¹⁵. Германские дипломаты, поддержанные кайзером Вильгельмом II, ухватились было за английские предложения, развязывавшие Берлину руки для первого удара по России, но натолкнулись на жесткую оппозицию начальника генштаба Мольтке, заявившего, что у него нет плана действий на случай войны только с Россией¹⁶.

Довольно скоро стало очевидно, что и французы не пойдут на нарушение условий союзного договора с Россией. Пытаясь воздействовать в соответствующем духе на официальный Париж, Э. Грей 1 августа 1914 г. заявил французскому послу П. Камбону: «Настоящее положение совершенно отличается от того, которое было создано инцидентами в Марокко. Во время последних переговоров Германия предъявляла Франции требования, которые она

не могла выполнить, в связи с чем мы были вынуждены взять на себя некоторые обязательства в отношении французских интересов. В тех инцидентах английское общественное мнение оправдало бы поддержку британским правительством Франции в пределах наибольшей возможности. Теперь положение таково, что Германия соглашается не нападать на Францию, если последняя останется нейтральной в русско-германской войне. Если Франция не может воспользоваться этим положением, то потому, что она связана союзом, в котором мы не участвуем и условия которого нам неизвестны. Это не значит, что мы ни при каких обстоятельствах не поможем Франции, но это значит, что Франция в настоящий момент должна принять собственное решение, не рассчитывая на нашу помощь, которую мы при настоящем положении вещей не в состоянии обещать»¹⁷.

Для Франции вариант невмешательства в русско-германский конфликт оказывался абсолютно неприемлемым. Это означало конец русско-французского союза, поддержание которого на протяжении прошедших 20 лет требовало от Парижа колоссальных усилий и больших финансовых затрат, облегчая вместе с тем выполнение Германией плана разгрома своих противников по частям. Поэтому П. Камбон отказался даже обсуждать подобный вариант¹⁸.

Завершающий этап дипломатических маневров Великобритании накануне ее вступления в войну (2–4 августа) характеризуется резкой сменой политических установок. Вместо прежних усилий по локализации вооруженного конфликта на повестку дня был выдвинут вопрос о непосредственном участии в нем самой Великобритании. Это было связано прежде всего с тем, что ко 2 августа для британских политиков стала очевидной неизбежность франко-германской войны. «Утром этого дня Хэркурт, Бьючамп, Пиз, Саймон и Рэнсимен (министры-«радикалы». – А. С.) собрались в доме Ллойд-Джорджа. После недолгой дискуссии они пришли к выводу, что никто из них “не готов немедленно одобрить вступление в войну”. Но даже этот нечеткий вывод сопровождался оговоркой, что “при некоторых обстоятельствах, а именно в случае вторжения в Бельгию”, они готовы пересмотреть свое поведение»¹⁹.

Нарушение Германией бельгийского нейтралитета (3 августа 1914 г.) послужило официальной причиной вступления Великобритании в войну и считается, в соответствии с принятой в историографии точкой зрения, решающим событием, позволившим сторонникам войны преодолеть сопротивление «радикальной» оппозиции: «...именно бельгийский вопрос в конечном итоге подтолкнул Кабинет и всю Британию к вступлению в войну»²⁰. Западные

исследователи традиционно ссылаются на морально-юридическую сторону дела – договор 1831 г., в соответствии с которым все великие державы обязались соблюдать нейтралитет Бельгии. С этой точки зрения нарушение данного «обязательства чести» вызвало взрыв возмущения в Англии, ликвидировав сопротивление «нейтралистов».

Отечественные историки справедливо указывают, что данное обстоятельство не имело определяющего значения: в схожей ситуации, возникшей во время «военной тревоги» 1887 г., официальный Лондон отказался выступить гарантом бельгийского суверенитета, ссылаясь на юридические оговорки, делающие договор 1831 г. не имеющим обязательной силы.

Более существенное значение имели военно-стратегические соображения. Излагая точку зрения сторонников невмешательства Англии на начальном этапе войны, Д. Ллойд-Джордж формулировал важность нейтралитета Бельгии следующим образом: «Для Франции военная проблема была бы иной... Вместо того, чтобы защищать границу, простиравшуюся на 500 миль и лишенную каких-либо крепостей или искусственных преград, Франция могла бы сосредоточить все свои силы на защите границы в 250 миль, где она обладала грозными крепостями. Армия в три миллиона человек, включая резервы, окопавшись на этом узком участке фронта, была бы непобедимой, и Германии пришлось бы удовольствоваться защитой своих границ на западе и переброской германской армии в Польшу. Там транспортные затруднения, плохие дороги, огромные расстояния отсрочили бы исход войны на многие недели, если не месяцы»²¹. Напротив, обходной маневр немцев через Бельгию угрожал быстрым военным разгромом Франции и делал критически необходимой помощь британского экспедиционного корпуса в самом начале войны.

Не меньшее значение для Англии имело соглашение с Францией по военно-морским вопросам, заключенное в ноябре 1912 г. Защита северного французского побережья от германской атаки всецело оказывалась в руках Великобритании. Данное обстоятельство сыграло роль одного из решающих аргументов для британского правительства. Как подчеркивал Грей, выступая на заседании Кабинета 2 августа, «во-первых, мы должны поддержать Францию, исходя из общей ценности Антанты для нас, особенно в средиземноморском вопросе; во-вторых, мы не можем уступать перед лицом франко-германского морского столкновения в наших внутренних водах, можно сказать, на пороге нашего дома»²². Аналогичные соображения были высказаны им на следующий день в речи в палате общин.

Признавая важность военно-стратегических аспектов в принятии решения о вступлении Великобритании в войну (это относится как к бельгийскому вопросу, так и к необходимости обеспечить прикрытие для северного побережья Франции, оказавшегося открытым в связи с передислокацией французского флота в Средиземное море в конце 1912 г.), автор, тем не менее, полагает, что действия британской правящей элиты определялись мотивами иного, более широкого, порядка.

В основе всей предвоенной внешней политики Великобритании лежало стремление обеспечить баланс сил в Европе. Угроза со стороны Германии вынудила англичан в 1904–1907 гг. выйти из состояния «блестящей изоляции», пойти на некоторое сближение с Францией и Россией и, используя как инструмент созданное Тройственное соглашение, сдерживать любые попытки Берлина нарушить существующий *status quo*. Эта стратегия, основанная на контроле за антигерманской направленностью политики Парижа и Петербурга при сохранении за Лондоном «свободы рук» в принятии решений, настойчиво проводилась в жизнь вплоть до июля 1914 г. Ставка при этом делалась на то, что два противостоящих блока свяжут друг другу руки в Европе и обеспечат Англии, «присматривающей» за сохранением баланса сил, свободу действий на периферии, гарантируя интересы обширной Британской империи.

В идеале подобная стратегия обеспечивала преимущества для Англии при любом исходе противостояния в Европе. «Мирный» вариант позволял надеяться, что Франция и Россия неопределенно долго будут сдерживать Германию в Европе, открывая для Англии широкое поле для арбитража и давления как на Германию, так и на своих партнеров в случае их «неподобающего» поведения. Неконтролируемое усиление Российской империи и опасения распада Тройственного соглашения вынудили Foreign Office в июле 1914 г. принять «военный» вариант. Взаимное истощение противников при сохранении английского нейтралитета позволило бы Великобритании в нужный момент выступить на сцену и продиктовать свои условия мира. Однако довольно скоро выяснилось, что Великобритания не может остаться в стороне от конфликта.

Раньше других в ходе июльского кризиса понимание этого факта пришло к Э. Грею и другим высокопоставленным чиновникам Foreign Office, обладавшим наибольшей полнотой информации и осознавшим, что отказ от совместного выступления с Францией и Россией влечет за собой утрату английского контроля за развитием событий с непредсказуемыми последствиями для баланса сил в Европе. Не видя альтернативы военному решению, остававше-

муся последним средством использовать Антанту в британских интересах, Э. Грей уже 27 июля обозначил в Кабинете свою точку зрения о необходимости своевременного выступления Англии. Как подчеркивал Э. Кроу, «если станет ясно, что Франция и Россия не могут избежать войны и вступают в нее, то мое мнение, что британские интересы требуют от нас занять наше место рядом с ними в качестве союзников, и в этом случае наше вмешательство должно быть немедленным и решительным»²³. Еще более определенно в этом смысле высказался Ф. Берти, записавший в своем дневнике 2 августа: «Мне так тяжело на душе и так стыдно, что слова “коварный Альбион” могут оказаться действительно произнесенными. У нас, думается мне, надеются, что французы выиграют войну без нашей помощи. Но если это случится, а это сомнительно, то с нами мало будут считаться при заключении мира по окончании войны; а если немцы окажутся в роли завоевателей, какова будет тогда наша судьба?»²⁴

К началу августа мнение Foreign Office разделяли уже не только «либерал-империалисты» в Кабинете, но и лидеры оппозиционной консервативной партии, пришедшие к выводу, что час пробил. 2 августа премьер-министр Г. Асквит получил письмо Бонар-Лоу и Лэнсдауна, в котором говорилось: «...было бы роковым, губительным для чести и безопасности в настоящих условиях колебаться относительно поддержки Франции и России, и мы предлагаем безоговорочную поддержку оппозиции правительству во всех мероприятиях, которые будут сочтены необходимыми вследствие вмешательства Англии в войну»²⁵.

Таким образом, по мере развития кризиса осознание необходимости английского выступления с учетом важности как европейских, так и имперских интересов Великобритании проникает в сознание всей британской правящей элиты. Момент окончательного принятия решения о вступлении в войну приходится на 2–3 августа. Следствием этого стали британский ультиматум Германии и объявление ей войны 4 августа 1914 г.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что позиция Великобритании в ходе июльского кризиса прошла в своем развитии три этапа. На первом из них (23–28 июля) британская дипломатия не считала нужным вмешиваться в развитие конфликта, поскольку полагала, что это отвечает ее интересам (сталкивание России с Австро-Венгрией и Германией). На втором этапе (29 июля – 1 августа) Великобритания пыталась ограничить размах войны в Европе, стремясь направить агрессию центральных держав на Восток. Наконец, на третьем этапе (2–4 августа), когда стало очевидно, что

Германия наносит главный удар против Франции, в качестве ближайшей задачи британской дипломатии было выдвинуто скорейшее вступление в войну, используя для этого удобный бельгийский предлог.

При этом важно подчеркнуть, что вступление Англии в Первую мировую войну стало результатом консенсуса в британской правящей элите, объединившего политиков консервативного, «либерал-империалистского» и «пацифистского» толка. Это решение было принято не в силу каких-либо обязательств в рамках Антанты либо возникших в начале войны ситуаций (незащищенность северного берега Франции как следствие соглашения 1912 г. и вопрос о бельгийском нейтралитете). Оно было продиктовано существовавшим пониманием европейских и имперских интересов Великобритании. Это требовало выступления на стороне Антанты для контроля за ходом войны с целью недопущения неблагоприятных для Англии изменений в расстановке сил.

Примечания

¹ Цит. по: *Полетика Н.П.* Возникновение Первой мировой войны. М., 1964. С. 134.

² Там же. С. 113.

³ Мировые войны XX века. Т. 1. М., 2002. С. 84.

⁴ «Империалисты» и «пацифисты» составляли влиятельные группы в рамках правящей Либеральной партии. При этом «империалисты» были склонны к более активному антигерманскому курсу и выступали в поддержку Франции и России в ходе предвоенных международных кризисов 1909–1913 гг. Напротив, «пацифисты» («радикалы») стремились продемонстрировать нейтралитет и обеспечить Великобритании свободу рук на международной арене. При этом и те и другие рассматривали существование Тройственного соглашения как гарантию недопущения германской гегемонии в Европе.

⁵ Мировые войны XX века. Т. 1. С. 115.

⁶ *Nevins A. Henry White, Thirty Years of American Diplomacy.* N. Y., 1930. P. 257.

⁷ *Churchill W. The World Crisis, 1911–1914.* Vol. I. L., 1923. P. 194–195.

⁸ *The Economist 1843–1943. A Centenary Volume.* Oxford, 1943. P. 27.

⁹ *Ibid.* P. 90–91.

¹⁰ *The Economist.* 1914. July 25.

¹¹ Бенкендорф – Сазонову. 26/13 июля 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. Т. 5. М.; Л., 1934. № 91.

¹² *Morley J. Memorandum on Resignation.* L., 1928. P. 1–2.

¹³ *Ibid.* P. 6–7.

- ¹⁴ *Morris A.J.* Radicalism Against War, 1906–1914. The Advocacy of Peace and Retrenchment. L., 1974. P. 394.
- ¹⁵ Sir E. Goshen to Sir E. Grey. July 29, 1914 // British Documents on the Origins of the War 1898–1914 (далее – BD). Vol. XI. L., 1926. № 293.
- ¹⁶ По мнению Б. Такман, «в действительности же все можно было изменить. Германский генеральный штаб, несмотря на то, что с 1905 г. предусматривал сначала открытие военных действий против Франции, имел в своих сейфах вариант плана кампании против России, который намечал отправку на восток всей армии и наличных железнодорожных составов». См.: *Такман Б.* Августовские пушки. М., 1972. С. 134.
- ¹⁷ Sir E. Grey to Sir F. Bertie. August 1, 1914 // BD. Vol. XI. № 426.
- ¹⁸ *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 547.
- ¹⁹ Pease Diary, August 2, 1914. Цит. по: *Hazlehurst C.* Politicians at War, July 1914 to May 1915. Cape, 1971. P. 66.
- ²⁰ *Williamson S.R.* The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War. 1904–1914. L., 1972. P. 356.
- ²¹ *Lloyd George D.* War Memoirs. Vol. I–II. L., 1938. P. 75–76.
- ²² *Morley J.* Op. cit. P. 6–7.
- ²³ A minute by E. Crowe. July 31, 1914 // BD. Vol. XI. № 318.
- ²⁴ *Берту Ф.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже, 1914–1919. М.; Л., 1927. С. 21.
- ²⁵ *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. 1. М., 1934. С. 346.

Ю.А. Борисёнок

ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Трансформация в условиях взаимодействия традиций Запада и Востока наложила отпечаток на развитие материальной и духовной культуры, менталитета и традиций населения белорусских земель в первой половине XX в., в эпоху начала процесса институализации белорусской нации. При этом формирование белорусской нации и развитие белорусской культуры были в значительной степени связаны с развитием политического и этнокультурного противостояния между Россией и Польшей. В современной исторической науке рассмотрению этой научной проблемы сквозь призму динамики трансформации, как правило, уделяется фрагментарное внимание, продолжают использоваться устаревшие концепции и устойчивые стереотипы.

Ключевые слова: белорусские земли, белорусизация, традиции, менталитет, процессы модернизации.

Процессы модернизации на белорусских землях, в частности на пространстве XX в., представляют собой перспективную научную проблему, которая лишь частично стала предметом серьезного и тем более всестороннего изучения в историографии¹. Однако имеющиеся по данной проблематике исследования белорусских, российских, польских, чешских специалистов, а также ученых из других стран, несомненно, заслуживают аналитической оценки, которая и будет предпринята в настоящей статье.

При том, что для анализа ситуации до сих пор часто используются устаревшие концепции и сформировавшиеся в последние десятилетия стереотипы разной степени устойчивости, стоит прежде всего отметить появление новых подходов к проблеме. В частности,

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-21-01004.

© Борисёнок Ю.А., 2014

белорусский ученый Л.В. Колединский с 2007 г. вводит в научный лексикон перспективное, на наш взгляд, понятие. В трактовке этого автора «виталитивная культура» (от лат. *vita* – жизнь) – это часть материальной культуры, связанная с жизнеобеспечением человека. Сюда археолог из Минска относит жилище, одежду, пищу, предметы повседневного обихода². На наш взгляд, в понятие виталитивной культуры логично добавить и культуру духовную, которая на протяжении многих столетий тесно сочленена с повседневным бытом. Тогда новый термин получит более широкую трактовку: в таком понимании виталитивная культура – это часть материальной и духовной культуры, связанная с жизнеобеспечением, повседневным бытовым укладом людей, менталитетом и традициями. В белорусской историографии виталитивная культура городского населения в аспектах взаимодействия материальной и духовной составляющих впервые была рассмотрена в монографическом исследовании И.А. Марзалюка³. На основании изучения мемуарной литературы быт привилегированного сословия был подвергнут анализу в книге известного белорусского филолога и историка А.И. Мальдиса⁴. Таким образом, историографический опыт наглядно показывает, что наиболее успешно проблемы динамики трансформации можно рассмотреть только путем комплексного изучения всех групп исторических источников. И реконструкция модернизационных процессов в данном ключе оправдана не только при обращении к реалиям Средневековья, но и в поисках утраченного совсем недавно, в позапрошлом XIX и прошлом XX в.

К области виталитивной культуры стоит отнести, к примеру, и процессы трансформации культурно-языкового пространства на белорусских землях, называемые в советских реалиях 1920-х гг. политикой белорусизации. Как ни удивительно, но вплоть до недавнего времени этой проблеме в историографии были посвящены исключительно статьи и главы в коллективных монографиях. Первая в мировой исторической науке специальная книга на эту тему увидела свет в 2012 г. в Праге в издательстве «Лидове новины»⁵. Молодая исследовательница из Карлова университета Алена Маркова, приехавшая в Чехию из Беларуси, назвала свою монографию «Советская белорусизация как путь к нации. Иллюзия или реальность?». Книга представляет хороший пример камерного исторического исследования, не претендующего на всеохватность и жестко нацеленного на конкретные научные задачи. Стоит особо отметить кропотливую работу автора над чешским вариантом текста, в особенности над транскрипцией белорусских фамилий, имен, а также советских терминов. Источниковая база монографии опирается

на материалы белорусских архивов и опубликованные источники, проработанные автором основательно и добросовестно, в том числе весьма информативный сборник документов о белорусизации под редакцией покойного Р.П. Платонова (2001)⁶ дождался подробного анализа. По мнению автора, «белорусизацию можно понимать как процесс культурной и языковой консолидации белорусской нации на фоне продолжающегося процесса ее формирования»⁷. Это означает, что на вынесенный в заголовок книги провокационный вопрос (напоминающий шедевры хрущевской пропаганды вроде «Коммунизм: фантастика или реальность?») исследовательница отвечает твердо, склоняясь к очевидному признанию реальности описываемых процессов (правда, возразить германскому исследователю Р. Линднеру, походя утверждающему обратное, она почему-то не решилась⁸). Но реальность эта, благодаря строгости подходов автора, замыкается преимущественно на отражении процессов белорусизации в области просвещения, науки, показе роли национальной белорусской интеллигенции и особенно учителей в реализации этой политики, отображении географии и исторического прошлого белорусских земель в учебниках 1920-х гг., а также проникновении белорусизации в государственные структуры, включая политику «коренизации кадров», которая у автора почему-то именуется просто «коренизацией»⁹, создавая путаницу с курсом, провозглашенным весной 1923 г. на XII съезде РКП(б). Предпосылки белорусизации изложены, на наш взгляд, излишне кратко, последствия же процесса вообще остались вне поля зрения историка, что обидно. Заключение же к работе неожиданно для читателя обращено к концепции белорусизации в теоретическом аспекте, что подчеркивает уважение автора к рецензенту книги – известному чешскому исследователю Мирославу Гроху, но порой противоречит выдвинутым в первых главах работы тезисам.

Отрадно, что исследовательский ракурс автора оказался шире традиционных узких представлений о «советском тоталитаризме», априори тупо и безжалостно угнетающем все нации и народности от белорусов до нганасанов. Алена Маркова неплохо чувствует белорусскую специфику процесса национального строительства, именую белорусизацию «комплексным общественным процессом», который начинается с «политического решения о приоритете продвижения национального языка»¹⁰. Автор абсолютно верно связывает постановку вопроса о белорусизации с речью Сталина на X съезде РКП(б) в 1921 г.¹¹, но приводит лишь первую часть высказывания будущего «вождя народов», где говорится о безусловном признании существования белорусов, опуская важнейшее продолжение,

в котором на примере Риги и Будапешта обосновывается тезис о быстрой смене этнической окраски городов и регионов Восточной Европы¹². Оба сталинских высказывания взаимосвязаны и в дальнейшем именно в связке друг с другом отражались в исторической реальности. Без учета этой теоретической модели сложно оценить реальные причины свертывания процесса белорусизации.

Заметим, что автор отводит этой политике в БССР всего пять лет (1924–1929)¹³, тогда как даже настроенный с начала 1990-х гг. априори антисоветски белорусский историк старшего поколения Л.М. Лыч пишет о процессах белорусизации и в 1930-е гг.¹⁴ Как будет показано ниже, начало реального внедрения преподавания на белорусском языке даже в фактически еще остававшихся в составе РСФСР белорусских уездах Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, подлежавших передаче в состав БССР в 1924 г., по решению центральных союзных властей было реализовано с 1 сентября 1923 г. При этом осуществление мероприятий в духе большевистской национальной политики не было однородным: уже в сентябре 1927 г. руководству БССР пришлось отчитываться в Москве по линии ЦИК СССР не о чем-нибудь, а об итогах белорусизации. Стоит помнить и о том, что отдельные новации в жизни белорусского общества, связанные именно с белорусизацией (школьное обучение, массовый охват печатью и радио на белорусском языке, создание Академии наук БССР, музеев и других культурно-просветительных учреждений), при всех изменениях курса советских властей непрерывно и реально существовали вплоть до распада СССР в 1991 г.

Итак, современная историография национальных процессов в БССР в 1920-е гг. обогатилась весьма полезным монографическим исследованием с акцентом на образовательно-культурные процессы. В то же время Алена Маркова почти не затронула профессиональный аспект проблемы и совершенно не придала значения внешнеполитическому измерению белорусизации. Это тем более досадно потому, что автор, судя по тексту книги, в отличие от очень многих исследователей данной проблематики, владеет польским языком. В реальности это вылилось среди прочего в крайне сомнительный комплимент избранным (на деле их было больше) польским комментаторам 1925–1928 гг. текущей советской национальной политики в Беларуси: подход Ю. Голомбка, Э. Малишевского и Я. Охоты¹⁵ без лишних подробностей назван «объективным, то есть свободным от коммунистической идеологии»¹⁶. То обстоятельство, что в работе нет ни слова об объективно антипольском содержании как всей политики белорусизации,

так и ее старта в 1923 г., делает весьма актуальным специальное обращение к этой проблеме.

Если говорить о российской исторической науке, то в ее рамках разработка белорусских сюжетов первой половины XX столетия находится еще в начальной стадии, о чем, правда, говорилось и в весьма актуальной для своего времени коллективной монографии «Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии»¹⁷. Специальные монографические исследования, посвященные этому периоду времени, до сих пор не изданы, как это уже сделано, к примеру, в отношении Украины в трудах Е.Ю. Борисёнок, А.В. Марчукова или И.В. Михутиной¹⁸; нет и обобщающих работ по истории Беларуси, написанных российскими авторами. Стоит отметить научную и публикаторскую деятельность отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, в том числе продолжающееся издание «Белоруссия и Украина: история и культура» и сборники материалов международных научных конференций последних лет¹⁹. Наибольшая активность проявляется российскими специалистами в двух традиционных областях, осваиваемых еще с XIX столетия, – истории белорусской литературы и этнологических исследованиях. В этом плане, в частности, заслуживают внимания монография А.К. Кавко «От Скорины до Купалы. Белорусская литература в контексте национально-культурного возрождения» (2006) и коллективный труд российских и белорусских этнологов «Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование» (2005)²⁰. Для обращения к предыстории белорусской проблемы в XX в. серьезное значение имели увидевшие свет в последнее десятилетие монографии А.А. Комзоловой и М.Д. Долбилова, посвященные политике властей Российской империи и конфессиональной ситуации позапрошлого столетия²¹. В отсутствие специальных монографий нельзя не отметить статьи И.В. Михутиной, О.В. Петровской и Д.А. Коротковой²² на интересующие нас сюжеты. Отрадно, что Д.А. Короткова подготовила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвященную фактору Белоруссии в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. В защищенной в 2012 г. кандидатской диссертации М.С. Павловой «Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 гг.» также имеются интересные наблюдения о дипломатическом аспекте белорусской проблемы по окончании Первой мировой войны²³.

Небольшое количество «исхоженных тропок», касающихся белорусских сюжетов в современной российской историографии, можно объяснить как сохраняющимся поныне стереотипом совет-

ских времен, согласно которому проблемами «союзных республик» рекомендовалось заниматься «на местах» (а там, в свою очередь, ставили цензурные и идеологические препоны и рогатки), так и тем, что история белорусских земель первой половины прошлого века плохо подпадает под сложившееся в отечественной науке «общественное разделение труда» между собственно историей России, историей южных и западных славян и историей ближнего зарубежья (последняя преимущественно нацелена на анализ событий после 1991 г.). Пока же, к примеру, в интересных трудах, посвященных и советско-польским войнам первой половины XX в., и пятнам различного цвета в советско-польских отношениях, и «этнополитическому ландшафту СССР» межвоенной эпохи либо «психосоциальной динамике постреволюционного времени», сюжеты, относящиеся к БССР, в силу их малоизученности оказываются на далекой периферии исследовательского внимания²⁴. Стоит надеяться, что в обозримом будущем эта ситуация все-таки изменится в лучшую сторону.

В польской исторической науке и во времена ПНР выходили в свет монографии о белорусских сюжетах XX в.²⁵, в 1979 г. появилась и обобщающая работа М. Космана об истории Беларуси²⁶, переизданная в 1987-м. Для исследований после 1989 г. проблематика Беларуси начинает рассматриваться в новых ракурсах, к примеру в плане комплексного исследования польского пограничья²⁷. В последнюю четверть века историография Польши однозначно обогатилась рядом монографий, посвященных белорусским сюжетам первой половины XX столетия: в работах П. Врубеля, К. Гомулки, Д. Тарасюка, Х. Глоговской и Д. Михалюк отражены новые элементы восприятия польскими историками проблем национального самосознания белорусов, их роли в сложных исторических процессах 1905–1922 гг., в том числе провозглашения БНР, судеб белорусской культуры и теоретического осмысления прошлого и настоящего Беларуси²⁸. В то же время нельзя не заметить, что многие принципиально важные сюжеты польскими исследователями часто практически не затрагиваются, как, например, политика белорусизации, либо освещаются очень скупо, как, например, вопрос оформления белорусских границ. Одна из немногих на сегодняшний день книг польских белорусистов, переведенных на белорусский язык, вышедшая в польском оригинале в 2000 г. работа социолога из Люблина Р. Радзика грешит традиционными упрощениями в духе рассуждений о «слабости (запоздании) белорусского нациетворческого процесса»²⁹.

Особое место в современной польской историографии занимают два историка из Белостока – этнические белорусы О. Латышо-

нок и Е. Миронович, отличающиеся оригинальными, не похожими на коллег монографическими исследованиями и обобщающими трудами и своеобразным взглядом на белорусскую историю³⁰. «Глядя из Белостока», многие, казалось бы, избитые сюжеты приобретают новое звучание, в особенности это относится к «новому прочтению» Латышонком сюжетов XIX столетия³¹. При этом данные пионерские изыскания в исторической науке Польши представляли собой исключение и раньше, а сегодня, в условиях все более явных стремлений к реанимации межвоенных политических догм типа уже известного нам отрицания Западной Беларуси и Западной Украины как историко-географических объектов, они выделяются еще ярственнее.

В западной историографии стоит отметить работы германских специалистов Р. Линднера и В. Дённингхауса, переведенные соответственно на белорусский и русский языки³². В англоязычных же трудах белорусской истории отводится привычно скромное место, в том числе в нашумевшей работе Т. Мартина и сборнике из того же исследовательского круга «Государство наций» (обе книги в 2011 г. увидели свет и в русском переводе³³). Если обратиться к собственно белорусским сюжетам, то получится, что изданная в 1956 г. в США книга достаточно известного в русской эмиграции журналиста, уроженца Киева Николая Платоновича Вакара (1894–1970)³⁴ по-прежнему сохраняет и определенную исследовательскую ценность, и чуть ли не свежесть подходов. А вот белорусизации посвящены всего несколько статей на западных языках, не слишком продвигающих исследование вперед, но пополнивших немецкий и английский языки новыми словами *Belorussifizierung* и *Belorussification*³⁵.

Оптимизма историографической ситуации придают серьезные и в целом позитивные изменения, происходящие с начала 1990-х гг. в белорусской исторической науке. Для их сколько-нибудь адекватной характеристики необходимо специальное монографическое исследование; здесь же мы кратко укажем ряд наиболее характерных тенденций. Во-первых, белорусские историки уже к началу XXI в. в целом преодолели вполне естественный в условиях отхода от советских стереотипов и штампов этап романтизированного отношения к истории, выразившийся помимо монографий и статей в попытке создания в 1994–1995 гг. новой национальной концепции истории нового государства³⁶. В итоге уже в 2000-е гг. развитие исторической науки сопровождается, на наш взгляд, интересной разногласией мнений по ключевым вопросам белорусской истории XIX и первой половины XX столетия.

Во-вторых, впервые в белорусской историографии были обеспечены условия для разработки и источникового наполнения всего спектра проблем развития белорусского общества, а не только «дозволенных цензурой» в советские годы, причем лишь частично, истории белорусской литературы, этнографии и фольклора³⁷. Вышли в свет шеститомные «Энциклопедия истории Беларуси» (1993–2005) и «История Беларуси», 4-й и 5-й тома которой (2005, 2007) посвящены белорусской истории 1795–1945 гг.³⁸ Для понимания предыстории белорусских проблем XX в. весьма актуальны предпринятые в 2000-е гг. государственным издательством «Беларуская Энцыклапедыя» солидные переиздания трудов Е.Ф. Карского, М.В. Довнар-Запольского, М.О. Кояловича, И.В. Турчиновича и других исследователей белорусских сюжетов XIX – начала XX в.³⁹; не менее ценны параллельные усилия государственного издательства «Беларусь» по публикации трудов М.В. Довнар-Запольского, В.М. Игнатовского, П.М. Шпилевского и ряда прочих историков и этнографов минувших лет⁴⁰.

В-третьих, увидели свет не свойственные ранее белорусской историографии фундированные и представляющие немалый исследовательский интерес монографии, посвященные общественному движению в Беларуси⁴¹, становлению белорусской государственности⁴², международному положению белорусских земель⁴³ и ситуации на отошедших к Польше западнобелорусских землях⁴⁴.

Впрочем, на фоне столь существенных изменений назвать научное поле белорусской истории первой половины прошлого века до конца распаханным сложно. Остаются еще и исследовательские лакуны. Например, сюжет о проекте образования Полоцкой области в составе РСФСР в июле 1944 г. до сих пор не стал предметом изучения белорусских историков. Так и не появилось специальной монографии о политике белорусизации, а существующие статьи, как правило, не идут дальше стереотипных подходов первой половины 1990-х гг. или посвящены школьно-образовательным сюжетам. Более того, филолог И. Климов в 2008 г. попытался доказать, что «белорусизация была именно языковой политикой – и только языковой, однако не культурной и не этнической (последнюю стоит описывать термином “коренизация”», а также поставил под сомнение логичный вывод З. Шибeko о том, что белорусизация проводилась в целях минимизации польского влияния в БССР⁴⁵. Как увидит далее читатель, именно белорусизация привела и к минимизации численности самих поляков в советской части Беларуси...

Изменились и представления российской историографии о межвоенной польской государственности: речь уже не идет ни о

«фашистской диктатуре Пилсудского», ни о «буржуазно-помещичьей Польше»; более того, в 2012 г. Институтом славяноведения РАН вслед за аналогичными трудами по истории Болгарии, Чехии и Словакии, Югославии выпущено капитальное и соответствующее современному состоянию отечественной исторической науки коллективное монографическое исследование «Польша в XX в. Очерки политической истории»⁴⁶. То, что оно (при всех понятных в работе такого объема шероховатостях) достигло задуманной цели, показывает и обширная страстно-критическая рецензия на книгу, написанная молодым польским историком Лукашем Адамским, одним из руководителей созданного в 2011 г. Центра польско-российского диалога и согласия и опубликованная 10 ноября 2013 г. в украинском издании «Неділя»⁴⁷. Статья озаглавлена «Архаичный синтез» и пытается уличить российских полонистов в том, что в XXI в. их взгляды на Польшу прошлого века безнадежно устарели и по-прежнему базируются на советском багаже.

Но ахиллесовой пятой варшавского критика является его априорная симпатия к концепциям и подходам, выработанным в Польше в межвоенный период. То есть архаизм позднесоветских интерпретаций (они, кстати, в 952-страничной монографии проскальзывают, но не более того; ключевые концепции реально обновлены и представляют серьезный исследовательский интерес) российским полонистам предлагается заменить на признание ужасно спорных инвектив как минимум 75-летней давности, то бишь «комиссаров в пыльных шлемах» призваны отодвинуть «рыцари без страха и упрека» из лагеря польской санации. Сознает ли автор, что ответом на этот «призыв к истокам» может стать углубление в столь же однозначный исторический взгляд, не менее страстно высказанный «известным советским полонистом» Вячеславом Михайловичем Молотовым в его выступлении на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.: «Правящие круги Польши немало кичились “прочностью” своего государства и “мощью” своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей. “Традиционная политика” беспринципного лавирования и игры между Германией и СССР оказалась несостоятельной и полностью обанкротилась»⁴⁸. Приняв правила игры Лукаша Адамского, можно продвинуться и дальше, посмотрев межвоенным советским взглядом на Восточную Европу и обнаружив там еще несколько столь же «уродливых детищ», к примеру, королевскую Югославию или Чехословацкую Республику...

Наметив перспективное исследовательское направление, обратим внимание на некоторые высказывания польского историка касательно белорусских проблем, транслирующие мироощущение межвоенной элиты II Речи Посполитой и в современной ситуации выглядящие уничтожающе архаично (при этом в польской исторической науке, как читатель увидит ниже, имеются серьезные подвижки в белорусистике). Критикуя Г.Ф. Матвеева за этническую характеристику территорий будущей БССР, Адамский рассуждает так: «На землях, посчитанных Матвеевым “белорусскими”, элиты были польские, еврейские или русские, а крестьянство – польское, а чаще всего польскоязычное и белорусскоязычное. Национальное движение белорусов находилось на зачаточной стадии, а интеллигенция, идентифицировавшая себя с белорусской нацией, была малочисленной. В свою очередь, в Виленском крае “этнические” литовцы были в значительном меньшинстве, там преобладали поляки, из которых многие имели очевидные литовские или белорусские корни»⁴⁹. А далее следует «шедевр» из области гибридной, воистину мичуринской этничности: «В Вильно первых десятилетий XX в. и Виленском крае доминировали литовцы-поляки (их самый яркий представитель – Юзеф Пилсудский), восточнее – литовцы-поляки и литовцы-белорусы»⁵⁰. То есть перед нами старый затрепанный подход 1920–1930-х гг., согласно которому белорусов между Варшавой и Москвой нет и звать их никак, а если уж они есть – то где-то там забились под печкой в ничтожном количестве.

Свои мысли автор подкрепляет официальной польской статистикой конца 1930-х гг., которая, на наш взгляд, по части фальсификаций была родной и любимой сестрой давно изруганной статистики советской: «...западная часть восточных воеводств польского государства, нелегально [!!! – Ю. Б.] – о чем потом шире – аннексированных в состав Белорусской ССР в результате незаконно объявленных выборов, проведенных на сталинских началах с применением всеобщего террора тоталитарного государства, была плотно заселена поляками и поныне находится в Польше (Подляшье и восточная Мазовия). Достаточно посмотреть на общую картину всех восточных воеводств довоенного польского государства, так называемой II Речи Посполитой, чтобы засомневаться в утверждениях Парсадановой и бесчисленных других историков, распространяющих похожие лозунги. В 1939 г. 49 % жителей так называемой “Западной Белоруссии” было поляками, 9 % – евреями, а белорусы составляли лишь 23 %! В свою очередь на землях Польши, аннексированных Литвой (тоже незаконно), жило 69,2 % поляков и 13,1 % евреев и только 11,3 % литовцев! Исключительной была

ситуация на Волыни и в бывшей Восточной Галиции, где 56,2 % населения были украинцами, а поляки (32 %) с евреями составляли меньшинство (около 40 %). Это официальные польские данные на 1939 г. на основе переписи населения от 1931 г., проведенной по языковому критерию. Перепись 1931 г. многими исследователями критиковалась за то, что она понижала на несколько процентов численность национальных меньшинств в Польше. Однако общая картина не поменяется даже при коррективе этих статистических данных»⁵¹. У «полониста» же Молотова 31 октября 1939 г. в ходу была другая статистика, столь же однозначная: «Перешедшая к СССР территория по своим размерам равна территории большого европейского государства. Так, территория Западной Белоруссии достигает 108 тысяч квадратных километров, с населением в 4 миллиона 800 тысяч человек. Территория Западной Украины составляет 88 тысяч квадратных километров, с населением в 8 миллионов человек. Таким образом, перешедшая к нам территория Западной Украины вместе с территорией Западной Белоруссии составляет 196 тысяч квадратных километров, а ее население – около 13 миллионов человек, из которых украинцев – более 7 миллионов, белорусов – более 3 миллионов, поляков – свыше 1 миллиона, евреев – свыше 1 миллиона»⁵². Остается прояснить, какие из межвоенных цифр поближе к реальности...

Таким образом, историографическая картина модернизационных процессов на белорусских землях в первой половине XX столетия в последние два десятилетия приобрела немало специфических черт и обогатилась серьезными научными наработками. Но целый ряд кардинальных проблем, имеющих прямое отношение к механизмам динамики трансформации, в том числе и процессы белорусизации, до сих пор исследованы недостаточно интенсивно.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Борисёнок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX в. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. С. 4–35.
- ² *Колединский Л.В.* Виталитивная культура Витебска в конце XIII – середине XV в. (по материалам раскопок Верхнего замка) // *Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 22–23 мая 2012 г.)*. Мінск: Беларуская навука, 2012. С. 437–455.
- ³ *Марзалюк І.А.* Магілёў у XII–XVIII ст. Людзі і рэчы. Магілёў; Мінск: Веды, 1998. 260 с.

- ⁴ *Мальдзіс А.* Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі. Мінск: Лімарыус, 2001. 384 с.
- ⁵ *Marková A.* Sovětská bělorusizace jako cesta k národu. Pluze nebo realita? Praha: Lidové Noviny, 2012. 262 s.
- ⁶ Беларусізацыя. 1920-я гады / Пад агульнай рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. Мінск: БДУ, 2001.
- ⁷ Там же. С. 24.
- ⁸ Там же. С. 16.
- ⁹ Там же. С. 153–158.
- ¹⁰ Там же. С. 24.
- ¹¹ Там же. С. 36.
- ¹² См.: *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат, 1937. С. 81.
- ¹³ *Marková A.* Op. cit. S. 41, 159–174.
- ¹⁴ *Лыч Л.* Беларусізацыя: 30-я гады // Маладосць. 1995. № 12. С. 197–207.
- ¹⁵ См.: *Gołąbek J.* Początki dramatu białoruskiego. Warszawa, 1925; *Maliszewski E.* Białoruś Sowiecka i jej stosunki narodowościowe // Sprawy Narodowościowe. 1927. № 5–6. S. 509–519; *Ochota J.* Z historii państwowotwórczych poczynań białoruskich // Sprawy Narodowościowe. 1928. № 1. S. 1–21.
- ¹⁶ *Marková A.* Op. cit. S. 11.
- ¹⁷ Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. М.: Наследие, 1997.
- ¹⁸ См.: *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М.: Европа, 2006; *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е гг.: цели, методы, результаты. М.: Наука, 2006; *Михутина И.В.* Украинский Брестский мир. М.: Европа, 2007.
- ¹⁹ См.: Беларусь и Украина: история и культура. Вып. 1–4. М.: Тезаурус, 2003–2011; Западная Беларусь и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетей, 2011; Этнокультурная идентичность народов Украины, Беларуси и Польши. Механизмы формирования и способы проявления. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.
- ²⁰ См.: *Кавко А.К.* От Скорины до Купалы. Белорусская литература в контексте национально-культурного возрождения. М.: ИМЛИ РАН, 2006; Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование. М.: РУДН, 2005.
- ²¹ См.: *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛО, 2010.
- ²² См.: *Михутина И.В.* К вопросу о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии // Славяноведение. 2008. № 4. С. 54–81; *Петровская О.В.* Формирование границ Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2012. № 1. С. 24–41; *Короткова Д.А.* Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в

- 1920 г. // Славяноведение. 2012. № 3. С. 51–64; *Она же*. «Из всей этой пантомимы ничего путного не получится...» // Родина. 2012. № 3. С. 100–104; *Она же*. Белорусский вопрос на советско-литовских переговорах 1920 г. // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности. В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. М.: МГУ, 2011. С. 504–512.
- ²³ Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2012.
- ²⁴ См.: Мельтохов М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М.: Вече, 2009; Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект-Пресс, 2010; Аманжолова Д.А. Форматирование советскости: национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. М.: Собрание, 2010; Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия. 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012; и мн. др.
- ²⁵ См., напр.: *Lewandowski J.* Federalizm. Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI 1918 – IV 1920). Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962; *Deruga A.* Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). Warszawa: Książka i Wiedza, 1969.
- ²⁶ *Kosman M.* Historia Białorusi. Wrocław etc.: Ossolineum, 1979.
- ²⁷ Pogranicze z Niemcami i inne pogranicza Polski. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 1999.
- ²⁸ См.: *Wróbel P.* Kształtowanie się białoruskiej świadomości narodowej a Polska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1990; *Gomółka K.* Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych 1918–1922. Warszawa: Warszawska oficyna wydawnicza, 1994; *Głogowska H.* Białoruś 1914–1929. Kultura pod presją polityki. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 1996; *Tarasiuk D.* Między nadzieją a niepokojem. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polek na Białorusi w latach 1905–1918. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007; Białoruś w XX stuleciu. W kręgu kultury i polityki. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007; *Michaluk D.* Białoruska Republika Ludowa 1918–1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010.
- ²⁹ См.: *Radziuk P.* Вытокі сучаснай беларускаці. Беларусы на фоне нацыятворчых працэсаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе XIX ст. Мінск: Медысон, 2012. С. 307–326; *Radziuk R.* Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000.
- ³⁰ См.: *Latyszonek O.* Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 1995; *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowego. Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007; *Латышонак А., Мірановіч Я.* Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да

- пачатку XXI ст. Вільня: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2010, и др.
- 31 См. соответствующие разделы в кн.: *Латышонак А.* Нацыянальнасьць – беларус. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2009.
- 32 См.: *Линднэр Р.* Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. Мінск; СПб.: БГА, 2005; *Дённингхаус В.* В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР 1917–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2011.
- 33 См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011; *Государство наций: империя и национальное строительство в СССР.* М.: РОССПЭН, 2011.
- 34 *Vakar N.P.* Belorussia: the Making of a Nation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956.
- 35 См.: *Chiari B.* “Nationale Reanaissance”, Belorussifizierung und Sowjetisierung. Erziehungs- und Bildungspolitik in Weissrussland 1922–1944 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Bd. 42. H. 4. S. 521–540; *Wexler P.* Belorussification, Russification and Polonization Trends in the Belorussian Language 1890–1982 // *Sociolinguistic Perspectives on Soviet Languages. Their Past, Present and Future.* Berlin; N. Y.; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1985. P. 37–56.
- 36 Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск: Беларусь, 1994; Ч. 2. Мінск: Беларусь, 1995.
- 37 Причем и в этих областях продвижение вперед весьма ощутимо. См., напр.: Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў. Т. 2. Новая літаратура. Мінск: Беларускае навука, 2010; *Пилипенко М.Ф.* Возникновение Белоруссии (Новая концепция). Минск: Беларусь, 1991; *Белорусы.* М.: Наука, 1998; *Терешкович П.В.* Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск: БГУ, 2004; *Лобач У.А.* Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у сямейтычнай перспектыве. Мінск: Тэхналогія, 2013; и мн. др.
- 38 См.: Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1–6. Мінск: БелЭн, 1993–2005; Гісторыя Беларусі. Т. 4. Мінск: Экаперспектыва, 2005; Т. 5. Мінск: Экаперспектыва, 2007.
- 39 См.: *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. 1–3. Минск: БелЭн, 2006–2007; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия / Сост. П.П. Семенов-Тянь-Шанский, М.В. Довнар-Запольский, Д.З. Шендрик и др. Минск: БелЭн, 2006; *Турчинович И.В.* Обзор истории Белоруссии с древнейших времен. Минск: БелЭн, 2006; *Коялович М.О.* Чтения по истории Западной России. Минск: БелЭн, 2006; и др.
- 40 См.: *Довнар-Запольский М.В.* История Белоруссии. Минск: Беларусь, 2003; *Ігнатойскі У.М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск: Беларусь, 1992; *Шпилевский П.М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Минск: Беларусь, 2004.
- 41 См.: *Смалянчук А.Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй: польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917. СПб.: Неўскі прасцяг, 2004;

- Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). Мінск: Экаперспектыва, 1999; *Унучак А.У.* «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух. Мінск: Беларуская навука, 2008; і др.
- ⁴² См.: *Игнатенко И.М.* Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск: Навука і тэхніка, 1992; *Коршук В., Платонов Р. и др.* Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск: БГУ, 1999; *Круталевич В.А.* История Беларуси: становление национальной державности. Минск: Право и экономика, 1999; *Ладысеў У., Брыгадзін П.* На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920). Мінск: БДУ, 1999; *Ладысеў У., Брыгадзін П.* Паміж Усходам і Захадам. Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай целаснасці Беларусі (1917–1939). Мінск: БДУ, 2003; *Рудовіч С.* Час выбару: праблемы самавызначэння Беларусі у 1917 г. 2-е выд. Мінск: Тэхналогія, 2001; *Траццяк С.А.* Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі. Лістапад 1917 – студзень 1919 г. Мінск: Беларуская навука, 2009; і др.
- ⁴³ См.: *Лазько Р.Р., Кротаў А.М., Мязга М.М.* Беларусь у еўрапейскай палітыцы, 1918–1925 гг. Нарысы. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2003; *Ціхаміраў А.В.* Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск: Экаперспектыва, 2003; і др.
- ⁴⁴ См.: *Даніловіч В.В.* Дзейнасць арганізацыі «Змаганне» ў Заходняй Беларусі (1927–1930 гг.). Мінск: Беларуская навука, 2007; *Вабішчэвіч А.Н.* Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст: БрДУ, 2008; *Кривуть В.И.* Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2009; *Разуванова К.С.* Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры ў Заходняй Беларусі (1926–1936 гг.). Мінск: Беларуская навука, 2013; і др.
- ⁴⁵ *Клімай І.* Асаблівасці правядзення беларусізацыі ў 1920-я гг. // *Studia białorusnistyczne*. Т. 2. Lublin, 2008. S. 53, 67.
- ⁴⁶ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2012. 952 с. См. также: *Борисёнок Ю.* Некраткий курс недавней истории. Рец. на кн.: Польша в XX веке. Очерки политической истории // *Родина*. 2013. № 2. С. 70.
- ⁴⁷ *Адамский Л.* Архаичный синтез // *Неділя*. 2013. 10 лістапада.
- ⁴⁸ Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября – 2 ноября 1939 г.: Стенографический отчет. М., 1939. С. 7.
- ⁴⁹ *Адамский Л.* Указ. соч.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Внеочередная пятая сессия... С. 11.

II. История и уроки холодной войны

А.М. Юдина

«ДЖАЗОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ» США В 1950–1960-е гг.: ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ЭПОХУ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются механизмы реализации «мягкой силы» США в годы холодной войны. Автор оценивает «джазовую дипломатию» вообще и поездку Бенни Гудмена в СССР в частности как пример реализации культурной дипломатии. По мнению автора, интеграция американских джазовых музыкантов в сферу внешней политики оказала позитивное влияние на внешнеполитический имидж США в рамках биполярной системы международных отношений.

Ключевые слова: «мягкая сила», культурная политика, «джазовая дипломатия», холодная война, Бенни Гудмен, советско-американские отношения, частно-государственное партнерство.

В начале 1920-х гг. из глубины афроамериканской культуры вышел джаз. Непризнанный, сложный и очень «негритянский», он далеко не сразу был принят белыми американцами. Однако в итоге рваные ритмы и бархатные тембры сломили сопротивление расистов. Музыка как часть культуры всегда была выше идеологии и политики, поскольку не требовала дополнительных разъяснений, стирала гендерные, социальные и расовые границы и пронизывала слушателя чувствами, которые, в свою очередь, вторгались в сферу отношений между расами, полами и социальными группами общества.

Данная статья посвящена не только джазовой музыке, но и механизмам реализации культурной дипломатии, в которой Соединенные Штаты были во многом первопроходцами. В качестве примера выбрана «джазовая дипломатия», осуществлявшаяся му-

зыкантами от народа, причем преимущественно народа негритянского, угнетенного.

Избранный период в процессе формирования «мягкой силы» США заслуживает особого внимания, поскольку конец 1950-х гг. ознаменовался пусть кратковременным, но потеплением советско-американских отношений, хотя холодная война была в разгаре. Балансирование на грани вооруженного противостояния в период Карибского кризиса поставило мир на грань ядерной катастрофы и одновременно актуализировало вопрос о необходимости поиска альтернативных «жесткой силе» методов влияния на социалистический лагерь и в особенности на страны «третьего мира», втянувшиеся в процесс деколонизации.

Именно в 1950–1960-е гг. США отлаживают механизмы реализации культурной дипломатии. В итоге в середине 1950-х гг. «джазовая дипломатия» становится важным элементом «мягкой силы». И это открывает перед Соединенными Штатами возможность решить две проблемы: осуществить экспансию американских культурных ценностей и скорректировать образ США в том, что касалось политики расовой дискриминации, остававшейся объектом острой критики со стороны Советского Союза.

* * *

Точкой отсчета в процессе институционализации публичной дипломатии США считается 1936 год, когда в качестве ответа на нацистскую «культурную экспансию» 1930-х гг. возник план межамериканского культурного сотрудничества. В 1947 г. создается Совет национальной безопасности (National Security Council, СНБ)¹, который издает директиву СНБ-4, нацеленную на контроль за информационной деятельностью за границей и оказание влияния на общественное мнение за рубежом. Именно этот документ позволил реализовать такие проекты, как радио «Голос Америки» и Информационная служба США, а также начать финансирование программы образовательных обменов, основанной в 1946 г. сенатором Дж.У. Фулбрайтом с целью укрепления культурно-академических связей между гражданами США и других стран.

В данном случае используется сотрудничество государства с частным сектором, так называемое частно-государственное партнерство, которое необходимо для реализации политических, экономических и культурных программ, нацеленных на поддержание внешнеполитического курса США. Частно-государственное партнерство в сфере внешней политики практикуется с начала холодной войны и сохраняет свое значение в наши дни².

Частно-государственное партнерство лежит в основе культурной дипломатии, где послами страны являются не официальные лица, а носители культуры, представители общественных групп. Если бы американское правительство само начало распространять идеологические установки, это могло быть расценено обществом-адресатом как пропаганда, которая, как заявляли Соединенные Штаты, не свойственна американской демократии, а является прерогативой нацистских и коммунистических режимов. Личный протест американцев против тоталитарных режимов должен был просматриваться в сообщениях СМИ, заявлениях профсоюзов и представителей деловых кругов, женщин и мужчин, молодежи и людей преклонных лет, белых и темнокожих американцев, спортсменов и ученых. Именно так культурная дипломатия могла способствовать реализации доктрины Трумэна, в которой звучал призыв: «Поддерживать свободных людей, которые сопротивляются попыткам подчинения со стороны вооруженных меньшинств или внешних сил»³.

В 1953 г. организация публичной дипломатии вышла за пределы Государственного департамента США. Была сформирована автономная структура – Информационное агентство Соединенных Штатов (USIA). С этого момента действия, выражавшиеся в спонсировании медиапродуктов, а также культурных выставок, которые занимали центральное место в формировании публичной дипломатии периода холодной войны, стали пониматься как механизм борьбы за сердца и умы людей далеко за пределами Соединенных Штатов и как важная составляющая системы национальной безопасности государства в целом.

Сверхсекретной директивой СНБ-68 США обозначили объект действия своей культурной дипломатии: «Невольно наше свободное общество оказалось перед лицом угрозы советской системы. Нет иной системы ценностей, настолько несовместимой с нашей, настолько стремящейся ее разрушить. Состоящая из иррациональных элементов, эта другая система апеллирует к самым опасным и спорным тенденциям развития нашего общества. И в этом умении с ней никто не сравнится»⁴.

В то же время происходило осознание того, что место Соединенных Штатов в истории будет определяться не только по уровню их военной или экономической мощи, но и по их культурным достижениям. Как заявил в своем докладе «Искусство и национальное правительство» О. Хекшер, американский предприниматель и филантроп, «очевидно, продвижение лучших образцов художественных достижений Соединенных Штатов Америки за рубежом привело нас к тому, что мы смотрим на себя со стороны

и имеем возможность оценить, достаточно ли глубоко мы погружены в творческий процесс. Мы стали осознавать себя народом не только потому, что сделались сильнее, но и потому, что благодаря развитию искусства почувствовали уровень развития национального благосостояния»⁵. В этом пассаже обращает на себя внимание общественно-политический аспект, связанный с поиском ответа на вопрос «Как нас видит мир?».

Джазовые музыканты, о которых пойдет речь, стали посланниками не только негритянской, но и американской культуры в то время, когда нужно было противостоять идеологической экспансии СССР.

Активность Вашингтонской администрации была направлена в первую очередь на корректировку негативных представлений, связанных с сохранением политики расовой дискриминации в стране, претендующей быть светочем свободы и демократии. Не стоит забывать о том, что в период холодной войны обвинения в нарушении прав человека были частью внешнеполитической риторики и в США, и в СССР.

В Советском Союзе образ США продолжал активно формироваться в рамках официального дискурса и, конечно, на страницах официальных периодических изданий, как в статьях, так и в карикатуристике. Например, секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов в 1948 г. в докладе на заседании, посвященном 24-й годовщине со дня смерти В.И. Ленина, подчеркивал: «В послевоенных условиях империалисты США претендуют на роль мирового жандарма, душителя свободы и независимости народов. <...> Хищнический империализм американцев, как называл его Ленин, рвется к мировому господству, к закабалению и порабощению всех стран мира. Американские империалисты явно стремятся занять место фашистской Германии и Японии и ведут подготовку к новой империалистической войне. <...> Американские империалисты насаждают режим самой оголтелой реакции по всем линиям». Не осталась без внимания в речи М.А. Суслова и американская культура: «В буржуазной культуре, и особенно в Соединенных Штатах, глубоко пустила свои ядовитые корни человеконенавистническая идеология расизма, идеология превосходства “американской расы”. Американская “культура” цинично воспекает захватнические замыслы американских империалистов, оправдывает всяческое угнетение, превозносит самые низменные, звериные инстинкты»⁶.

Соединенные Штаты не могли игнорировать расовый фактор во внешнеполитической риторике СССР в условиях, когда концепт расы и культуры оказывал непосредственное влияние на про-

цесс формирования и американской идентичности, и внешнеполитического имиджа страны. Результатом движения за гражданские права в Соединенных Штатах стали Закон о правах 1964 г. и Закон об избирательных правах 1965 г. Однако до того момента, когда темнокожий американец смог занять пост президента США, американскому обществу предстояло еще пройти долгий путь.

Историк Дэвенпорт отмечает, что образ Соединенных Штатов во время холодной войны отличался от всех предыдущих образов по нескольким параметрам. Во-первых, в условиях соперничества сверхдержав США стали доминирующей в мире политической, экономической и культурной силой и стремились сохранить свое мировое господство посредством культурной дипломатии, вступив в борьбу против социалистического лагеря во главе с СССР. Во-вторых, безусловно, это была эпоха ядерного оружия и «жесткой силы», но одновременно актуализировался вопрос о применении «мягкой силы», о чем в прошлом не было и речи. В-третьих, как борьба за гражданские права темнокожего населения в США, так и процессы деколонизации в Африке и Азии резко изменили геополитическую реальность⁷.

Американские политики любили утверждать, что именно демократия сделала возможным возникновение джаза, который является подтверждением культурного плюрализма. Не случайно джаз стал важным механизмом сглаживания критики в отношении дискриминации афроамериканцев. Теоретически расовое равенство и взаимная интеграция культур должны были стать символом американской модели развития. Как указывает Ингрид Монсон, именно такой подход с акцентом на трансцендентность, универсальность, свободу, автономию и прогресс характеризует современное общество. В области гражданских прав это означало преобладание политической демократии, равенства перед законом и свободу личности. В то же время эстетический модернизм включил в себя новое представление о форме и содержании, об индивидуальности, иконоборчестве, бунте, автономии искусства, подлинности и гениальности⁸. Все эти черты присущи джазу, который становится как никогда ранее актуальным искусством и с эстетической, и с общественно-политической точек зрения.

«Джазовая дипломатия» стала знаковым явлением для многих официальных лиц США, осознававших, что черные лидеры и интеллектуалы помогли трансформировать восприятие американского общества во всем мире. Уильям Дюбуа, которого биограф Дэвид Льюис Леверинг характеризует как интеллектуального гиганта, пишет о самых известных черных интеллектуалах, критиковавших межрасовые отношения и получивших поддержку со стороны тем-

нокожих артистов и музыкантов⁹. Истоки этого явления следует искать в эпохе «Гарлемского Ренессанса».

В 1949 г. певец Поль Робсон, еще один известный интеллеktуал афроамериканского происхождения, написал статью в журнал «Советская музыка», в которой он высказал мнение, что афроамериканские спиричуэлс сыграли значительную роль в активизации как советской, так и мировой культуры¹⁰. Робсон был одним из самых знаменитых в Советском Союзе афроамериканских деятелей искусства. Уважаемые советскими людьми, он и другие темнокожие активисты периодически ездили в страну Советов и смогли оказать реальное влияние на восприятие США по другую сторону Атлантики. В 1952 г. Полю Робсону была присуждена Сталинская премия «За укрепление мира между народами».

К 1950 г. в СССР была развернута кампания по нагнетанию «ненависти против Америки». Советская пропаганда подчеркивала тот факт, что Соединенные Штаты защищали демократические права белых, в то время как яростно отрицали права афроамериканцев¹¹.

Советско-американская идеологическая гонка, в которую оказались втянуты афроамериканцы, определила включение расовой проблемы во внешнеполитический дискурс и процесс самоидентификации США с учетом идеи культурного и расового равенства¹². Расовая дискриминация в США наносила существенный вред американской позиции в глобальной борьбе с коммунизмом. В этих условиях джаз как «подлинное выражение» американской жизни был призван интегрировать в сферу американо-советского культурного соперничества мысли о расовом равенстве.

Джаз представлялся подходящим средством американской контрпропаганды еще и потому, что в Советском Союзе его оценивали как музыку классово-борьбы, посредством которой черные низы боролись за самовыражение и независимость от капиталистического угнетения¹³. Безусловно, джаз ассоциировался с американским культурным и расовым неравенством, превращаясь в музыкальный образ темнокожих как внутренних «Чужих» американского общества. В то же время он становился своеобразным символом художественной и культурной динамики американской демократии. Через джаз мир признавал то, что Дюбуа назвал «духовным стремлением», процветавшим в разгар угнетения.

В науках, изучающих межрасовые отношения, есть теория, что джаз – это вызов с целью подтвердить свою преданность борьбе с расовым угнетением или просто поиск признания в белом обществе. Это приводило к утверждению уникальной черной эстетики в джазе, иногда в результате расового единства, а в других случа-

ях – раздробленности. По мнению Дюбуа, джаз выражал фундаментальную для темнокожего моральную дилемму: «Негр это своего рода седьмой сын... одаренный третьим глазом в этом мире, что дает ему не истинное самосознание, а возможность увидеть себя через откровение другого мира. Это своеобразная сенсация, это двойное сознание, это смысл, постигаемый через взгляд на самого себя глазами других... Негр всегда чувствует двойственность. Он – и американец, и негр. Две души, два непримиримых стремления, идеалы двух враждующих сторон в одном темном теле. И он упорно сохраняет свое единство, чтобы не быть разорванным. <...> Он просто хочет позволить себе быть одновременно и негром, и американцем, <...> будучи лишен других возможностей из-за цвета кожи. <...> Он стремится быть работником царства культуры»¹⁴.

В. Симонс, высокопоставленный чиновник из Государственного департамента, сопровождавший великого джазового музыканта Дюка Эллингтона в его турне по Ближнему Востоку в 1963 г., пришел к следующим выводам об эффективности «джазовой дипломатии»: «Музыканты стремились играть для народа, для мужчин на улицах, группировавшихся вокруг чайной, где есть радио. Для них было важнее нести музыкальное послание низшим классам, более достойным, по их мнению, стать объектом воздействия хорошей западной музыки, чем для престижной аудитории, для которой они вынуждены были также играть»¹⁵.

Это отражало их свободный дух и стремление помогать бедным и обделенным, просветить их и вести за собой.

В итоге «джазовая дипломатия» становилась чем-то большим, чем джаз, и большим, чем дипломатия. Она превращалась в своеобразный мост для общения людей из разных идеологических миров и способствовала интернационализации культуры.

Все началось с того, что в 1955 г. президент Д. Эйзенхауэр вызвал к себе выдающегося джазового трубача-виртуоза и композитора Диззи Гиллеспи и договорился с ним о первых гастролях в рамках государственной программы продвижения американской культуры. Тур Гиллеспи был одобрен в том же году, в котором начался автобусный бойкот в Монтгомери, поддержанный еще молодым в то время Мартином Лютером Кингом. Эти события обозначили новую веху в развитии борьбы за гражданские права в США, что закрепило представление о взаимном пересечении и взаимосвязи джазовых туров и движения за гражданские права.

При этом вставали неизбежные вопросы: почему джаз, ассоциировавшийся в массовом сознании белых американцев с преступностью и наркотиками, стал лицом Америки? Почему именно в этот

момент американские политтехнологи почувствовали, что джаз должен символизировать Америку?

Парадокс заключался в том, что США представляли в основном темнокожие музыканты, выступавшие в роли послы доброй воли, олицетворявшие американскую демократию. И этот парадокс лишь закреплялся в ходе концертов самими музыкантами.

Когда президент Д. Эйзенхауэр запрашивал специальные полномочия для осуществления программы «джазовой дипломатии» в Конгрессе в 1954 г., он апеллировал к бешеному успеху джаза, который также обладает способностью оказать влияние на свободные страны Европы¹⁶. В то же время администрация Эйзенхауэра стремилась всеми силами противостоять советским обвинениям в расизме в США путем спонсирования джазовых туров. География «джазовой дипломатии» включала в себя США, Европу, Южную Америку и Ближний Восток, а сама она стала «имиджевой программой».

Д. Эйзенхауэр инициировал создание фонда в 5 млн долл. для использования в международных целях. Его деятельность была поставлена под контроль ЦРУ, поскольку многие туры, если не все, осуществлялись в то время при его содействии¹⁷. Специальным указом президентский фонд в 1954 г. был реорганизован в Специальные международные программы президента.

Очень скоро «джазовая дипломатия» стала проектом Государственного департамента и основной составляющей его культурных программ. В противовес классической музыке, театру или балету джаз позиционировался как уникальное американское искусство. Правительство надеялось, что именно он сможет противостоять силе советского классического искусства и продемонстрировать расовое единство в действии.

Кстати сказать, эта идея во многом стала результатом долгого лоббирования джаза музыкантами, борцами за гражданские права, а также музыкальными критиками.

Среди «мятежников от культуры», которые приняли вызов и изменили восприятие «черной музыки» «Белой Америкой» за счет создания нового и неповторимого музыкального стиля, был Дж. Гиллеспи. Правда, в СССР он не попал, поскольку объектом его «джазовой дипломатии» стал Ближний Восток.

В Советский Союз в итоге приехал Бенни Гудмен, джазовый кларнетист и дирижер, имевший прозвище «Король свинга». Его приезд и выступление на Красной площади стали выдающимся событием в жизни советских людей, которые смогли открыть для себя американский джаз. Бенни Гудмен и его оркестр начали свой первый тур в сотрудничестве с Государственным департаментом в 1956 г. Они

выступали в таких странах, как Таиланд, Бирма, Камбоджа, Япония, Сингапур, Южная Корея и Гонконг. Из Бирмы агенты ФСБ, прикрепленные к оркестру на время гастролей, докладывали, что «тур формирует о США представление не только как о стране новых и крутых машин, но и как о великой стране духовности и искусства»¹⁸.

Бенджамин Дэвид Гудмен родился 30 мая 1909 г. в Чикаго в семье русско-еврейских эмигрантов. Происхождение у Бенни было пролетарским, поскольку его отец работал на швейной фабрике. Через 53 года это обстоятельство сыграло решающую роль в вопросе о том, кого из королей американского джаза пригласить на гастроль в СССР – Луи Армстронга или Бенни Гудмена. Хрущев в вопросах происхождения был строг и принципами не поступался¹⁹.

Гудмен стал первым «послом джаза» в СССР, куда прибыл в 1962 г. в разгар Карибского кризиса, когда две сверхдержавы балансировали на грани ядерной катастрофы.

И когда он приехал, неожиданно обнаружилось, что, несмотря на планомерное формирование представлений о джазе как о декадентском, буржуазном искусстве, в СССР нашлись толпы его знатоков и поклонников. Не случайно власти запрещали американским музыкантам вступать в разговоры с обычными советскими гражданами, которым приходилось подкарауливать Фила Вудса и Зута Симса в кустах, чтобы задать им вопросы.

Никита Хрущев на приеме в посольстве США подошел поздороваться с Гудменом. Бенни очень обрадовался и, пожимая руку лидеру СССР, воскликнул: «О, так значит, вы тоже любите джаз!» «Нет, я люблю хорошую музыку», – осек его Хрущев²⁰.

«Джазовая дипломатия» разительно отличалась от официальной. Когда на Красной площади «король свинга» увидел смену караула у Мавзолея Ленина, он, попадая в такт чеканного шага, заиграл известную фольклорную мелодию «Pop Goes the Weasel», которая обычно используется для механических игрушек, выпрыгивающих из табакерки. А когда на официальной церемонии заскучал, слушая затянувшуюся речь высокопоставленного советского чиновника, то просто достал свой кларнет и заиграл.

«Если в некоторых странах, таких как Ирак или Афганистан, концерты предваряли рассказы о том, что такое джаз, то в России это было не нужно. Армия поклонников джаза, который являлся культурой советского андерграунда, была столь велика, а знание столь глубоко, что ничего кроме музыки было не нужно», – пишет американский исследователь²¹.

Оркестр Бенни Гудмена также выступал в Ленинграде, где публика не отпускала музыкантов целый час после концерта, и Бенни

играл для них соло. Молодежь из стилияг, поклонявшаяся западной культуре и ценностям, с восторгом приветствовала выступления американских джазовых артистов, рискуя подвергнуться аресту.

Многие советские поклонники джаза преодолели страх и пошли на установление контактов и дружеских отношений с американскими джазовыми музыкантами, воспоминания о которых пережили Советский Союз и знаменовали важный этап взаимного открытия американцами и русскими друг друга²².

Во время гастролей Гудмена в СССР находился американский исследователь джаза Леонард Фезер. Как и советский исследователь джаза В. Фойертаг, он отметил, что некоторые советские поклонники демонстрировали свое восхищение искусством Гудмена рьяными криками и свистом, как сделали бы любители джаза в Соединенных Штатах²³.

Вот почему после завершения гастролей Гудмена идеологические гонения на джаз как на чуждое строителям коммунизма веяние были в СССР усилены.

«Послом джаза» также был Дэйв Брубек, который в 1987 г. посетил с концертом Советский Союз. Но проект «джазовая дипломатия» закрылся в 1978 г., поэтому выступление Брубeka выходит за его рамки.

В целом «джазовая дипломатия» позволила США выйти на принципиально новый уровень использования «мягкой силы» во внешней политике в эпоху холодной войны, расширив процесс экспансии американских культурных ценностей в страны социалистического лагеря и усилив свои позиции в идеологической борьбе за «умы и сердца» людей во всем мире. Для советских людей приезд Гудмена стал еще одним масштабным «открытием Америки», начавшимся с выставки в парке «Сокольники» в 1959 г. и способствовавшим разрушению стереотипов восприятия, которые насаждались советской пропагандой в условиях существования биполярной системы международных отношений.

Примечания

¹ About The National Security Council [Электронный ресурс] // The White House. URL: <http://www.whitehouse.gov/administration/eop/nsc> (дата обращения: 01.11.2013).

² Об этом подробнее см.: *Lucas S. Freedom's War: The U.S. Crusade Against the Soviet Union, 1945–1956*. N. Y.: New York University Press, 1999; *Idem. The State-*

Private Network: The United States Government, American Citizen Groups, and the Cold War. L.: Frank Cass, 2005.

- ³ Доктрина Трумэна // История США. Хрестоматия: пособие для вузов / Сост. Э.А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. С. 267–272.
- ⁴ NSC-68: United States Objectives and Programs for National Security, 14 April 1950. [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm> (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁵ *Heckscher A.* The Arts and the National Government: Report to the President. Senate Document No. 28. 88th Congress, 1st Session. Washington, DC: US Government Printing Office, 1963. P. 1.
- ⁶ Цит. по: *Николаева Н.И.* Новый образ США. Изменения в советской политике и пропаганде в 1947–48 гг. [Электронный ресурс] // Пси-фактор. URL: <http://psyfactor.org/lib/propaganda16.htm> (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁷ *Davenport L.E.* Jazz Diplomacy: Promoting America in the Cold War Era. Jackson, MS: The University Press of Mississippi, 2009. P. 6–7.
- ⁸ *Cull N.J.* The Cold War and the United States Information Agency: American Propaganda and Public Diplomacy, 1945–1989. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 1–21.
- ⁹ *Davenport L.E.* Op. cit. P. 8.
- ¹⁰ *Робсон П.* Песни моего народа // Советская музыка. 1949. 7 июня. С. 100–104.
- ¹¹ *Cull N.* Op. cit. P. 52.
- ¹² *Davenport L.E.* Op. cit. P. 7.
- ¹³ *Barghoorn F.Ch.* The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960.
- ¹⁴ *Du Bois W.E.B.* The Souls of Black Folk / Ed. by Brent Hayes Edward. N. Y.: Oxford, 2007. P. 8–9.
- ¹⁵ *Eschen P.M. von.* Satchmo Blows up the World: Jazz Ambassadors Play the Cold War. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 4.
- ¹⁷ John Foster Dulles and the Diplomacy of the Cold War / Ed. by R. Immerman. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.
- ¹⁸ The Ambassador of Swing [Электронный ресурс] // Meridian International Center. URL: http://www.meridian.org/jazzambassadors/benny_goodman/benny_goodman.php (дата обращения: 01.11.2013).
- ¹⁹ Бенни Гудмен и его черно-белая музыка [Электронный ресурс] // Goodman. URL: http://ua.goodman.ru/ru/byt_goodmanom/familiya/ (дата обращения: 01.11.2013).
- ²⁰ Цит. по: *Eschen P.M. von.* Op. cit. P. 118.
- ²¹ *Ibid.* P. 119.
- ²² См.: *Davenport L.E.* Op. cit. P. 94.
- ²³ *Ibid.* P. 119.

А.С. Стыкалин

ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС
В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ВЫХОДА
ИЗ ВЕНГЕРСКОГО КРИЗИСА 1956 г.
ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ
НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ

В статье на основе записей заседаний Президиума ЦК КПСС за конец октября 1956 г. предпринята попытка оценить влияние некоторых внешних факторов (и прежде всего Суэцкого кризиса) на эволюцию позиции руководства СССР в условиях венгерского кризиса. Автор доказывает, что решение о крупномасштабной военной операции в Венгрии и приведении к власти правительства, находящегося под полным советским контролем, было принято после долгих колебаний 31 октября, причем и военная акция в Венгрии, и ультиматум, адресованный Великобритании и Франции, с требованием немедленного прекращения военных действий против Египта явились двумя составными частями единого плана демонстрации военной мощи СССР, что было призвано опровергнуть сформировавшиеся на Западе представления об ослаблении державного положения СССР за годы, прошедшие после смерти Сталина. При осуществлении советской политики принимались во внимание заявления официальных лиц США о невмешательстве в дела Венгрии как страны, находящейся в советской сфере влияния, и неподдержка Соединенными Штатами ближневосточной политики собственных союзников по НАТО.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, Хрущев, Эйзенхауэр, венгерский кризис 1956 г., Суэцкий кризис 1956 г., Ближний Восток, Восточная Европа, десталинизация.

Публикация в середине 1990-х гг. черновых протокольных записей заседаний Президиума ЦК КПСС за конец октября – начало ноября 1956 г. позволила сделать существенный шаг в процессе реконструкции отклика официальной Москвы на целый ряд внешнеполитических вызовов, перед которыми оказалось осенью 1956 г. руководство КПСС. Речь идет о мощном общественном движении в Польше под знаком более равноправных отношений

с СССР, о венгерском восстании 23 октября 1956 г., вследствие которого в течение считанных дней в этой стране рухнула вся система коммунистической власти в центре и на местах, наконец, о Суэцком кризисе – военной акции Великобритании и Франции (при участии Израиля), направленной против Египта, национализировавшего в конце июля Суэцкий канал¹.

Из записей, выполнявшихся чиновником, близким Н.С. Хрущеву, – заведующим общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малиным, при всей их обрывочности и заведомой неполноте², можно составить представление о позициях отдельных членов Президиума ЦК КПСС и их проявлении в ходе дискуссий. Имели ли место реальные дискуссии или же решения принимались по большей части автоматически, в порядке одобрения точки зрения первого секретаря ЦК Н.С. Хрущева? Превратился ли Президиум (Политбюро) ЦК из (в лучшем случае) совещательного органа, каким он был при жизни Сталина, в полномостную структуру? Как изменялся характер обсуждения по мере укрепления положения Хрущева, его ведущей роли в послесталинском «коллективном руководстве» КПСС? В какой мере можно говорить о противоборстве либеральной и консервативной тенденций в осуществлении линии Президиума ЦК? Как сосуществовали в сознании советских лидеров и проявлялись при выработке принципиальных решений идеологические стереотипы, идущие от коминтерновской, большевистской традиции, и сугубо державный подход? Можно ли говорить о том, что наряду с интересами борьбы за власть для кого-то в партийном руководстве не утратила своего значения и забота о благополучии народа?

Попытки ответить на все эти вопросы предпринимались и ранее, но главным образом на основе мемуаров. Ознакомление с рабочими записями заседаний и постановлениями Президиума ЦК КПСС, причем не только за осенние месяцы 1956 г., но и за весь десятилетний период³, позволяет исследователям дать гораздо более рельефную картину механизмов принятия решений, больше узнать о характере и стиле работы высшего органа партии, опираясь на более достоверный, чем мемуары, источник. Источник тем более существенный, что вопреки действовавшему законодательству Политбюро (Президиум) ЦК правящей партии на протяжении всего советского периода было реальным органом власти в стране. Этот орган предстает в записях Малина уже не как некая анонимная обезличенная инстанция, принимавшая ответственные решения от имени партии, – в документах находят отражение разногласия мнений, борьба отдельных деятелей за доминирование своей пози-

ции и неизменно сопутствующие этой борьбе интриги, прослеживается возникновение временных тактических союзов, складывавшихся с целью закрепления властных позиций.

Публикация записей заседаний руководства КПСС позволяет преодолеть некоторые стереотипы, устоявшиеся в исторической науке, отбросить не подтвержденные документами версии. Согласно одной из них, в Президиуме ЦК уже 28 октября взяли верх сторонники силового разрешения венгерского кризиса⁴. Однако внимательное прочтение записи заседания за этот день⁵ свидетельствует об обратном. Советское руководство действительно не исключало возникновения ситуации, когда, «может быть, придется назначить правительство самим» («выработать свою линию, к ней присоединить венгерских людей»). Вместе с тем при всей озабоченности кремлевских лидеров происходящим в Венгрии и при всем их недовольстве уступчивостью премьер-министра Имре Надя в руководстве КПСС после долгих дискуссий в конце концов возобладала точка зрения о предпочтительности мирного пути – необходимости удержать под контролем действующее правительство, подвергавшееся сильному давлению справа. И это несмотря на то, что правительство И. Надя именно 28 октября объявило о прекращении вооруженной борьбы с повстанцами и отказалось от оценки происходящих событий как контрреволюции, провозгласив их национально-демократическим движением (о чем знали в Москве из донесений членов Президиума ЦК КПСС А.И. Микояна и М.А. Суслова, находившихся в Будапеште с 24 октября⁶). Как это ни парадоксально, главный советский «силовик» маршал Г.К. Жуков первым призвал соратников к проявлению политической гибкости. Возникла идея подготовить обращение к венграм от имени советского правительства в поддержку Имре Надя («А то только стреляем», – красноречиво заметил при этом Хрущев). Решение о поддержке правительства И. Надя было принято единогласно: в его пользу сдержанно высказались даже «ястребы» – В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов («Не на кого опираться. Иначе война»). Премьер-министр Н.А. Булганин отметил, что продолжение боевых действий в Венгрии «настывает в авантюру», а Л.М. Каганович добавил, что оно «уведет нас далеко». Решено было не возражать против требования правительства И. Надя о выводе советских войск из Будапешта, куда они вступили в ночь на 24 октября для «наведения порядка»⁷, в места их постоянной дислокации. Г.М. Маленков при этом затронул вопрос о необходимости согласия правительств соответствующих стран на пребывание советских войск.

При обсуждении ситуации в Венгрии принимался во внимание свежий опыт мирного разрешения кризиса в Польше. Смирившись

с возвращением на польский политический олимп В. Гомулки, выступавшего за расширение самостоятельности Польши в рамках социалистического выбора, и пожертвовав маршалом К.К. Рокоссовским, освобожденным с поста министра обороны ПНР, лидеры КПСС пошли на уступки, которые, однако, сразу оправдали себя: уже 24 октября в Кремле не могли не заметить первых признаков ослабления напряженности в Польше. Riskнув после долгих колебаний сделать ставку на В. Гомулку с его прочной репутацией «право-националистического уклониста», в Москве увидели, что менее зависимое от нее, но в то же время более популярное в своей стране коммунистическое руководство может оказаться для СССР предпочтительнее марионеточного правительства, поскольку способно собственными силами нейтрализовать недовольство в обществе и тем самым доставить меньше хлопот. Сдвиг вправо был предотвращен, Польша сохранена в качестве военного союзника. Удача мирного варианта развития в Польше, равно как и очевидная неэффективность вооруженной акции в Венгрии, где ввод советских войск только подлил масла в огонь вооруженного противостояния, заставили советских лидеров еще раз всерьез рассмотреть вопрос о возможностях мирного, политического урегулирования венгерского кризиса, лишь обострившегося после применения военной силы. При этом, конечно же, осознавались пределы уступок: можно было вывести войска из Будапешта, можно было позволить венгерским коммунистам включить в правительство (в целях расширения его социальной базы) деятелей из крестьянских партий 1945–1948 гг., можно было в крайнем случае даже разрешить венгерским властям признать справедливость многих требований повстанцев, но никак нельзя было допустить утраты коммунистами власти, ухода их в оппозицию.

Согласно распространенной версии, декларация правительства СССР от 30 октября об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами была не более чем уловкой, предпринятой для отвода глаз от военных приготовлений⁸. Однако запись заседания Президиума от 30 октября показывает, что советское руководство на основе венгерского опыта всерьез рассматривало вопрос о необходимости некоторой корректировки характера отношений внутри социалистического лагеря. «Ходом событий обнаружился кризис наших отношений со странами народной демократии», – говорил министр иностранных дел СССР Д.Т. Шепилов. Антисоветские настроения в этих странах широки, продолжал он, и для того, чтобы их преодолеть, необходимо «устранить элементы командо-

вания» из практики межгосударственных отношений. Г.К. Жуков расценил венгерский кризис как урок «для нас в военно-политическом отношении». «Упорствовать дальше – неизвестно, к чему это приведет», – заключил он. Зампред Совета Министров СССР М.З. Сабуров связал истоки происходящих событий с недостаточно последовательным воплощением идей XX съезда КПСС.

Силовая политика в Венгрии, таким образом, не оправдывала себя. Очевидная неудача военного вмешательства 24 октября не только заставляла советских лидеров искать другие, более действенные способы разрешения венгерского кризиса, но и вплотную подводила их к мысли о необходимости определенного пересмотра характера отношений с восточноевропейскими странами, поскольку, при всей видимой всеохватности советского контроля над Восточной Европой, на самом деле не решалась главная задача – сохранение внутривнутриполитической стабильности в странах этого региона, находящегося в непосредственной близости от СССР и входящего в сферу его жизненных интересов. Пребывая в состоянии немалой растерянности – ведь все испытанные до тех пор средства оказались неэффективными, – советские руководители решили всерьез (!) испробовать мирный вариант, увидев в курсе И. Надя на компромисс с повстанцами (при условии сохранения основ коммунистического правления) последний шанс на стабилизацию обстановки.

Однако и эти надежды себя не оправдывали. Последующее разочарование в мирной тактике было связано с осознанием слабости правительства И. Надя, не способного контролировать ситуацию («мы пошли навстречу, но нет теперь правительства»). Сказался и еще целый ряд факторов: давление китайского руководства⁹, развитие событий на Ближнем Востоке, где дружественный СССР Египет, за несколько месяцев до этого национализировавший Суэцкий канал, подвергся атаке со стороны Великобритании и Франции с участием Израиля. 28 октября военные приготовления на Ближнем Востоке были для Хрущева аргументом в пользу мирного разрешения венгерского кризиса – он хотел противопоставить свою способность к выработке мирного пути силовой политике империалистов. Однако массированная атака на Египет, произошедшая в последующие дни, заставила советского лидера пересмотреть свое отношение. Перспектива поражения Египта и угроза утраты власти коммунистами в Венгрии были восприняты им как звенья одной цепи, симптомы фронтального наступления сил империализма и отступления сил социализма и их союзников во всемирном масштабе («Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев,

англичан и французов империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать... К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет»). *Демонстрация военной силы в Венгрии стала бы, с точки зрения Хрущева (поддержанной соратниками), наилучшим опровержением представлений о слабости СССР, именно так она была бы воспринята во всем мире.*

Не меньшую роль сыграл и внутренний фактор – реальные опасения Хрущева, что утрата Венгрии как союзника вызовет негативный отклик многих его соратников по партии (не только крайних сталинистов), покажется им явным симптомом ослабления державного положения СССР за годы, прошедшие после смерти Сталина (показательно его высказывание на заседании Президиума ЦК 31 октября: «Мы проявим тогда слабость своих позиций. Нас не поймет наша партия»)¹⁰. Как справедливо заметил еще в 1958 г. первый биограф Имре Надя известный публицист и политолог Тибор Мераи, Хрущеву нужно было предотвратить образование враждебной ему коалиции консерваторов и силовиков, доказав, что он дорожит целостностью империи не меньше других.

За один день установки руководства СССР кардинально изменились («Пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии»). *С таким трудом, но, казалось бы, уже обретавшая свои очертания новая концепция восточноевропейской политики СССР, предоставлявшая союзникам большее поле самостоятельности, была на следующий же день, 31 октября, отброшена, произошел откат к более традиционной политике силового диктата. И это несмотря на то, что сложившаяся международная обстановка и однозначно декларированная позиция США едва ли давали серьезные основания говорить о возможности межблокового конфликта («Большой войны не будет», – признал сам Хрущев).*

Впрочем, Декларация 30 октября не была мертворожденным документом. В ноябре–декабре 1956 г. делегации Польши и Румынии, ссылаясь на нее, добились от Москвы определенных подвижек в двусторонних отношениях (не в последнюю очередь экономических). Показательна и хрущевская трактовка сути декларации, выраженная в словах: «Мы придерживаемся Декларации. С Имре Надем это невозможно». По мнению советского лидера, принятый документ применим, только когда речь идет об отношениях между социалистическими странами; в Венгрии же коммунисты уже теряют власть.

Бесспорно, антиегипетская акция Великобритании и Франции стала тем внешним фоном, на котором советские военные действия

в Венгрии, начатые 4 ноября, могли бы вызвать более снисходительное отношение мирового общественного мнения. Кроме того, вовлеченность стран НАТО в суэцкий конфликт снижала вероятность активного вмешательства этого блока в Восточной Европе, тем более в момент, когда внутри западного лагеря впервые за послевоенный период столь отчетливо проявились разногласия – президент США Д. Эйзенхауэр в разгар предвыборной кампании однозначно не поддержал ближневосточную операцию союзников, осуществленную без должного согласования с Вашингтоном. Самостоятельные, несогласованные действия Лондона и Парижа в условиях столь острого международного кризиса были восприняты в Белом доме как определенное проявление нелояльности¹¹. Как бы там ни было, благодаря Суэцкому кризису СССР получал больше свободы в венгерских делах, ближневосточные события, насколько можно предполагать на основе записей заседаний Президиума, ускорили принятие решения по Венгрии.

Как видно из записей, членам Президиума ЦК приходилось параллельно заниматься Суэцким и венгерским кризисами. Что касается жесткого, ультимативного заявления советского правительства в адрес Великобритании и Франции, сделанного в ночь с 5 на 6 ноября и интерпретированного на Западе как угроза применения ядерного оружия, его также необходимо рассматривать в венгерском контексте. Проявление временной слабости в Венгрии заставляло искать пути компенсации в Египте. *И военная акция в Венгрии, и ультиматум, адресованный европейским державам, воспринимаются как две составные части единого плана демонстрации военной силы, причем предпринятые шаги были до известной степени синхронизированы.* При осуществлении советской политики расчет делался как на декларированное невмешательство США в венгерские дела¹², так и на неподдержку Соединенными Штатами ближневосточной политики своих союзников. В Москве могли позволить себе блефовать, имея представление о позиции Вашингтона. В сложившейся ситуации США пытались повлиять на союзников, принуждая их к прекращению акции, в Вашингтоне резонно опасались, что затягивание операции, крайне непопулярной в общественном мнении всех развивающихся стран, только упрочит авторитет президента Египта Г.-А. Насера в качестве харизматического лидера всего арабского мира, сделает его знаменем антиколониалистского движения и этим неминуемо воспользуется СССР в целях укрепления своих позиций на Ближнем Востоке и – шире – в третьем мире. Американские дипломаты убеждали своих европейских партнеров не давать СССР повода, чтобы закрепиться в регионе. Задача эта не была достигну-

та. Предприняв огромные пропагандистские усилия и используя уже приобретенные рычаги влияния на формирующееся движение неприсоединения, СССР сумел приписать себе главную заслугу в прекращении огня в зоне Суэцкого канала. Провалившаяся военная акция двух европейских держав объективно способствовала усилению советских позиций на Ближнем Востоке. Если на венгерском направлении СССР, учитывая крайне негативный отклик в мире на свою акцию, в немалой мере проиграл, то на ближневосточном направлении он однозначно выиграл. В Кремле это хорошо понимали. Можно сослаться на высказывания А.И. Микояна, который на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г., не поддержав предпринятую перед этим попытку отстранить от власти Хрущева, записал в актив первому секретарю ЦК КПСС то, что после Суэцкого кризиса Запад уже не может без согласования с СССР проводить свою ближневосточную политику¹³. Что касается самого Н.С. Хрущева, то он на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1956 г. увидел взаимосвязь венгерского и ближневосточного кризисов в том, что наступление СССР в Венгрии послужило сдерживанию империализма в Египте: «Если бы мы не набрались смелости и упустили бы, не дали отпора венгерской контрреволюции, то ими была бы перейдена красная линия [на Ближнем Востоке]. А сейчас англичанам приходится выбираться из Египта, ведь это позор»¹⁴. Но через считанные недели, осознавая, что дальнейшая демонстрация силы может нарушить в третьем мире представление об СССР как о миролюбивой державе, Президиум ЦК КПСС активно обращается к обсуждению проблем разоружения¹⁵. *За демонстрацией силы в качестве компенсации произведенного впечатления должна была последовать демонстрация миролюбия.*

При всех разногласиях между членами Президиума ЦК КПСС и при всех столкновениях амбиций постсталинское «коллективное руководство» (плод конкретно-исторической ситуации весны 1953 г.)¹⁶ до наступившего в 1957–1958 гг. хрущевского «единовластия» выступало как орган, в целом способный к результативному, согласованному принятию оперативных внешнеполитических решений. Глубоко укорененные традиции большевистской этики не позволяли никому упорствовать в своих взглядах, ведь любое чрезмерное упорство могло повлечь за собой обвинения во фракционности. Каждому следовало вовремя присоединиться к мнению большинства. Так поступил, в частности, Микоян, который 1 ноября 1956 г. по возвращении из Будапешта довольно резко выступал против дальнейшего советского военного вмешательства в Венгрии¹⁷. Вместе с тем и первое лицо в партии, Хрущев, при существующем раскладе сил в руководстве должен был действовать

с оглядкой на мнение «коллектива». Надо при этом иметь в виду, что даже между самыми крайними флангами политического спектра в Кремле – «ультраконсерватором» В.М. Молотовым и «ультралибералом» А.И. Микояном – не было принципиальных расхождений по самым существенным вопросам, связанным с пониманием геополитических интересов СССР, особенно там, где дело касалось сохранения контроля СССР над своей сферой влияния в Восточной Европе, обеспечения власти компартий в странах блока. Устранение Хрущевым конкурентов в 1957–1958 гг., усилив позиции первого секретаря ЦК КПСС и лишив его противовеса в лице так называемого коллективного руководства, негативно сказалось на эффективности работы Президиума ЦК и усилило риск принятия авантюрных решений, создававших (как в случае с Карибским кризисом октября 1962 г.) реальную угрозу крупномасштабного ядерного конфликта.

Примечания

- ¹ Записи, относящиеся к периоду апогея венгерского кризиса, были опубликованы в 1996 г. сначала в российском журнале «Исторический архив» (№ 2, 3) и в том же году в Венгрии. Позже вошли в кн.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: Документы / Под ред. Е. Ореховой, В. Середы, А. Стыкалина. М.: РОССПЭН, 1998. Позднее, дополненное издание: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: В 3 т. / Под ред. А.А. Фурсенко. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: РОССПЭН, 2003.
- ² См.: *Стыкалин А.С.* Советско-венгерские отношения 1954–1964 годов в записях заседаний Президиума ЦК КПСС // Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945–1989 годы. СПб.: Алетейя, 2010.
- ³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / Под ред. А.А. Фурсенко. Т. 1–3. М.: РОССПЭН, 2003–2008.
- ⁴ См.: *Желицки Б.Й.* Имре Надь // Вопросы истории. 2006. № 8.
- ⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 181–187. Далее цитаты из выступлений на заседаниях Президиума ЦК даются по этому изданию.
- ⁶ См. их донесения: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Раздел III.
- ⁷ См.: *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М.: Новый хронограф, 2003.
- ⁸ См.: *Желицки Б.Й.* Указ. соч.
- ⁹ См.: *Стыкалин А.С.* Позиция руководства КПК в условиях польского кризиса октября 1956 г. // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь; Волгоград; М.: Изд-во СГУ, 2009. Вып. IV.

- ¹⁰ См. также: *Стыкалин А.С.* Венгерские события 1956 г. и советское общество // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций: Сб. статей / Отв. ред. Н.И. Басовская. М.: РГГУ, 2009.
- ¹¹ Известно высказывание Г. Киссинджера о том, что именно Суэцкий кризис положил конец «эре невинности» в отношениях стран НАТО, когда интересы США и их европейских союзников считались идентичными. См.: *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. Гл. 24.
- ¹² Из литературы, раскрывающей позицию США в условиях венгерского кризиса 1956 г., см.: *Гату Ч.* Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 г. М.: Московская школа политологических исследований, 2006.
- ¹³ См.: Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 4. С. 33–34.
- ¹⁴ См. материалы пленума ЦК КПСС 20–24 декабря 1956 г.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 111–113.
- ¹⁵ «Благоприятная обстановка для смягчения напряженности», – констатировал 6 февраля 1957 г. Г.М. Маленков при обсуждении на Президиуме ЦК проекта доклада Д.Т. Шепилова о внешней политике СССР на предстоящей сессии Верховного Совета СССР: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 228.
- ¹⁶ На Западе, в частности в социал-демократических кругах, довольно скептически восприняли звучавшие в Москве утверждения о «коллективном руководстве» как факторе демократизации внутрипартийной жизни в КПСС. Как отмечалось, например, в материалах сессии Социнтерна (март 1956 г.), введение «коллективного руководства» не изменило характера режима, ибо речь может идти лишь о «коллективном руководстве» диктатурой.
- ¹⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 193–195. Как показали события, связанные с отстранением Г.М. Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР в начале 1955 г., критикой В.М. Мологова по «югославскому вопросу» в июле 1955 г., и «коллективное руководство» легко могло стать «дубинкой» для избивания несогласных в своем составе.

В.С. Христофоров

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1980-е гг.

В статье на основе документов российских архивов рассматриваются реакция международного сообщества на ввод советских войск в Афганистан, дипломатические и политические усилия международных организаций (ООН, ОИК, Движение неприсоединения, Европейское экономическое сообщество, НАТО) по урегулированию ситуации вокруг Афганистана (вывод советских войск, прекращение братоубийственной войны, создание условий для возвращения афганских беженцев, нормализация обстановки в стране и регионе), организация и проведение афганско-пакистанских переговоров в Женеве (1982–1988) при посредничестве ООН, согласование сроков вывода советских войск из Афганистана.

Ключевые слова: Афганистан, СССР, США, Пакистан, политическое урегулирование, Женевские соглашения.

Интерес к Афганистану, его роли в Центрально-Азиатском регионе не ослабевает на протяжении многих веков. Англия трижды – в 1838, 1878 и 1919 гг. – предпринимала безуспешные попытки завоевания Афганистана. СССР в конце декабря 1979 г. ввел свои войска в Афганистан, участвовал в гражданской войне в этой стране в 1980–1989 гг., что существенно обострило международную обстановку, ухудшило отношения Советского Союза с Западом, исламским миром, странами третьего мира, некоторыми социалистическими странами. Холодная война между Востоком и Западом вступила в новую стадию. Спустя более двух десятилетий США и Великобритания начали в Афганистане операцию по свержению правительства движения Талибан.

В целях разъяснения причин ввода советских войск в Афганистан, а также условий, на которых они могут быть возвращены в СССР, советское и афганское правительства вели широкую пропа-

гандистскую кампанию, используя печатные и электронные СМИ, а также дипломатические средства.

Так, 13 января 1980 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Правда», отметил, что советские войска будут полностью выведены из Афганистана, как только отпадут причины, побудившие афганское руководство обратиться с просьбой об их вводе¹.

КГБ СССР внимательно следил за реакцией иностранного дипломатического корпуса в Москве на ответы Л.И. Брежнева корреспонденту «Правды» и направлял докладные записки в ЦК КПСС².

Так, пресс-атташе посольства Франции Пелен отметил: «Как всегда, личные заявления или выступления в печати Л.И. Брежнева отличаются авторитетностью и солидностью. И в данном случае весомость интервью, уверенный и спокойный тон впечатляют».

Сотрудники посольства Финляндии отмечали уверенность Советского Союза в победе курса на разрядку напряженности и обоснованность советского присутствия в Афганистане для обеспечения безопасности СССР.

В посольстве Индии в Москве считали, что ответы Л.И. Брежнева прозвучали своевременно, в них содержалась сильная, продуманная аргументация, а угрозы США прекратить поставки зерна в СССР выглядели несерьезно.

Советник политического отдела посольства США в Москве Джерман заявил: «Выступление руководителя Советского государства можно расценивать как одно из предостережений от дальнейшего нагнетания напряженности в советско-американских отношениях».

Наиболее болезненной для СССР стала позиция союзников: Югославии и Румынии. В январе 1980 г. Союз коммунистов Югославии назвал действия СССР в отношении Афганистана «недопустимым вмешательством во внутренние дела суверенной внеблоковой страны, члена Движения неприсоединения». Румыния полагала, что события в Афганистане могли привести к обострению международного положения, росту недоверия и возникновению новых конфликтов. Югославское и румынское руководство призывали как можно скорее вывести советские войска из Афганистана³.

В январе 1980 г. ЦК Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) направил руководителям коммунистических и рабочих партий письмо, в котором объяснялись причины присутствия советских войск в Демократической Республике Афганистан (ДРА). 14 мая 1980 г. афганское правительство предложило провести двусторонние переговоры соответственно с Ираном и Пакиста-

ном, выработать меры по предотвращению вооруженного вмешательства во внутренние дела ДРА, обсудить вопрос о возвращении афганских беженцев на родину.

К поиску путей политического урегулирования афганской проблемы приступили международные организации: Организация Исламская конференция (ОИК), Движение неприсоединения, ООН, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), НАТО.

ОИК, осудив ввод советских войск в Афганистан, предлагала создать объединенные исламские силы по поддержанию порядка в ДРА, в состав которых включить части и подразделения армий Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии, и направить их в Афганистан. В принятой на чрезвычайной конференции министров иностранных дел ОИК в январе 1980 г. резолюции содержался призыв к членам ОИК прекратить отношения с ДРА. В мае 1980 г. сессия министров иностранных дел ОИК приостановила членство Афганистана в этой организации. На сессии был образован комитет по Афганистану в составе министра иностранных дел Ирана Готбаде, советника президента Пакистана по иностранным делам Ага Шахи и генерального секретаря ОИК Шатти⁴.

Однако Афганистан при одобрении СССР отказался вести переговоры с комитетом ОИК. Работа комитета была парализована.

25–28 января 1981 г. в Эт-Таифе (Саудовская Аравия) прошла 3-я конференция глав государств и правительств мусульманских стран ОИК, на которой была принята резолюция о необходимости «полного и немедленного вывода всех иностранных войск из Афганистана» и поиска путей политического урегулирования. Одновременно был создан исламский фонд (2,3 млрд долл.) для финансирования вооруженных отрядов афганской оппозиции в Пакистане⁵.

Движение неприсоединения также было втянуто в решение афганской проблемы. Югославия, пытаясь играть в нем активную роль, считала главной задачей оказать сопротивление любым попыткам узаконить и ввести в практику международных отношений применение политики вмешательства во внутренние дела. Она вела работу среди стран Движения неприсоединения по поддержке требования о немедленном выводе советских войск, оказании необходимой поддержки народу Афганистана свободно определить свое будущее.

СССР делал ставку в Движении неприсоединения на Индию и Кубу. В феврале 1980 г. в Индию отправился министр иностранных дел СССР А.А. Громыко для обсуждения с премьер-министром Индии И. Ганди афганской проблемы. Индийская сторона, по словам И. Ганди, не рассматривала ввод советских войск в Афганистан

изолированно, считая, что этой акции предшествовали определенные события и деятельность, исходившая с территории Пакистана. Наряду с этим «в духе дружбы и взаимного доверия» индийские представители твердо заявили советской стороне о своем неодобрении ее действий, связанных с вводом войск в Афганистан. В апреле 1980 г. советское руководство проинформировало Ф. Кастро о подготовке программы политического урегулирования в Афганистане. Кубинский руководитель предложил, чтобы эта программа была изложена в форме письма Б. Кармаля, адресованного Ф. Кастро, что показало бы значение Кубы в оказании добрых услуг по завязыванию переговоров Афганистана с Пакистаном и Ираном. СССР направил соответствующие рекомендации Афганистану. К лету 1980 г. Движение неприсоединения оказалось расколотым, и, по мнению советника президента Пакистана по иностранным делам Ага Шахи, негативную роль в этом сыграли Куба и Индия⁶.

14 января 1980 г. шестая чрезвычайная специальная сессия Генеральной ассамблеи (ГА) ООН приняла резолюцию, в которой была отмечена глубокая обеспокоенность событиями в Афганистане, их последствиями для международного мира и безопасности, признавалась необходимость немедленного прекращения иностранной вооруженной интервенции, с тем чтобы позволить афганскому народу определить свою судьбу без вмешательства или принуждения извне. Более ста государств поддержали эту резолюцию.

Летом 1980 г. 32 страны высказались за включение в повестку дня 35-й сессии ГА ООН пункта «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности» и проведение международной конференции под эгидой ООН.

Пытаясь сорвать обсуждение афганского вопроса в ООН, СССР предпринимал дипломатические и пропагандистские усилия. ЦК КПСС поручил АПН при содействии МИД СССР, КГБ СССР и Минобороны помочь афганской стороне подготовить для распространения в ООН сборник документов и материалов, свидетельствующих о вмешательстве империалистических держав и их пособников во внутренние дела ДРА, а также об усилиях афганского правительства, направленных на политическое урегулирование ситуации, сложившейся вокруг Афганистана.

Всем советским представителям за границей по линии МИД СССР было направлено указание активно противодействовать «американским планам использовать ООН во враждебных Советскому Союзу и ДРА целях»⁷.

Несмотря на принимавшиеся меры, 20 ноября 1980 г. на 35-й сессии ГА ООН была принята резолюция «Положение в Афганистане и

его последствия для международного мира и безопасности». В 1981–1988 гг. на сессиях ГА ООН ситуация в Афганистане обсуждалась ежегодно. С неизменной регулярностью принимались резолюции, в которых звучали призывы немедленно вывести иностранные войска из страны, создать условия для возвращения афганских беженцев домой, а также просьбы к генеральному секретарю ООН содействовать политическому урегулированию ситуации в Афганистане.

19 февраля 1980 г. на сессии Совета министров ЕЭС в Риме рассматривался вопрос об отношениях между Востоком и Западом в свете событий в Афганистане. Основная дискуссия развернулась вокруг выступления министра иностранных дел Великобритании П. Каррингтона, который выдвинул идею урегулирования афганского вопроса путем превращения Афганистана в нейтральное государство. Участники сессии решили, что условия и средства установления статуса нейтрального государства для Афганистана должны быть определены путем переговоров между заинтересованными сторонами. Вскоре ЕЭС предложило свой план урегулирования ситуации в Афганистане, включавший в себя два этапа. На первом предлагалось провести международную конференцию с участием ООН, ОИК, Индии, Ирана и Пакистана, на которой обсудить вопросы прекращения вмешательства во внутренние дела Афганистана и вывода иностранных войск; на втором этапе, пригласив к переговорам представителя афганского народа, – обсудить план внутреннего урегулирования положения в стране, гарантировать будущее Афганистана как независимого и неприсоединившегося государства⁸.

В блоке НАТО рассматривали урегулирование ситуации в Афганистане в контексте противостояния между США и СССР, между НАТО и Варшавским договором. Соединенным Штатам приходилось прикладывать значительные усилия, чтобы убедить союзников по НАТО поддерживать американскую линию в афганской проблеме. 3 января 1980 г. США обратились к странам НАТО, а также к Новой Зеландии, Австралии и Японии с призывами отозвать из Москвы своих послов для консультаций. Американцы были заинтересованы в том, чтобы союзники сократили до минимума численность их дипломатического персонала в Кабуле и ограничили поездки советских дипломатов по территории своих стран⁹.

22 февраля 1980 г. помощник госсекретаря США Вест, выступая на заседании совета НАТО, акцентировал внимание на пяти задачах стран НАТО после ввода советских войск в Афганистан. Первой и важнейшей была названа необходимость укрепления западных оборонительных позиций и решение проблемы обеспечения независимости Запада от энергетических поставок из района

Персидского залива. Второй задачей было достижение того, чтобы Советский Союз «заплатил соответствующую цену за свое вторжение в Афганистан». Третьей задачей стало давление на Москву с тем, чтобы добиться вывода советских войск из Афганистана. Четвертая задача заключалась в поддержке таких отношений между Востоком и Западом, которые позволяли бы наряду с оказанием давления на СССР предпринимать шаги по улучшению отношений с ним. Пятой задачей стало укрепление позиций Запада в Юго-Западной Азии и в районе Персидского залива¹⁰.

После многочисленных консультаций и согласований с 16 по 24 июня 1982 г. в Женеве прошел первый раунд афгано-пакистанских переговоров. Главами делегаций были министры иностранных дел Афганистана Шах Мохаммад Дост и Пакистана С. Якуб Хан. На переговорах в Женеве главы афганской и пакистанской делегаций не только не сидели за столом переговоров, но и не встречались друг с другом. Переговоры велись через посредника специального представителя Генерального секретаря ООН Диего Кордовеса.

В первом раунде были сформулированы общие идеи и основные вопросы, относившиеся к политическому урегулированию ситуации вокруг Афганистана: вывод советских войск; выработка международных гарантий и обязательств по невмешательству во внутренние дела Афганистана и Пакистана; возвращение беженцев.

Второй раунд афгано-пакистанских переговоров проходил в апреле и июне 1983 г., третий – в сентябре 1984 г., четвертый и пятый – в июне и августе 1985 г., шестой – в декабре 1985 г. Обстановка на переговорах была сложная, Пакистан постоянно выдвигал новые условия: требовал вывести советские войска из Афганистана, получить заверения в отказе от вмешательства и интервенции, международные гарантии со стороны США и СССР, вернуть афганских беженцев из Пакистана на родину.

В ходе переговоров в значительной степени были согласованы проекты соглашений о невмешательстве, возвращении беженцев, декларации о международных гарантиях невмешательства. Однако обсуждение документа о выводе советских войск даже не начиналось.

К началу 1986 г. советскому руководству во главе с М.С. Горбачевым, а также всем, кто вплотную занимался афганской проблемой, стало ясно, что ее военное решение не имеет перспективы, необходимо было искать пути примирения всех противоборствующих сторон. В связи с тем, что Б. Кармаль не учитывал изменений, происходивших в мире и в самом Афганистане, в конце апреля 1986 г. в Политбюро ЦК КПСС было принято решение заменить афганского руководителя на более молодого и энергичного лидера.

4 мая 1986 г. на XVIII пленуме ЦК НДПА новым генеральным секретарем ЦК партии был избран Наджибулла. С его приходом во власть во внутренней и внешней политике Афганистана постепенно стали происходить положительные изменения, были предприняты реальные шаги по национальному примирению¹¹.

Первый и второй этапы седьмого раунда переговоров прошли в мае и августе 1986 г. Пакистанская делегация стремилась обойти формулировки, согласующие начало вывода войск, их этапы, прекращение иностранного вмешательства. Вопрос о возвращении афганских беженцев ставился в зависимость от вывода советских войск. Основным разногласием были сроки вывода. Афганистан предлагал установить срок в два года, Пакистан настаивал на одном годе.

Третий этап седьмого раунда афгано-пакистанских переговоров начался 25 февраля и завершился 9 марта 1987 г. Афганистан предложил установить срок вывода советских войск в 22 месяца, затем 18 месяцев, однако пакистанская делегация не согласилась на эти варианты¹².

Более пяти месяцев велась напряженная дипломатическая работа в Москве, Нью-Йорке, Кабуле и Исламабаде, в том числе «челночная» дипломатия Д. Кордовеса. Проводился поиск возможностей сблизить позиции сторон в вопросах нормализации обстановки и обеспечения мира в регионе. Каждая из сторон заявляла о том, что будет придерживаться позиции доброй воли и разумных компромиссов¹³.

Камнем преткновения на четвертом этапе седьмого раунда, проходившем с 7 по 10 сентября 1987 г., стали вопросы о международном признании границ и возвращении афганских беженцев.

СССР прилагал огромные усилия, чтобы переговоры в Женеве не зашли в тупик. 9 февраля 1988 г. в газете «Правда» были опубликованы заявления М.С. Горбачева¹⁴ и Наджибуллы, в которых названа согласованная дата начала вывода советских войск из ДРА – 15 мая 1988 г.

Несмотря на оптимистические прогнозы, переговоры в марте 1988 г. вновь завершились неудачно. Афганистан и Пакистан обвинили друг друга в отходе от своих прежних позиций, выдвижении новых условий.

Тем не менее 7 апреля 1988 г. на встрече М.С. Горбачева с Наджибуллой в Ташкенте были сняты последние препятствия к заключению соглашений. СССР и Афганистан заявили, что в случае подписания соглашений в кратчайшие сроки вывод советских войск начнется 15 мая 1988 г.¹⁵

14 апреля 1988 г. между Афганистаном и Пакистаном были подписаны соглашения о политическом урегулировании вокруг Аф-

ганистана. Они включали в себя: двустороннее Соглашение между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о принципах взаимоотношений, невмешательстве и отказе от интервенции; Соглашение о взаимосвязи для урегулирования положения, относящегося к Афганистану; «Меморандум понимания» заключенных соглашений; Декларацию о международных гарантиях. Гарантами выполнения соглашений выступили СССР и США.

С 15 мая 1988 г. по 15 февраля 1989 г. СССР, соблюдая Женевские соглашения, в два этапа вывел войска из Афганистана.

Рассматривая Женевские соглашения и вывод советских войск из Афганистана в контексте международных отношений, следует отметить, что у афганцев была возможность установить мир и согласие на своей земле, а у соседних стран урегулировать отношения с Афганистаном, но для этого необходимо было пойти на взаимные уступки. В случае успеха афганского урегулирования его опыт мог быть использован для разблокирования других региональных конфликтов и их политического урегулирования. Однако ни Наджибулла, ни лидеры афганской оппозиции не хотели идти на компромисс и искать пути примирения.

Вывод советских войск не привел к стабилизации обстановки в Афганистане. Из Пакистана в Афганистан продолжалась переброска оружия и боеприпасов, вооруженных групп и отрядов оппозиции. Большая часть лидеров афганской оппозиции продолжала борьбу за свержение режима Наджибуллы, пытаясь захватить власть силой. В Пешаваре было создано «переходное афганское правительство», что стало грубым нарушением статьи II Соглашения между Афганистаном и Пакистаном о принципах взаимоотношений, невмешательстве и отказе от интервенции.

Несмотря на атаки вооруженной оппозиции в 1989–1991 гг., Наджибулла сохранял свои позиции в стране во многом благодаря военной и экономической помощи СССР. На судьбу режима Наджибуллы существенным образом повлиял августовский путч 1991 г. в Москве и последовавшие за ним события. В сентябре 1991 г. государственный секретарь США Дж. Бейкер и министр иностранных дел СССР Б.Д. Панкин подписали соглашение о прекращении с 1 января 1992 г. поставок оружия конфликтующим сторонам в Афганистане.

Прекращение поставок советского оружия, а затем горюче-смазочных материалов и продовольствия привело к кризису режима Наджибуллы, развалу военно-государственного и партийного аппарата. В апреле 1992 г. вооруженные отряды оппозиции без боя вошли в Кабул. Афганистан был провозглашен Исламским Государством

Афганистан. Однако вооруженная борьба в стране на этом не прекратилась и приняла ожесточенный этнический характер. В 1996 г. власть в Афганистане захватили талибы. С конца 2001 г. в Афганистане с талибами воюют американские войска и их союзники по НАТО.

В апреле и июне 2014 г. в сложной военно-политической обстановке в два тура прошли выборы президента Афганистана. Во втором туре президентских выборов в Афганистане, который состоялся 14 июня, победу одержал бывший министр финансов Ашраф Гани, набравший 56,44 % голосов. Его соперник – бывший глава МИД Абдулла Абдулла – получил 43,56 % голосов.

В сентябре 2014 г. советником нового президента Афганистана Ашрафа Гани и послом США в Кабуле подписано двустороннее соглашение по безопасности, согласно которому большая часть воинского контингента НАТО покинет Афганистан к концу 2014 г., в Афганистане останутся 9 800 американских военных.

Россия позитивно оценила объявление о победе Ашрафа Гани на выборах президента Афганистана, полагая, что это стало возможным в результате достижения между ним и другим кандидатом на этот пост Абдуллой Абдуллой договоренностей о создании Правительства национального единства. В Москве надеются, что завершение избирательного процесса и соглашение о будущем политическом устройстве ИРА послужат сплочению афганского народа, укреплению государственности, обеспечению независимости и безопасности в этой стране, освобождению ее от терроризма и наркопреступности, социально-экономическому развитию и повышению уровня жизни афганцев.

Мировая общественность обеспокоена положением в Афганистане и вокруг него. Афганистан, как и прежде, переживает исключительно трудный период, и о стабилизации обстановки в стране пока еще говорить рано. Афганская проблема нуждается в глубоком исследовании, в более веских и основательных оценках с учетом интересов всех сторон, в той или иной мере участвовавших в афганских делах на самых различных этапах их возникновения и развития, в выводах, которые основывались бы на реалиях сегодняшнего мира.

Примечания

¹ Брежнев Л.И. Ленинским курсом // Брежнев Л.И. Речи и статьи: В 9 т. М.: Политиздат, 1981. Т. 8. С. 247.

² ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 4786. Л. 4.

³ Там же. Л. 2–3.

- ⁴ Там же. Л. 6.
- ⁵ Там же. Л. 7.
- ⁶ Там же. Л. 8.
- ⁷ Там же. Л. 9.
- ⁸ Там же. Д. 3972. Л. 10.
- ⁹ Там же. Л. 4–6.
- ¹⁰ Там же. Л. 78–83.
- ¹¹ *Крючков В.А.* Личное дело: В 2 ч. Ч. 1. М., 1996. С. 225–227.
- ¹² ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 3972. Л. 27.
- ¹³ Встреча в Кабуле // Известия. 1988. 25 янв. С. 4.
- ¹⁴ Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева по Афганистану // Правда. 1988. 9 февр. С. 1.
- ¹⁵ Совместное советско-афганское заявление // Правда. 1988. 8 апр. С. 1.

III. Международные отношения и мировая политика в начале XXI в.: вопросы теории и практики

O. Ignatkin

MODERN LIBERALISM AND ITS INFLUENCE ON INTERNATIONAL RELATIONS

The article dwells on two distinct forms of modern liberalism that one can encounter in modern international relations. The first one is called neoliberal institutionalism, justly relying on the idea of global political and economic institutions, governing world society, whereas the latter bears the sound title of new liberalism that in its turn evokes the grandiloquent and complex ideas of global justice, being an indispensable commodity of the global political system.

Key words: global political economy, international system, international relations, world politics, neoliberal institutionalism, new liberalism, political justice.

The two main ideas are currently outlining the basis of modern liberalism: neoliberal institutionalism and new liberalism¹. Neoliberal institutionalism emphasizes the role of international organizations and other political and economic actors, playing more or less essential role on the world arena. As Arthur A. Stein notes: “International politics today is as much institutional as intergovernmental. International institutions can be found in every functional domain and in every region of the world”². This idea, stemming from the works of prominent liberals indicates the increasing role that international institutions play in the modern world³. Their role has enhanced since World War II, that empowered the political thought with the vision of international institutions leading the world to the condition of interdependence and eventually to a dissolution of military power in the form, nations had been viewing it (in strict zero-sum game)⁴.

Neoliberal institutionalism presents modern system of liberal values. “The field of international relations responds to real world events and historically has shifted the substantive focus of investigation to re-

flect changing reality. Following the First World War and with the creation of the League of Nations and the emergence of international law, the field necessarily focused on international organizations”⁵. Further A. Stein writes that “during the more than half a century since the end of the Second World War, the field of international organizations has undergone significant changes, captured by the changing terms used to characterize it. What began as the study of international organizations and regional integration took a dramatic turn in the early 1980 what came to be called regime theory and was subsequently rechristened neoliberal institutionalism. The turn consisted of both a broadening of the focus and a specific formulation of the causal logic”⁶.

As Stein writes in his article, “the original post-1945 focus was on international organizations, concrete entities with physical presence – names, addresses and so on. A typical definition was that of a formal arrangement transcending national boundaries that provides for the establishment of institutional machinery to facilitate cooperation among members in the security, economic, social or related fields”⁷. Later, “this rather narrow conceptualization was broadened with a focus on regimes, defined as “principles, norms, rules and decision-making procedures around which actor expectations converge in a given issue-area”⁸.

The second critical feature of this intellectual turn, as Arthur A. Stein has shown, was that it rooted the existence of international institutions in the core elements of realist theory: states, power and interests. Rather than argue that regimes were somehow a different feature of international life, that they constituted an alternative way of thinking about international politics, regime theorists accepted the realist view of states as the central actors of international politics, and they accepted the central realist premise that state behavior is rooted in power and interest⁹.

As James L. Richardson writes, “contemporary liberal institutional theory, originating in an enhanced awareness of interdependence in the 1970th, broke with earlier liberal thought in accepting some of the central assumptions of realist theory and defining itself solely in empirical terms. To the extent that normative presuppositions or implications may nonetheless be discerned, they remain implicit”¹⁰.

But why did this theory broke with its tradition? One reason can be applied to the more rigid tradition in political economy that started to ponder on global hegemony theory in international relations. Others argue, that because of the American political ideology in the 1970–1980s turning to the right, and with the appearance of the “Washington Consensus”, institutions were more eager to accept pro-market policies, based on the ideas of deregulation and political as well as economic lib-

eralization. This liberalization intellectually and politically sponsored by ideologically conservative groups in effect led to the changing political environment and global political de-institutionalization.

“Neoliberal institutional theorists did not question the prevailing assumption that value judgments have no place in the social sciences – even though they might provide the motive for a scholar’s choice of subject matter. This assumption, never uncontested, is now widely questioned, but there is no new consensus on the role of value judgments”¹¹.

Still, J.L. Richardson further admits, “that some empirical concepts have evident normative connotations: Negative terms, such as genocide, terrorism, or totalitarianism provide clear examples, but the positive connotations of peace, security, or order equally convey taken-for-granted value judgments (see e.g. Putnam, 2002). Cooperation is one such concept. Even though Keohane (1984) insists that it is not necessarily benign, but can be exploitative, it is often used with positive connotations, as when Arthur Stein (1990, ix) writes of “an era of hope, of the promise of international cooperation”, or Keohane (1989, 160) himself contrasts “fragile cooperation” with “persistent zero-sum conflict and warfare”. And the regimes studied by neoliberal school are normally assumed to be welfare promoting, not exploitative”¹².

Further J.L. Richardson proceeds, that “even the realist theory of hegemonic stability is not value free, but claims that the hegemon provides highly valued public goods, essential for maintaining a liberal international economic order. The attraction of *After Hegemony* is its persuasive argument that these public goods can be achieved through non-hegemonic regimes. Such evaluative concepts, like “reciprocity” with its connotation of equal exchanges, are very general expressions of commendation. More specific values are signaled in the language on the functioning of regimes: providing reliable information, deterring cheating, providing focal points for coordination, or reducing transaction costs (more generally, “efficiency”. These suggest a managerial orientation, an economist’s view of administration”¹³.

The author argues further that “utilitarianism, as employed in neoliberal institutional theory may be construed in this light. It is not the utilitarian framework as such that predetermines the valued outcome – for actors determine their own utilities – but rather its use together with the assumption that states, the relevant actors, are necessarily egoistic and define their individual self-interest in material terms”¹⁴.

So is utilitarianism intrinsic in the modern international relations and how we can define the difference between the utilitarianism and modern liberalism that is an agreeably more humanistic political theory?¹⁵

Utilitarianism, as it was embodied in the works by J. Bentham and J.S. Mill, argues that the actors, whether they are people, or probably the states are guided by the notions of utility¹⁶. Bentham, an English moral philosopher and legal reformer, founded the doctrine of utilitarianism. Its main idea is simply stated and intuitively appealing: The highest principle of morality is to maximize happiness, the overall balance of pleasure over pain. According to Bentham, the right thing to do is whatever will maximize utility. By “utility” he means whatever produces pleasure or happiness, and whatever prevents pain or suffering¹⁷.

Mill’s writings can be read as a strenuous attempt to reconcile individual rights with the utilitarian philosophy he inherited from his father and adopted from Bentham. His book *On Liberty* (1859) is the classic defense of individual freedom in the English-speaking world. Its central principle is that people should be free to do whatever they want, provided they do not harm the others. Government may not interfere with individual liberty in order to protect a person from himself, or to impose the majority’s beliefs about how best to live. The only actions, for which a person is accountable to society, Mill argues, are those that affect others. As long as I am not harming anyone else, my “independence is, of right, absolute. Over himself, over his body and mind, the individual is sovereign”¹⁸.

The more upgraded form of liberalism, the libertarianism, looks at this issue from the point of view of inviolability of individual rights. The prominent authors of libertarianism M. Friedman and R. Nozick argue that, there should be no violation of individual rights, so they impose the condition of unrestrained sovereignty upon individuals¹⁹.

“In *Anarchy, State and Utopia* (1974), – Michael Sandel writes, – Robert Nozick offers a philosophical defense of libertarian principles and a challenge to familiar ideas of distributive justice. He begins with the claim that individuals have rights so “strong and far-reaching” that “they raise the question of what, if anything the state may do”. He concludes that “only a minimal state, limited to enforcing contracts and protecting people against force, theft and fraud, is justified. Any more extensive state violates persons’ rights not to be forced to do certain things, and is unjustified”²⁰.

J. Rawls’ “Theory of Justice” provides an important response for this theory, though it was written in 1971, whereas R. Nozick’s book in 1974. John Rawls argues that the main question we might all ask is that the way to think about justice is to ask what principles we would agree to in an initial situation of equality²¹. The ideas of John Rawls became highly important for political philosophy. They also became essential for

international relations. In his work “Law of Peoples” J. Rawls suggests certain principles that could be applicable to international arena²². The principles are: (1) “Peoples are free and independent, and their freedom and independence are to be respected by other people”, (2) “Peoples are to observe treaties and undertakings”, (3) “Peoples are to observe a duty of non-intervention”, (4) “Peoples have a right to self-defense but no right to instigate war for reasons other than self-defense”, (5) “Peoples are to honor human rights”, (6) “Peoples are to observe certain specified restrictions in the conduct of war”, (7) “Peoples have a duty to assist other people living under unfavorable conditions that prevent their having a just or decent political and social regime (Mutual Aid)”²³.

The idea of international ethics, regulating international relations is important in the sense that states are regulated by certain moral norm in order to live in cooperation and peace. But to achieve this goal is important to apply efforts on serious improvements of the political regimes of the states and authoritarian nature of some countries willing to hamper the world’s progress and development.

Notes

¹ One should note the necessity of understanding the fact, that a great number of works is devoted to liberalism, still it may be possible to identify certain books and articles, devoted to both ideas. *See on neoliberal institutionalism: Brzezinski Zb.* Second Chance. The Presidents and the Crisis of the American Superpower. N. Y.: Basic Books, 2007; *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N. Y.: Columbia University Press, 1977; *Keohane R.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984; *Idem.* International Institution and State Power. Boulder, CO: Westview Press, 1989; *Keohane R., Nye J.* Power and Interdependence. Boston, MA: Little Brown, 1977; *Mearsheimer J.* Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // *International Security*. 1990. № 15; *Idem.* The False Promise of International Institutions // *International Security*. 1994/1995. Winter. Vol. 19. № 3; *Neorealism and its Critics* / Ed. by R. Keohane. N. Y.: Columbia University Press, 1986; *Nye J.S.Jr.* The Paradox of American Power. Why the World’s Only Superpower Can’t Do it Alone. N. Y.: Oxford University Press, 2002; *Idem.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs, 2004; *Richardson J.L.* The Ethics of Neoliberal Institutionalism // *The Oxford Handbook of International Relations* / Ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. N. Y.: Oxford University Press, 2010; *Stein A.A.* Neoliberal Institutionalism // *Ibid*; on *new liberalism: Doyle M.W.* Liberalism and World Politics // *The American Political Science Review*. 1986. Dec. Vol. 80. № 4;

Gaddis, J.L. We Know Now: Rethinking Cold War History. N. Y.: Oxford University Press, 1997; *Huntington S.P.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991; *Moravcsik A.* The New Liberalism // The Oxford Handbook of International Relations; *Russett B.* A Neo-Kantian Perspective: Democracy, Interdependence, and International Organizations in Building Security Communities // Security Communities / Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; *Rawls J.* The Law of Peoples with "The Idea of Public Reason Revisited". Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; *Simpson G.* The Ethics of the New Liberalism // The Oxford Handbook of International Relations; *Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004; *Waltz K.N.* Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.

² *Stein A.A.* Op. cit. P. 201.

³ The organizations may vary dramatically ranging from global IGOs (Intergovernmental Organizations) to NGOs (Non-Governmental Organizations) to local community groups. A.A. Stein writes that "modern reality consists of an alphabet soup of institutions, that includes the United Nations (UN), World Trade Organization (WTO), International Monetary Fund (IMF), Nuclear Non-Proliferation Treaty (NPT), International Atomic Energy Agency (IAEA), Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS), Missile Technology Control Regime (MTCR), European Union (EU), Shanghai Cooperation Organization (SCO), Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC), Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), North Atlantic Treaty Organization (NATO), North American Free Trade Agreement (NAFTA), Gulf Cooperation Council (GCC) and so on". See: *Stein A.A.* Op. cit. P. 201.

⁴ The work by R. Keohane and J. Nye "Power and Interdependence" runs in details about the dissolution of power in the transnational world. But, definitely, the work by J.S. Nye Jr. "Soft Power. The Means to Success in World Politics" analyzes the main differences between military/political, economic and cultural (soft) power. See: *Keohane R., Nye J.* Op. cit.; *Nye J.S. Jr.* Soft Power.

⁵ *Stein A.A.* Op. cit. P. 202.

⁶ Ibid.

⁷ *Plano J.C., Olton R.* The International Relations Dictionary. 2nd ed. Kalamazoo, MI: New Issues, 1979. P. 288. Quoted in: *Stein A.A.* Op. cit. P. 203.

⁸ *Krasner S.D.* Structural Causes and Regimes Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organization. 1982. № 36. P. 185. Quoted in: *Stein A.A.* Op. cit. P. 203.

⁹ Emblematic of the convergence implied in this formulation is the fact that the critical contributions to regime theory are in a special 1982 issue of *International Organization*, which was edited by a prominent realist Steven Krasner. Quoted in: *Stein A.A.* Op. cit. P. 203.

- ¹⁰ *Richardson J.L.* Op. cit. P. 222.
- ¹¹ *Ibid.* P. 225.
- ¹² *Ibid.* P. 226. The references on the works “After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy” and “International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory” by R.O. Keohane, “The Collapse of the Fact/Value Dichotomy and Other Essays” by H. Putnam, “Why Nations Cooperate: Circumstance and Choice in International Relations” by A.A. Stein: *Keohane R.O.* After Hegemony...; *Keohane R.O.* International Institutions and State Power; *Putnam H.* The Collapse of the Fact // Value Dichotomy and Other Essays. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002; *Stein A.A.* Why Nations Cooperate: Circumstance and Choice in International Relations. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1990.
- ¹³ *Ibid.* The quoted work is: *Keohane R.O.* After Hegemony...
- ¹⁴ While Keohane (1984, 125) allows for explanation other than in terms of “narrowly defined self-interest”, he sees this as limited to “relatively small spheres of activity. Quoted in: *Richardson J.L.* Op. cit. P. 226. The reference on R.O. Keohane’s work in the footnote is: *Keohane R.O.* After Hegemony...
- ¹⁵ One might definitely argue, that there is no such a consensus, still in the political theory many scientists believe that deontological liberalism represents a more advanced form of the political liberalism. On different debates: *Sandel M.J.* Justice. What’s the Right Thing to Do? N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2009.
- ¹⁶ On the modern excellent description of different theories of liberalism refer to: *Sandel M.J.* Op. cit.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 34.
- ¹⁸ *Mill J.S.* On Liberty (1859) / Ed. by S. Collini. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Ch. 1. Quoted in: *Sandel M.J.* Op. cit. P. 49.
- ¹⁹ The classic books that became so popular in Russia as well are: *Friedman M.* Capitalism and Freedom. Chicago, IL: Chicago University Press, 1962; *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. N. Y.: Basic Books, 1974. The work of the Austrian economist F.A. Hayek also belongs to the libertarianism: *Hayek F.A.* The Constitution of Liberty. Chicago, IL: Chicago University Press, 1961.
- ²⁰ *Nozick R.* Op. cit. P. IX. Quoted in: *Sandel M.J.* Op. cit. P. 62.
- ²¹ *Rawls J.* Theory of Justice. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1971. Quoted in: *Sandel M.J.* Op. cit. P. 140.
- ²² See: *Rawls J.* The Law of Peoples.
- ²³ *Ibid.* Quoted in: *Shapcott R.* International Ethics // Baylis J., Smith S., Owens P. The Globalization of World Politics. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 203.

А.Б. Безбородов, О.В. Павленко

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются советский опыт управления оборонно-промышленным комплексом, а также современные тенденции и перспективы развития российского ОПК, степень его влияния на реализацию геополитической стратегии Российской Федерации, использование экспорта вооружений и военной техники как способа геополитического влияния.

Ключевые слова: ОПК, геополитика, экспорт вооружений, национальная безопасность.

Система национальной безопасности страны – весьма широкое понятие. Она включает деятельность различных субъектов государства и общества, способных поддерживать, а при необходимости и отстаивать суверенитет и территориальную целостность данной страны, конституционные права и свободы ее граждан, качество и уровень их жизни, оборону и безопасность государства, геополитическую состоятельность партнеров и союзников.

Военно-технический аспект является ключевым практически в любой системе национальной безопасности. Сегодня наращивание военной мощи и укрепление национальных вооруженных сил – важнейшие приоритеты деятельности каждого государства. Россия здесь не исключение. Более того, для нее военно-техническая сторона национальной безопасности, национальная оборона стали в последние годы безусловным приоритетом. На программы развития Вооруженных сил и модернизации оборонной промышленности России до 2020 г. выделяется порядка 23 трлн руб.¹ И это объяснимо. По оценке Генштаба Вооруженных сил РФ, в среднесрочной перспективе до 2020 г. ожидается расширение совокупности глобальных вызовов и угроз, обусловленных последствиями формирования многополярного мира.

Ставка на укрепление оборонного потенциала должна, по замыслу российского руководства, снизить риски агрессивного поведения потенциальных противников в отношении нашей страны.

Россия с ее 2 % населения планеты располагает 30 % мировых запасов важнейших полезных ископаемых, что требует от Российской Федерации постоянного внимания к мерам по защите этих и других богатств.

Обостряется борьба за природные ресурсы, которыми богаты, в частности, северные части земного шара, арктический шельф. Россия осуществляет военное присутствие на северном стратегическом направлении, откуда в условиях развития воздушно-космических средств нападения исходит основная угроза. Российская Федерация продолжает активное обустройство военной инфраструктуры Арктики, которое начато в последние годы, что не исключает в будущем проведения Москвой силовых акций для отстаивания своих интересов на Севере.

Естественно, оборонно-промышленный комплекс (ОПК) Российской Федерации будет осуществлять адаптацию военной техники и вооружений к суровым северным условиям. Отметим, что в Баренцевом и Карском морях расположен единственный морской полигон России. Новые российские авиабазы создаются не только в данном регионе, но также в Центральной Азии и Белоруссии, укрепляется оборона Крыма.

Уровень военной опасности в 2010-е и последующие годы может серьезно повыситься и будет определяться борьбой ведущих государств за топливно-энергетические и трудовые ресурсы, рынки сбыта товаров, услуг и жизненное пространство. Вполне вероятно, что доступ к ним будет осуществляться с использованием военной силы².

На постсоветском пространстве Российская Федерация и Запад вступили в острое противоборство. Кризисы в ряде постсоветских государств, особенно на Украине, продемонстрировали растущую роль силовых методов скрытого характера: информационных войн; действий сил специальных операций, парамилитарных подразделений; использования протестного потенциала населения. В 2014 г. произошла активизация НАТО в Восточной Европе, Казахстане и Центральной Азии.

Обострение на украинском направлении повлияло на характер российско-украинских военно-промышленных связей. Украинский оборонно-промышленный комплекс до недавнего времени являлся крупнейшим в мире деловым партнером российского ОПК. Его предприятия взаимодействовали с ракетостроителями, верто-

лето- и самолетостроителями, а также судостроителями из Российской Федерации. Кризис на Украине 2013–2014 гг. отразился на российско-украинском военно-техническом сотрудничестве: наметилась тенденция к его замораживанию. Учитывая это, власти России поставили перед отечественными оборонщиками задачу быть готовыми заместить украинскую продукцию военного назначения на российском рынке изделиями собственного производства³.

Военно-технический аспект в системе национальной безопасности предполагает раскрытие действий вооруженных сил государства, органов правопорядка и госбезопасности, военно-промышленных структур, различных гражданских органов. Ниже мы коснемся лишь роли и места ОПК в системе национальной безопасности Российской Федерации. Оборонно-промышленный комплекс – это система военно-промышленных, научно-исследовательских и специальных предприятий, учреждений и органов, а также политических институтов, обеспечивающих необходимый уровень национальной безопасности. Для начала сделаем небольшой исторический экскурс.

В наши дни становится очевидным, что для Российского государства и общества оборонно-промышленный комплекс начинает играть в системе национальной безопасности значительно более заметную роль, чем 20–25 лет назад. Нынешняя власть стремится наращивать силовую составляющую в отечественной геополитике. Это связано с несколькими существенными обстоятельствами.

Как известно, от Советского Союза России досталась внушительная по объему оборонная промышленность, которая, однако, в годы перестройки снизила темпы своего роста. Советское военно-промышленное наследие в виде конструкторских, технологических, технических и производственных, а также модернизационных возможностей до сих пор присутствует в ОПК РФ.

В годы холодной войны в военном отношении Советский Союз был сверхдержавой. Основу его военной мощи составлял военно-промышленный комплекс (ВПК). Затраты на него были колоссальными. Советский ВПК, в отличие от российского ОПК, развивался в иных исторических условиях, когда Советскому Союзу была присуща идеологическая и военная активность во внутренней и внешней политике. К середине 1980-х гг., т. е. незадолго до своего распада, ракетно-ядерный потенциал СССР насчитывал свыше 10 тыс. зарядов на стратегических носителях и сопоставимое с этим количество – на тактических. В боевом составе одних только Сухопутных войск насчитывалось 53 танковых, 153 мотострелковых и 7 воздушно-десантных дивизий⁴.

Советский военно-промышленный комплекс в середине 1960-х гг. представлял собой систему, включавшую собственно военную промышленность, рычаги управления ею, организацию военных научных разработок, а также негласный порядок их политического лоббирования и гласное пропагандистское обслуживание. В ВПК того периода были сконцентрированы лучшие силы отечественного корпуса управленцев, научно-технической интеллигенции и рабочего класса; сосредоточено до $\frac{3}{4}$ всего объема научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. К концу 1980-х гг. предприятия этого комплекса производили 20–25 % валового внутреннего продукта. Значителен был вклад «оборонки» в обеспечение развития гражданских отраслей народного хозяйства. Естественно, что геостратегические устремления советских руководителей, а также потребности национальной безопасности определяли ориентиры научно-технической политики в военной области. Импорта техники, в том числе космической, и вооружений старались избегать. ВПК создавался почти исключительно на отечественной производственной базе. Сказанное касается оборудования, знаний, специалистов, их интеллекта. Затраты на покупку некоторых образцов зарубежного оборудования, технологий были минимизированы. Но это только часть истины. Другая ее часть заключается в активной работе по сбору научно-технической информации оборонного характера, которую развернули по всему миру некоторые ведомства. К их числу относились: Военно-промышленная комиссия при Президиуме Совета Министров СССР – своеобразный верховный арбитр в сфере развития вооружений, Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Управление «Т» (научно-техническая разведка) Первого главного управления КГБ СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ), секретный отдел Академии наук СССР, Государственный комитет по внешнеэкономическим связям (ГКЭС).

С годами сформировалась так называемая пятерка оборонно-промышленных министерств, в которых в основном сосредоточились соответствующие предприятия и которая существовала с тех пор почти в неизменном виде до конца коммунистического правления. Это министерства авиационной, оборонной, химической, электронной и электротехнической промышленности. Более того, на ВПК работало около 10 министерств-смежников⁵.

В условиях относительной внутренней стабильности угроза существовавшему режиму могла исходить, по мнению властей, в первую очередь из-за рубежа, а точнее – из США, а также ряда других

стран НАТО. «Достать» потенциального противника можно было только современным ракетно-ядерным оружием. Советская военная доктрина исходила из возможности нанесения по нему сокрушительного ответного удара. Отсюда – постоянное наращивание мощи Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). В то же время в верхних эшелонах власти недооценивали роль компьютеров для придания большей динамики научно-техническому прогрессу. Все попытки Советского Союза получить официальный, открытый доступ к новейшим технологиям производства электронно-вычислительной техники оказывались безрезультатными – ни одно государство не решалось нарушить запрет Координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ). Для преодоления указанных барьеров свое слово старалась сказать советская разведка, но оно не было определяющим⁶.

В конце концов властные структуры пришли к выводу о необходимости разработки и внедрения проектов по развитию, производству и применению компьютеров как в военных, так и в гражданских сферах. В начале 1960-х гг. ряд секретных постановлений ЦК партии и Совмина страны открыли дорогу для реализации подобных проектов⁷.

Как видим, в эпоху холодной войны все крупные сектора отечественного ВПК – ядерный, ракетно-космический, электронная промышленность – были активно вовлечены в гонку сверхновых вооружений с США. Американский фактор оказывал доминирующее внешнее воздействие на развитие советского ВПК. Многие направления деятельности оборонпрома двух стран реализовывались с зеркальным эффектом. Однако эффективность ВПК СССР была ниже американского, причем военный бюджет Советского Союза достигал колоссальной величины – 30 % ВВП⁸. СССР превращался в страну не только догоняющей, но и «копирующей» модернизации.

Наследие советской военной сверхдержавы в борьбе за мировое доминирование и роль в этом деле ОПК представляют собой предмет заинтересованного анализа со стороны современных российских лидеров, политиков и экспертов при разработке ими глобальных планов, доктрин и концепций социально-экономического, военно-стратегического, военно-политического и военно-промышленного характера, а также посвященных проблемам национальной безопасности сегодняшней России.

От того, какие отношения сложились в высших эшелонах гражданской и военной власти РФ к историческому опыту геостратегического бытования СССР, во многом зависит направленность

внешнеполитической стратегии современного Российского государства, его концепции национальной безопасности, военной доктрины.

Концепция национальной безопасности России, утвержденная указом Президента РФ в январе 2000 г., связала истинный характер угроз для России с экономическими неурядицами и внутренними вооруженными конфликтами⁹. В специальном разделе III «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации» комплексно раскрыты геополитические последствия распада Советского Союза. Опасность ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире представлена в качестве одного из факторов, обуславливающих основные угрозы в международной сфере¹⁰.

Причем в основном все пространство бывшего Советского Союза в лице государств – участников Содружества Независимых Государств, согласно таким документам, как Концепция национальной безопасности РФ, Военная доктрина РФ, Концепция внешней политики России, названо регионом приоритетных национальных, оборонных и внешнеполитических интересов России¹¹. К тому же в Концепции национальной безопасности упоминаются в соответствующем контексте помимо стран СНГ еще и «традиционные партнеры России»¹².

Геополитические «объемы» или «параметры» бывшего СССР заложены в анализируемых документах в виде декларирования Российской Федерации как «великой державы, как одного из влиятельных центров современного мира»¹³. Кроме того, рассматривая обеспечение своей военной безопасности в связи со строительством демократического правового государства, осуществлением реформаторского курса в политике, экономике и социальной среде, утверждением принципов равноправного партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства в международной области, последовательным формированием всеобъемлющей системы международной безопасности, Российская Федерация на доктринальном уровне заявила о сохранении статуса ядерной державы для сдерживания или предотвращения агрессии против нее и (или) ее союзников¹⁴.

Современный период отмечен для России сменой геостратегических вех и ориентиров. Во второй половине 1990-х гг. не оправдались расчеты некоторых российских лидеров, связанные с формированием новых равноправных, партнерских отношений страны с окружающим миром, как это прогнозировалось в Основных положениях Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденных Президентом РФ в апреле 1993 г., и в других до-

кументах¹⁵. Более того, к числу зарождающихся новых вызовов и угроз к национальным интересам России отнесена усиливающаяся тенденция «к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США»¹⁶. Впервые за целый ряд лет Соединенные Штаты Америки обозначены в столь официальном документе, как Концепция внешней политики Российской Федерации, в качестве вероятного непартнера.

По мнению некоторых экспертов, натовская стратегия по ряду параметров также не совпадает с интересами РФ. Во-первых, не приемлются те политические и военные установки Североатлантического альянса, которые не исключают ведения силовых операций вне зоны действия Вашингтонского договора без санкции Совета Безопасности ООН. И, во-вторых, сохраняется негативное отношение России к расширению НАТО¹⁷.

Советские геостратегические предпочтения в Азии в российской политике воспроизводятся заявлениями о развитии дружественных отношений с Индией. Относительно новое содержание азиатского вектора глобальной стратегии РФ, не совпадающее с внешнеполитическим курсом СССР на этом континенте, выражается в стремлении России теснее взаимодействовать с КНР, в первую очередь на экономическом поприще¹⁸.

В силу известных причин применительно к сегодняшней России ее географическая среда (включающая, в частности, экономическую и военную мощь) нуждается в передовой системе информационной безопасности. Именно благодаря ей РФ, согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, планирует нейтрализовать негативные для себя последствия разработки рядом государств концепций информационных войн. Подобные планы свидетельствуют о новых подходах кремлевских стратегов к определению места государственных структур, ВПК в геополитических реалиях рубежа тысячелетий¹⁹.

Так закладывались основы нового геополитического мышления современного Российского государства, которое учитывает в своей деятельности не только принципы нынешнего взаимного влияния политики и пространства, но и опыт, накопленный в этой области в советскую эпоху. Дух советского времени не исчез из геополитических построений лидеров Российского государства, во всяком случае до самых последних дней XX столетия. Хотя многие постулаты советских времен значительно видоизменились. В интервью газете «Le Figaro» от 26 октября 2000 г. Президент России так сформулировал основное содержание внешнеполитической линии РФ: «Россия изменила принципы своей внешней политики.

Она больше не пытается навязывать свою волю государствам, находящимся на другом конце Земли. Мы по-прежнему готовы участвовать в международных процессах на демократической основе. Но мы совершенно не хотим ввязываться во все конфликты: нам хватает своих внутренних проблем, мы вмешиваемся лишь в двух случаях: если это нас непосредственно касается или если все стороны, участвующие в каком-либо конфликте, обращаются к России с просьбой о помощи в выработке решения».

Но вот наступило новое тысячелетие. Оно началось с взаимных претензий российской и американской сторон по поводу возможного размещения российского тактического ядерного оружия, предполагаемого нарушения Соединенными Штатами Америки обязательств по Договору СНВ-1. Конфликтные ситуации сохранялись и по баллистическим ракетам на подводных лодках, и по переоборудованию тяжелых бомбардировщиков, и по ряду других вопросов. Россия не принимала американскую идею создания национальной противоракетной обороны (НПРО) путем выхода США из Договора по ПРО от 1972 г.

Эта проблема уходила корнями в военно-политические процессы, связанные с разработкой американской Стратегической оборонной инициативы (СОИ). В те годы в мире утвердилась концепция, согласно которой организующим пунктом стратегической стабильности на планете является принцип взаимного устранения и возможности гарантированного взаимного уничтожения. Правовым выражением данной концепции как раз и был Договор по ПРО от 1972 г.

С завершением холодной войны, когда мир был биполярным, руководство США выступило с инициативой создания противоракетной обороны ограниченного характера, не направленной против России²⁰. Это дало военным аналитикам основание утверждать, что эра стратегических договоренностей, базирующихся на Договоре по ПРО от 1972 г., к началу XXI в. полностью завершена²¹.

Отрицательным фактором международной политики стала замена правовых норм политическими обязательствами или декларациями. В то же время главным инструментом обеспечения и сохранности безопасности внутри государства предстают экономические и социальные факторы.

Как следовало из доктринальных установок американского военного ведомства, революция в военном деле должна обеспечить абсолютную безопасность США, включая защиту вооруженных сил и территорий²². Особая ставка делалась на дальнебойные высокочастотные средства. В новой редакции Основной доктрины ВВС

американским военным руководством заявлено, что в современных условиях воздушно-космическая мощь превратилась в доминирующий, а иногда и решающий элемент боевой мощи вооруженных сил²³. Произошел беспрецедентный отрыв США от всех других стран по размеру военных расходов.

Согласно оценкам международных экспертов, на долю России в конце прошлого века приходилось не более 3–4 % мирового производства вооружений²⁴. В то же время вполне очевидно, что из-за общей экономической слабости гонка вооружений противопоставлена Российской Федерации. Несмотря на наличие СНГ, конфронтация с одной из крупных держав или коалиций могла привести Россию к изоляции.

Видимо, понимая это, в своем Послании Федеральному Собранию в апреле 2001 г. В.В. Путин подчеркнул, что курс на интеграцию с Европой становится одним из ключевых направлений внешней политики России²⁵.

Российское руководство осознает, что геополитическое положение РФ в мире во многом определяется проводимой в ней военной реформой, успех которой, в свою очередь, напрямую зависит от состояния российской экономики. Положение в ней – предмет глубокого беспокойства для кремлевской элиты: доля России в мировой экономике составляла в 2001 г. лишь 0,65 %²⁶. Закономерно, что в президентском Послании, одним из центральных тезисов которого можно назвать признание угрозы «прогрессирующего экономического отставания» и опасности «длительной экономической стагнации», в очередной раз констатируется сырьевой, «рентный», характер отечественной экономики.

Вместе с тем, признавая состояние Вооруженных сил России по существу критическим²⁷, военно-политическое руководство государства продолжало видеть в Военно-морском флоте РФ главную составляющую и основу морского потенциала России²⁸.

Середина 2001 г. представляет собой период борьбы двух тенденций. Лоббисты интересов ОПК в целом критически оценивали именно такую Морскую доктрину России, связывая ее разработку с «континентальным мышлением» власть имущих и генералов²⁹. Однако тогда же, в июле–августе, В.В. Путин выразил согласие с мнением группы экспертов, включавшей министра обороны С.Б. Иванова и начальника Генштаба А. Квашнина, докладывавших, что заграничные военные объекты России – Лурдес (Куба), Камрань (Вьетнам), Гудаута (Абхазия), системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) в Белоруссии, Азербайджане, Казахстане и Киргизии – не являются эффективными в современной политике.

Указывалось, что более 20 млрд руб., ежегодно расходуемых на их содержание, не окупаются ни в военном, ни в экономическом плане³⁰.

Как известно, в декабре 2001 г. американское руководство заявило о выходе из Договора по ПРО от 1972 г. Несмотря на улучшение отношений в военно-политической сфере, в Москве этот шаг Соединенных Штатов не оставили без ответа. Вопреки своей первоначальной позиции, обозначенной летом 2001 г., в январе 2002 г. В.В. Путин и Президент Азербайджана Г.А. Алиев подписали соглашение по Габалинской радиолокационной станции (РЛС). Теперь она называется информационно-аналитическим центром и продолжает «прикрывать» стратегически важное для России южное направление³¹.

Тем не менее свертывание военно-разведывательной активности РФ в определенных регионах мира скорее всего связано с формированием масштабных угроз национальной безопасности государству со стороны исламского экстремизма сразу по нескольким направлениям – чеченскому, среднеазиатскому и афганскому.

Примерно в то же время (лето 2001 г.) американский эксперт Р. Перл, причастный к выработке внешнеполитического курса США, общаясь с российской аудиторией, указал на то, что каждая страна должна решать самостоятельно, какой уровень безопасности является для нее сегодня необходимым и достаточным³².

Этим российское и американское руководство обозначили большую схожесть геополитического мышления.

Процессы суверенизации концептуальных основ национальной безопасности для России и США обрели некую материальную основу в лице так называемого мусульманского мира, раскинувшегося от Индонезии до Марокко. Если бы США и Россия задумали только вдвоем осуществлять контроль за процессами в мусульманском мире, то, скорее всего, в силу его обширности и влиятельности обе страны потерпели бы здесь неудачу. И действительно, в мире 44 государства, в которых мусульмане составляют большинство населения, и еще несколько десятков стран, где последователей ислама – от 20 до 50 %³³. «Исламская дуга» тянется через все Северное полушарие.

Взрывы в Нью-Йорке и Вашингтоне осенью 2001 г. катализировали поиск формулы стратегической и геополитической стабильности как в Соединенных Штатах, так и в Российской Федерации.

После 11 сентября 2001 г. и устранения с помощью США талибов с политической арены в Афганистане Вашингтон не ослабил усилий для того, чтобы освободить Соединенные Штаты Америки

от любых международно-правовых ограничений в сфере контроля над вооружениями, предоставив себе широкий выбор односторонних стратегических решений и обзаведясь правом единолично определять параметры «новой мировой стратегической структуры» (a new strategic framework). Администрация США проанализировала сентябрьские события, обстановку в мире и, руководствуясь интересами своей страны, в декабре 2001 г. в одностороннем порядке заявила о выходе из Договора по ПРО, провозгласив создание Национальной противоракетной обороны (НПРО).

Двигаясь по пути наращивания американского военного присутствия в мире, руководство США осуществило прорыв в Среднюю Азию, на постсоветское пространство, создав в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии военные базы Соединенных Штатов и НАТО, причем с согласия России. Таким образом, произошло продвижение военного присутствия США и НАТО не только на восток, но и на юг.

Модель войн нового поколения представляют собой операции «Буря в пустыне» и «Возмездие». Их содержание отражено в подготовленной в 1998 г. Комитетом начальников штабов США «Единой перспективе 2010». В документе ставка делается не на живую силу, а на современные боевые системы стратегического масштаба, массированно и непрерывно воздействующие на ключевые объекты экономики, военную инфраструктуру и систему управления противника, что в кратчайшие сроки лишает его способности наносить ответные удары и организовано сопротивляться. Таким образом, минимизируются потери в живой силе у атакующей стороны. Боевые действия в Ираке, в небе Югославии и Афганистане явились апробацией названной модели войн.

В значительной степени с учетом американской активности в мире выстраиваются стратегические приоритеты Российской Федерации в области национальной безопасности. ОПК РФ выполняет при этом роль весьма важного инструмента.

В целом до 1991 г. оборонная промышленность Советского Союза являлась базовой основой промышленного потенциала страны и почти не уступала западным государствам в технологическом развитии, а по отдельным направлениям даже опережала их. В обстановке жесткой блоковой конфронтации были созданы замкнутое технологическое пространство и централизованная система управления военным сектором экономики. По некоторым оценкам, только в технологическую, научную и экспериментальную базу советского ВПК, которая создавалась десятилетиями, были вложены сотни миллиардов долларов³⁴. В отечественном военно-промыш-

ленном комплексе работали десятки миллионов людей, но не больше 10 % из них занимались непосредственно созданием оружия. Остальные разрабатывали материалы, компоненты, производили ту продукцию, которая применялась повсеместно³⁵.

В результате распада СССР на территории России осталось более 60 % предприятий и 70 % научных организаций прежнего советского ВПК. Годовой объем производства военной продукции РФ от общего ее производства в СССР составлял 80 %, объем НИОКР по оборонной тематике – 89 %, стоимость основных фондов промышленных предприятий – 73 %, НИИ и КБ – 89 %, численность работающих на оборонных предприятиях – 72 %, в НИИ и КБ – 84 %. Эти данные свидетельствуют о том, что основная тяжесть по размещению оборонного заказа в советские годы ложилась на плечи жителей РСФСР³⁶. После распада Союза наличие столь большого и весьма затратного комплекса на территории Российской Федерации и предопределило ее сложный переход к новой структуре промышленного производства и геополитических отношений.

Вместе с военно-техническими достижениями мирового уровня российские Вооруженные силы, образованные в 1992 г., унаследовали от советской системы чрезмерное номенклатурное разнообразие образцов вооружения и военной техники (ВВТ), несбалансированность боевых и обеспечивающих военно-технических подсистем, большую долю морально устаревшей техники. В 1990-е гг. бюджетное финансирование оборонных НИОКР и закупок вооружения сократилось в 10–15 раз. Поэтому серийное производство современного вооружения практически прекратилось, а дорогостоящие разработки утратили былой динамизм. Банкротства к началу XXI в. сумели избежать лишь экспортно ориентированные предприятия³⁷.

Они-то и составляют материальную основу геополитического фактора в развитии Российского государства. «Геополитический вес» оружия в мире неуклонно возрастает, в первую очередь через его продажу. Крупнейшие покупатели российского оружия – Китай, Индия, а также Венесуэла, Сирия, Вьетнам и другие страны.

Степень влияния российского ОПК на реализацию геополитических интересов РФ зависит не только от освоения им новых рынков оружия, но и от государственной политики в области формирования военной промышленности. Последняя, по замыслу Президента и Правительства РФ, должна управляться более эффективно. 27 октября 2000 г. Президент РФ подписал Указ «О мерах по обеспечению концентрации и рационализации оборонного производства». Указом оговорено положение, согласно которому в

собственности государства закрепляется 51 % акций любого ново-созданного оборонного холдинга, если в его уставной капитал внесены акции предприятий, принадлежащих государству³⁸.

Через 9 месяцев, 27 июля 2001 г., кабинет министров России одобрил Федеральную целевую программу по реформированию ОПК. В начале 2000-х гг. Указом Президента РФ была преобразована система управления оборонно-промышленным комплексом, в которую вошли:

- Правительство РФ и подведомственные ему Федеральное космическое агентство и Федеральное агентство по атомной энергетике;
- Министерство промышленности и энергетики РФ и подведомственное ему Федеральное агентство по промышленности;
- Министерство обороны РФ и подведомственные ему Федеральная служба по военно-политическому сотрудничеству и Федеральная служба по оборонному заказу.

Кроме того, управление предприятиями ОПК осуществляют:

- Министерство экономического развития РФ и подведомственное ему Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом;
- Министерство образования и науки РФ.

К 2004 г. оборонная промышленность Российской Федерации включала почти 1800 предприятий и организаций девяти основных отраслей промышленности, расположенных в 80 регионах страны: авиационной промышленности (292 предприятия), промышленности обычных вооружений (129), промышленности боеприпасов и спецхимии (136), ракетно-космической промышленности (112), судостроительной промышленности (161), радиопромышленности (254), промышленности средств связи (155), электронной промышленности (306), атомной промышленности (117).

В ходе приватизации сформировались три группы предприятий, из которых первая и вторая (1267 предприятий и организаций) составляют ядро оборонно-промышленного потенциала:

- первая группа – государственный сектор унитарных предприятий и организаций на правах оперативного управления и хозяйственного ведения общим числом 719 (42 %);
- вторая группа (548 организаций, или 32 %) – акционерные общества со смешанной формой собственности: оборонно-ориентированные АО с государственным участием в виде пакетов акций или «золотой акции». В эту группу входят промышленные компании, финансово-промышленные группы (ФПГ) и корпорации и федеральные научно-производственные центры;

- третья группа – все остальные предприятия и организации, которые приватизированы без ограничений и в основном переориентированы на создание и производство продукции гражданского назначения³⁹.

В первые годы нового тысячелетия политическое и административное влияние ОПК возросло. В первой половине 2006 г. была сформирована Военно-промышленная комиссия (ВПК) при Правительстве РФ. Ее главная задача – реализация военно-технической политики России на период до 2015 г., в том числе развитие оборонно-промышленного комплекса. Комиссия должна разрабатывать концепции, программы и планы в области военно-технического обеспечения обороноспособности страны, производства и утилизации вооружений, мобилизационной подготовки государства и формирования гособоронзаказа, а также обеспечивать восстановление постоянного взаимодействия между предприятиями ОПК и госзаказчиками⁴⁰. Военно-промышленной комиссией организованы разработка и реализация Концепции государственного регулирования цен на продукцию военного назначения.

Согласно заявлениям федеральных властей, приоритетом отечественного ОПК является производство вооружений для решения собственных стратегических задач⁴¹. Значительную часть этих задач сегодня определяет кавказское направление⁴². Российско-грузинский вооруженный конфликт в августе 2008 г. представлял собой ответственный экзамен для оборонной промышленности РФ. Он высветил ее сильные и слабые стороны. К числу последних относится отставание отечественного оборонпрома в области связи, разведки, военных информационных технологий, беспилотных летательных аппаратов.

Стремясь стать активным геополитическим игроком на мировой сцене, Россия в 2000-е гг. значительно усилила работу по освоению стратегических военных плацдармов в Центральной Азии (российская военно-воздушная база в Канте, Киргизия), Закавказье (российские военные базы в Абхазии и Южной Осетии), новых ресурсных полей в Арктике, Африке. У Российской Федерации появились новые военные партнеры – Венесуэла, Колумбия, Монголия и др. Есть и трудности на этом пути – непоследовательностью отличаются действия таких союзников Москвы, как Белоруссия и Узбекистан.

Характерной чертой оборонно-промышленной политики Российского государства стали попытки дать асимметричные ответы на вызовы для национальной безопасности страны. В 2006 г. впервые за последние годы «оборонке» была поставлена задача перейти

от создания единичных образцов современных вооружений и военной техники к их серийному производству. Еще в январе 2005 г. на вооружение ВВС РФ приняты пять истребителей Су-27 СМ, впервые модернизированные до уровня поколения 4+⁴³. В августе 2007 г. на боевое дежурство в Подмоскowie заступил первый зенитный ракетный полк, вооруженный С-400 «Триумф». Данная зенитная ракетная система предназначена для поражения всех типов летательных аппаратов и может с высокой степенью надежности прикрывать районы базирования стратегических ядерных сил, подводных лодок, ядерных арсеналов⁴⁴. Во второй половине 2007 г. Россия провела успешное испытание объемно-детонирующей авиационной бомбы большой мощности как ответ на испытание США в 2003 г. аналогичного по классу устройства, но в четыре раза менее мощного, чем российское⁴⁵. Стало известно также, что в 2008 г. в боевой состав ВМФ РФ вошел созданный российским оборонпромом высококонкурентный корабль (включая его экспортное исполнение) – корвет морской зоны «Стерегущий»⁴⁶. С помощью гиперзвуковых маневрирующих блоков ядерных боеголовок для ракетных комплексов «Тополь-М» удалось повысить ударную мощь последних.

Не снят окончательно с повестки дня вопрос о развертывании Россией вблизи своих границ на польском и чешском направлениях ракетных оперативно-тактических комплексов «Искандер» в целях нейтрализации возможностей третьего позиционного района ПРО США. В экспертных кругах отмечают, что у комплекса «Искандер» имеется большой потенциал по наращиванию боевой эффективности (за счет ракет увеличенной дальности).

Отечественный ОПК направляет на флот России подводный ракетоносец нового поколения «Юрий Долгорукий».

Однако кризисные годы лишь более отчетливо обнаружили серьезные трудности и недостатки в развитии оборонной промышленности РФ. Знаковым явлением в системе оборонпрома РФ стали частые неудачи, преследующие испытательные пуски новой морской межконтинентальной баллистической ракеты «Булава-30», устаревающей на глазах. Известно, что российский оборонно-промышленный сектор до сих пор в основном использует накопленные в советское время ресурсы, в нем остро не хватает квалифицированных кадров, низкими темпами обновляются основные производственные фонды, существует коррупция, возникла задолженность государства по выплате работникам «оборонки» зарплаты. Структура оборонно-промышленного комплекса все еще архаична и не отвечает современным геополитическим задачам го-

сударства. К осени 2009 г. треть предприятий ОПК имела отрицательные финансовые показатели.

Поэтому важным направлением повышения эффективности ОПК является совершенствование управления государственным имуществом в оборонном секторе через реструктуризацию собственности, создание интегративных структур. В российском ОПК интеграционные процессы начали развиваться с принятием Федеральной целевой программы «Реформирование и развитие оборонно-промышленного комплекса (2002–2006 гг.)». Тем не менее в течение последних 15 лет со стороны государства практически не вкладывались финансовые средства в техническое перевооружение предприятий ОПК. За это время в мире появились новые технологии, а наши предприятия продолжали работать по старинке. Решение проблемы предусмотрено в рамках Федеральной целевой программы «Развитие ОПК на 2007–2010 гг. и на период до 2015 г.».

Процессы глобализации динамично корректируют геополитические ориентиры каждой из стран мира. Цели и задачи российского внешнеполитического курса на современном этапе четко определены в Концепции внешней политики РФ, принятой в июле 2008 г. и призванной активизировать международную деятельность России по всем направлениям. Политически гармонирует с Концепцией утвержденная Указом Президента РФ в мае 2009 г. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.

Серьезным инструментом геополитического влияния Российской Федерации является экспорт вооружений и военной техники. Сегодня взаимовыгодное партнерство связывает «Рособоронэкспорт» более чем с шестью десятками стран. 700 предприятий в 56 регионах РФ выполняют контракты в сфере военно-технического сотрудничества. Структура российского экспорта вооружения и военной техники отличается стабильностью. Первое место в экспортных поставках занимает авиационная техника – около 50 % продаж. Затем следует военно-морская техника. На третьей строчке находятся экспортные контракты средств ПВО и вооружения для Сухопутных войск. Отечественные зенитные ракетные системы стоят на вооружении армий почти 60 стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Однако если раньше основная часть сделок приходилась на наших стратегических партнеров – Индию и Китай (около 80 % общего объема зарубежных поставок продукции военного назначения), то теперь Россия весьма эффективно осваивает рынок латиноамериканских стран (Венесуэла, Перу и др.). Заметно активизировалось сотрудничество нашей страны с государствами Юго-Восточ-

ной Азии – Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, а также с регионами Ближнего и Среднего Востока.

Сохраняется и другая тенденция – импорт в Россию иностранных вооружений и военной техники (из Франции, Израиля).

Вместе с тем разоруженческие проблемы находятся в центре внимания российских и американских политиков. В ходе визита Президента США Б. Обамы в Россию (июль 2009 г.) был подписан документ «Совместное понимание нового Договора о СНВ». Согласно данному документу, новый договор будет рассчитан на семь лет. При этом устанавливаются уровни в 1500–1675 стратегических боеголовок и 500–1100 ракет и тяжелых бомбардировщиков. Такие параметры отразили серьезные расхождения между позициями двух сторон, особенно в отношении носителей гражданского оружия⁴⁷.

Приоритетом России остается, как и в предыдущие годы, модернизация стратегических ракетных войск, а также войск космической обороны.

Однако посткризисный мир ставит перед российским ОПК проблемы качественно нового уровня. Современные глобальные процессы стимулируют взрывной характер развития нано-, био- и информационных технологий. Далекое не в последнюю очередь они будут востребованы в оборонно-промышленной сфере для достижения тех или иных геополитических целей и решения задач, связанных с обеспечением национальной безопасности страны. Речь идет об активизации участия Российской Федерации в глобальной космической информационной и навигационной системе; разработке и применении оружия, действующего на новых физических принципах, а также роботизированных боевых машин; принятии на вооружение новых образцов высокоточного оружия и беспилотных летательных аппаратов; взаимодействии программ развития оборонного и гражданского секторов экономики РФ для повышения внутрисекторальной конкуренции и снятия элементов социальной напряженности на предприятиях ОПК. Без кардинальной модернизации ОПК и придания ему инновационного развития этих задач не решить.

Отметим также, что с годами ключевой проблемой в системе национальной безопасности Российской Федерации становится даже не столько инновационная пассивность отечественного оборонпрома, сколько неэффективность российской экономики в целом.

Тем не менее в последние годы в России складывается общенациональный консенсус относительно целей и задач государственного и военного строительства, системы национальной безопасно-

сти в целом. При этом основная общенациональная цель видится в восстановлении России в качестве великой державы в экономическом, политическом и военно-промышленном отношении. Российская элита осознала и насущную необходимость модернизации страны.

Современные представления о действенной системе национальной безопасности России составляют неотъемлемую часть комплекса мер по военному анализу и стратегическому планированию, который необходимо осуществить силами структур военно-промышленного руководства.

Национальная безопасность РФ испытывает несколько типов военных угроз:

- конфликты на постсоветском пространстве (как внутри России, так и за ее пределами). Многие соседи Российской Федерации по СНГ с большей настороженностью относятся к ней. Так, вопрос о признании независимости Абхазии и Южной Осетии не нашел среди «постсоветских» государств какой-либо поддержки;
- опасность конфликта с США и возглавляемым ими западным сообществом. В частности, некоторыми членами данного сообщества предпринимаются попытки поставить в глобальную повестку вопрос о том, что национальный суверенитет не должен распространяться на ресурсы глобального значения. Речь идет в том числе и о нашей стране;
- возможность конфликтов с государствами, не входящими в западный мир, прежде всего с КНР. Несмотря на всю гипотетичность таких конфликтов, Российская Федерация сохраняет достаточно значительный военный потенциал на Дальнем Востоке;
- ряд потенциальных угроз для России вследствие ее расположения в центре мира – в Евразии, а также в связи с конкуренцией в районе Арктики.

Чтобы адекватно и оперативно отвечать на эти угрозы и другие вызовы современности, ОПК РФ надо осуществить внушительный объем работы. Одновременно следует учесть, что фактически отечественный оборонпром за последние 30 лет пропустил несколько циклов модернизации⁴⁸.

Государство делает ставку на отечественные разработки оборонного характера и собственную научную базу. В ближайшее десятилетие планируется вернуть России технологическое лидерство по всему спектру основных военных технологий. В этих целях власти будут решать сразу несколько взаимосвязанных задач:

- кратное увеличение поставок современного и нового поколения техники;

- формирование научно-технологического задела завтрашнего дня, разработка и освоение критических технологий для развития производства конкурентоспособной продукции оборонного назначения;
- создание на новой технологической основе производств по выпуску перспективных образцов вооружения и военной техники, всесторонняя модернизация научно-экспериментальной стендовой базы⁴⁹.

Приоритетами в комплексном перевооружении армии и флота государство определило ядерные силы, воздушно-космическую оборону, системы связи, разведки и управления, радиоэлектронной борьбы, «беспилотники», высокоточное оружие и средства борьбы с ним и др. Соответствующая работа уже начата⁵⁰.

Создание современной системы национальной безопасности – дело дорогостоящее. На переоснащении только российского ОПК Государственной программой вооружения до 2020 г. предусмотрено направить 20 трлн руб. За последние десять лет военный бюджет России вырос в разы⁵¹.

По замыслу руководства страны, огромные средства, вложенные в обновление ОПК, перевооружение армии, должны служить важнейшим стимулом для модернизации всей экономики. В противном случае Российская Федерация просто не впишется в мировой тренд, при котором в начале 2020-х гг. государства НАТО и другие глобальные игроки закончат беспрецедентное по масштабам и затратам переоснащение своих армий и флотов на основе обновленных доктрин и конвенций.

Так, в ходе реализации различных программ поддержания мирового лидерства США с недавних пор (2012 г.) опираются на концепцию совместных операций американских вооруженных сил. В ней признается, что военная сила представляет собой лишь один из элементов национальной мощи и безопасности. Для достижения стратегического успеха требуется достичь эффективно-го взаимодействия правительственных структур США, союзных правительств и их вооруженных сил, а также неправительственных партнеров⁵². Отмечается, что передовые технологии оборонно-промышленного комплекса трансформируют вооруженную борьбу, являясь фактором перестройки глобальной политики⁵³.

Российские составляющие системы национальной безопасности также нуждаются в тесном взаимодействии, особенно это относится к предприятиям ОПК и структурам Минобороны, других министерств и ведомств. Один из главных показателей деятельности ОПК – выполнение гособоронзаказа – невозможно реализовать

без сложной и добросовестной кооперации различных органов и организаций. Только благодаря ей можно успешно организовать подготовку квалифицированных кадров, добиться высокого качества продукции, преодолеть коррупцию.

Такое сотрудничество наиболее актуально в сфере критических технологий, к числу которых относится ракетная отрасль. Отвечая на глобальные вызовы, отечественный оборонпром совершенствует ракетные технологии: теперь боевое оснащение ракетного комплекса РС-26 после отделения от самой ракеты летит по непредсказуемой траектории и со сверхзвуковой скоростью. В этом случае ПРО противника фактически бессильна⁵⁴.

Принятая в Российской Федерации Госпрограмма вооружения акцентирует внимание производителей на повышение качества выпускаемой продукции. На конец 2013 г. уровень оснащённости Вооружённых сил современными образцами вооружения, военной и специальной техники составляет:

- в Военно-воздушных силах – 42 %;
- в Военно-морском флоте – 53 %;
- в Сухопутных войсках – 17 %;
- в Войсках воздушно-космической обороны – 57 %;
- в Стратегических ядерных силах – 39 %⁵⁵.

В заключение отметим, что современное развитие военно-промышленного направления российской экономики как важной составной части системы национальной безопасности страны сдерживается отсутствием в этой системе определённой целостности и концептуального осмысления ряда аспектов, связанных с противостоянием России новым вызовам, в первую очередь на постсоветском пространстве.

Примечания

-
- ¹ См.: *Путин В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февр.
 - ² См.: *Герасимов В.* Будущее закладывается сегодня // Военно-промышленный курьер. 2013. № 10. 13–19 марта.
 - ³ Цит. по: *Хазбиев А.* Новые крылья революции // Эксперт. 2014. 28 апр. – 11 мая.
 - ⁴ Цит. по: *Тренин Д.* Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». М., 2006. С. 184.
 - ⁵ См.: *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 640.

- 6 См.: *Крючков В.А.* Личное дело. М., 1996. С. 149.
- 7 См.: *Melvern L., Anning N., Nebditch D.* *Techno-Bandits*. N. Y., 1984. P. 50.
- 8 См.: Ошибка советского руководства // Военно-промышленный курьер. 2007. № 6. 14–20 февр.
- 9 См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение (далее – НВО). 2000. № 1. 14–20 янв.
- 10 См.: Там же.
- 11 См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации; Военная доктрина Российской Федерации // НВО. 2000. № 15. 28 апр. – 11 мая; Концепция внешней политики Российской Федерации // Там же. № 25. 14–20 июля.
- 12 См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации.
- 13 См.: Концепция внешней политики Российской Федерации.
- 14 См.: Военная доктрина Российской Федерации.
- 15 Цит. по: Концепция внешней политики Российской Федерации.
- 16 См.: Там же.
- 17 См.: Концепция внешней политики Российской Федерации.
- 18 См.: Там же.
- 19 См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. 28 сент.
- 20 Цит. по: *Соловьев В.* Мир вступает в полосу наращивания вооружений / Интервью В. Соловьева с А.Д. Ротфельдом // НВО. 2001. № 2. 8–14 июня.
- 21 См.: Там же.
- 22 Цит. по: *Рогов С.* Векторы безопасности 2001 года // НВО. 2001. № 1. 12–18 янв.
- 23 Цит. по: *Заяц В.* Шесть «основных компетенций» // НВО. 2001. № 24. 6–12 июля.
- 24 См.: Там же.
- 25 См.: Что сказал глава государства // Известия. 2001. 4 апр.
- 26 См.: *Делягин М.* Агония или возрождение? // Свободная мысль – XXI. 2001. № 6.
- 27 См.: Сергей Иванов: Плоды военной реформы появятся не раньше 2004 года / Интервью С. Бабаевой с С. Ивановым // Известия. 2001. 25 июня.
- 28 См.: Морская доктрина Российской Федерации на период до 2002 года // НВО. 2001. № 28. 3–9 авг.
- 29 См.: *Патырев С.* Подтекст Морской доктрины // НВО. 2001. № 30. 17–22 авг.
- 30 См.: *Яременко В.* Лурдес бросаем // НВО. 2001. № 45. 7–14 дек.
- 31 См.: *Григорьева Е.* Путин и Алиев обменялись памятниками // Известия. 2002. 26 янв.
- 32 Цит. по: Очень твердая линия / Интервью Г. Бовта с Р. Перлом // Известия. 2001. 25 июля.
- 33 См.: От Индонезии до Марокко // Известия. 2001. 19 окт.
- 34 См.: *Кузык Б.* Оборонно-промышленный комплекс России: прорыв в XXI век. М., 1999. С. 57.
- 35 См.: Для нашего центра и миллиона мало / Интервью В. Волошиной с Ж. Алфировым // Известия. 2001. 15 марта.

- ³⁶ См.: *Кузык Б.* Указ. соч. С. 59.
- ³⁷ См.: *Рахманов А., Криворучко В.* Кризис в развитии отечественного вооружения: первые уроки // НВО. 2001. № 27. 27 июля – 2 авг.
- ³⁸ Цит. по: *Антонова О.* Оборонка на паях // Время новостей. 2000. 27 окт.
- ³⁹ См.: Военно-промышленный комплекс: Энциклопедия. М., 1995. Т. 1. С. 66.
- ⁴⁰ См.: *Мясников В.* Главная инстанция финансирования страны // НВО. 2006. № 19. 12–19 мая.
- ⁴¹ Цит. по: *Коротченко И.* «Гепард» в боевом строю // Независимая газета. 2001. 5 дек.
- ⁴² См.: Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. М., 2008. С. 117.
- ⁴³ См.: Военно-промышленный комплекс: Энциклопедия. Т. 1. С. 733.
- ⁴⁴ См.: *Свиридов Н.* Наша национальная гордость // Военно-промышленный курьер. 2007. № 49. 19–25 дек.
- ⁴⁵ См.: *Литовкин Д.* Москва показала миру «кузькиного отца» // Известия. 2007. 13 сент.
- ⁴⁶ См.: Известия. 2009. 3 июля.
- ⁴⁷ Цит. по: *Рогов С.* Семь шагов вперед // Независимая газета. 2009. 8 июля.
- ⁴⁸ См.: *Путин В.* Указ. соч.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ См.: Известия. 2012. 19 июля.
- ⁵² См.: *Титенко С.* Поле боя в эпоху цифровых технологий // Военно-промышленный курьер. 2014. № 8. 5–11 марта.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ См.: *Литовкин В.* Секрет ракеты РС-26 // Независимая газета. 2013. 9 нояб.
- ⁵⁵ См.: *Мясников В.* Революция в гособоронзаказе // НВО. 2013. № 44. 29 нояб. – 5 дек.

И.Л. Татаринов

ФАКТОР ПРО В ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вопросы, связанные с формированием глобальной безопасности, входят в число ключевых международных вызовов. Данная проблематика привлекает внимание большого числа исследователей из широкого круга стран. Динамика изменений, произошедших за последнее время в международных отношениях, в том числе в сфере безопасности, столь высока, что потребность их осмысления не утрачивает актуальности. Существенно расширилось и само понятие «безопасность» и стало включать различные аспекты, которые ранее не получали соответствующей научной проработки. Одним из таких аспектов является фактор противоракетной обороны (ПРО). В современном мире вопросы ПРО напрямую затрагивают основы стратегической стабильности и глобальной безопасности, и цена ошибочных решений может оказаться особенно высокой. Поэтому мировому сообществу необходим открытый профессиональный диалог, позволяющий в спокойной, конструктивной атмосфере обсуждать возникающие проблемы и совместно планировать пути их урегулирования.

Ключевые слова: противоракетная оборона (ПРО), глобальная безопасность, фактор ПРО, глобальная система ПРО США, Договор по ПРО, «Европейский поэтапный адаптивный подход» (ЕПАП).

В последние годы влияние фактора ПРО на международную повестку дня становится все более весомым. При этом односторонние шаги по развертыванию систем ПРО, предпринимаемые без учета общего международного контекста и законных интересов других государств, неизбежно влекут за собой ответные меры, создавая тем самым предпосылки для конфронтации и затратной гонки вооружений.

В условиях распространения ядерного оружия и ракетных технологий взаимоотношения в мире характеризуются возможностью

резкой эскалации региональных вооруженных конфликтов и их выхода на глобальный уровень. Поэтому сегодня региональная и глобальная безопасность составляют единое целое и должны быть неделимы.

В современном многополярном мире невозможно обеспечить защиту от всего спектра угроз одного государства или группы государств без учета влияния принимаемых мер на безопасность остальных членов мирового сообщества. Ввиду этого, как подчеркнул в своем обращении 3 мая 2012 г. Президент России Д. Медведев на международной конференции по безопасности, «важно, чтобы противоракетная оборона была адекватной вероятным угрозам и не подрывала стратегическую стабильность в мире»¹.

Несмотря на те революционные перемены, которые произошли в мире после окончания холодной войны, ни политикам, ни военным не удалось придумать ничего лучшего, что заменило бы роль взаимного ядерного сдерживания в сфере обеспечения глобальной безопасности и стабильности. Актуальность этих принципов возрастает именно сейчас, когда вопросы противоракетной обороны вышли за рамки двустороннего взаимодействия между Россией и США и оказывают непосредственное влияние на решения, принимаемые третьими странами по развитию их наступательных потенциалов, а также на ситуацию в области распространения ядерного и ракетного оружия.

В то же время анализ развития событий свидетельствует о том, что по мере развития вооружений и военной техники предпринимаются попытки пересмотра согласованных подходов к роли ПРО в формировании системы глобальной безопасности.

Безусловно, каждая страна или группа стран вправе самостоятельно определять наиболее эффективные средства обеспечения своей безопасности, однако это не должно делаться в ущерб безопасности соседей, что в итоге может повлиять как на региональную, так и на глобальную безопасность. К тому же мировая история неоднократно показывает тщетность и опасность попыток одних государств или групп государств укрепить собственную безопасность за счет других стран. Такая безопасность оказывается заведомо хрупкой и недолговечной.

Развитие ситуации в области ПРО – фактор, который касается не только России, Соединенных Штатов и стран НАТО, но и всего мирового сообщества в целом. Понимая это, в ноябре 2010 г. на саммите в Лиссабоне (Португалия) Россия и НАТО заявили, что безопасность государств Североатлантического альянса и России взаимосвязаны, а отношения между Россией и НАТО представля-

ют собой один из опорных элементов современной архитектуры безопасности не только на евроатлантическом пространстве, но и в значительной мере в глобальном масштабе².

Проблема создания противоракетной обороны и ее влияние на международную безопасность вызывают серьезный интерес со стороны как российских, так и иностранных экспертов. «Первопроходцами» в этой области являются США, которые уже более 60 лет занимаются вопросами разработки и развертывания противоракетных средств. Еще с середины 60-х гг. прошлого века вопрос ПРО стал играть существенную роль в двусторонних отношениях США и СССР/России. Предложение, сделанное США, о начале переговоров об ограничении систем противоракетной обороны, стало результатом глубокого анализа и серьезной переоценки американской стороной фактора ПРО в обеспечении стратегической стабильности. Несмотря на диаметрально противоположные позиции СССР и США, советское руководство приняло это предложение. Более того, согласие на переговоры было дано в условиях, когда советской промышленностью успешно реализовывался целый комплекс противоракетных программ, проводились практические эксперименты.

Показателен и еще один момент – американской стороной было принято предложение СССР об увязке в нем стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

Результатом такого стремления сторон к достижению взаимоприемлемых компромиссов послужил подписанный в 1972 г. договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (ОСВ-1)³, который впоследствии стал важнейшим элементом международного права, обеспечившим сохранение мира на долгие годы.

Первая попытка пересмотра роли ПРО в системе двусторонних отношений была сделана в 1983 г., когда президент США Р. Рейган дал старт программе Стратегической оборонной инициативы (СОИ). Ее целью было провозглашено создание системы противоракетной обороны территории США и их союзников с элементами космического базирования, обеспечивающей защиту от ракетно-ядерного удара со стороны Советского Союза. Однако, столкнувшись с рядом сложных и чрезвычайно дорогих научно-технологических проблем реализации программы «звездных войн», а также в силу общественно-психологического фактора – присутствия мощного оружия в космосе спустя 10 лет США отказались от амбициозных планов по созданию СОИ в ее первоначальном замысле.

Соблюдение США и Россией ключевых положений договора ОСВ-1 в сочетании с договором СНВ-1 (1991 г.) обеспечило безопасность наших народов и мира на рубеже XXI столетия в сложнейшей обстановке прекращения существования биполярного мира.

Впоследствии, в 90-е гг., в условиях формирования новой системы глобальной безопасности, Москва и Вашингтон, сохраняя приверженность договору 1972 г., сумели найти согласованные подходы к определению роли противоракетной обороны в меняющихся условиях.

Итогом двусторонних усилий стала целая серия документов, подписанных в 1997 г. между Россией и Соединенными Штатами⁴. При этом американская сторона согласилась с необходимостью сохранения ограничений на развитие противоракетных систем и их разграничение на стратегические и нестратегические. На основе данных документов началась реализация ряда совместных инициатив: проведение совместных командно-штабных учений по ПРО на театре военных действий в формате «Россия–США» и «Россия–НАТО», создание Центра обмена данными. Но, увы, сохранить механизм «сдержек и противовесов» в сфере ПРО не удалось. Используя аргумент о росте ракетных угроз со стороны Северной Кореи и Ирана, в 2002 г. США пошли на односторонний выход из Договора по ПРО.

В итоге этот шаг негативно сказался на поддержании стратегической стабильности и безопасности в мире и способствовал росту интенсивности ракетных программ в некоторых государствах.

В чувствительную для России стадию планы США перешли после принятия концепции развертывания так называемого третьего позиционного района ПРО в Европе с радиолокационной станцией на территории Чехии и базой перехватчиков наземного базирования в Польше⁵. Впервые со времен окончания холодной войны на европейском континенте в непосредственной близости от российских границ планировалось развернуть военный потенциал, способный негативно повлиять на эффективность стратегических ядерных вооружений нашей страны. Под прицел средств ПРО могли попасть все российские межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), развернутые в европейской части страны вплоть до Урала.

Однако президентом США Б. Обамой было принято решение отказаться от реализации планов предыдущей администрации по развертыванию третьего позиционного района системы ПРО США в Европе (на территории Польши и Чехии), что весьма положи-

тельно оценила российская сторона⁶. В дальнейшем это во многом определило успех переговоров по новому договору о СНВ, подписанному в апреле 2010 г.

Вместе с тем взамен США был принят и представлен в 2009 г. новый план «Европейского поэтапного адаптивного подхода» (ЕПАП), предусматривающий четыре фазы развертывания ЕвроПРО до 2020 г.⁷ По мнению российских специалистов, он не вполне адекватен официально заявленным целям – защите европейских стран от ракетных угроз со стороны Ирана и Северной Кореи – и является серьезным дестабилизирующим фактором в сфере международной безопасности⁸. Плюс ко всему создаваемая американцами и их союзниками по НАТО инфраструктура ПРО в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) явно направлена против российского стратегического партнера – Китая. Все это свидетельствует о том, что одностороннее и ничем не ограниченное создание эшелонированного «противоракетного щита» ведущих стран Запада по главе с США в непосредственной близости от российских рубежей может иметь негативные последствия не только для России, ее союзников и друзей, но и в глобальном масштабе⁹.

Россия разделяет обеспокоенность мирового сообщества возможностью новых витков ракетного распространения. Но, в свою очередь, российское военно-политическое руководство считает, что степень такой угрозы на современном этапе не соответствует тем методам, которые предлагают государства НАТО для ее устранения.

По мнению российских экспертов, создаваемая система ПРО США и НАТО приобретает все более глобальный характер как по своему охвату: Европа, Ближний Восток, зона Персидского залива и АТР, так и по составу участников (США, другие страны – члены НАТО, Япония, Австралия и Южная Корея)¹⁰. Она представляет собой особую угрозу для национальной безопасности РФ, способна привести не только к снижению эффективности российского потенциала сдерживания, но и к подрыву стратегической стабильности и безопасности как на региональном, так и на глобальном уровне. «Мы уже много раз сказали, что видим угрозу, когда наши партнеры создают такие системы, это может привести к обнулению, если мы не будем отвечать, нашего ракетно-ядерного потенциала, что существенным образом нарушит стратегический баланс в мире», – подтвердил Владимир Путин¹¹.

Первые итоги амбициозной концепции «американского щита» хорошо известны: за 2011–2013 гг. Пентагон развернул на постоянной основе ударно-боевые системы ПРО морского базирова-

ния, создал глобальную сеть информационно-разведывательных средств и специализированных командно-штабных органов, а также протестировал каналы их оперативного взаимодействия в режиме реального времени¹². Все это уже на данном этапе предоставляет вооруженным силам США и их союзникам значительные военно-стратегические преимущества. В свою очередь, проведенный научно-исследовательскими организациями Минобороны России глубокий анализ ЕПАП свидетельствует о том, что при реализации третьего и четвертого его этапов появляется реальная возможность поражения российских МБР и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) на различных траекториях полета. Такой вывод был сделан с учетом того, что американские противоракеты «Стандарт-3» (Standard-3 (SM-3/RIM-161)) подлежат существенной модификации, корабельную группировку ПРО планируется довести до 40 судов с сотнями перехватчиков¹³, а противоракеты, развернутые в Польше и предназначенные для борьбы с МБР, окажутся в непосредственной близости от нашей территории. Это в очередной раз подтверждает, что глобальная система ПРО США не виртуальное явление и не «информационная операция», как это пытаются представить некоторые исследователи, а объективная реальность.

Россия не оспаривает права НАТО принимать меры по защите от ракетных угроз, исходящих из-за пределов Европы. Все, чего она добивается, это гарантии того, что система ПРО, которую США и НАТО планируют создавать, не будет через какое-то время направлена на нейтрализацию российского потенциала ядерного сдерживания¹⁴. Приоритетом должна стать разработка адекватной существующим ракетным вызовам и угрозам архитектуры построения ЕвроПРО, которая не будет вызывать озабоченностей ни у одной из сторон.

Однако отказ от обсуждения условий закрепления в юридически обязывающей форме гарантий ненаправленности системы ПРО в Европе против российских стратегических ядерных сил и взаимного сотрудничества в данном направлении лишь укрепляет мысль о том, что реальная цель противоракетного проекта НАТО может отличаться от заявленной.

Кроме того, российское руководство исходит из надуманности ракетной угрозы со стороны Ирана и КНДР. Признавая, что в этих странах реализуются программы создания ракет меньшей и средней дальности, был сделан вывод, что принятие на вооружение Пхеньяном и Тегераном межконтинентальных баллистических ракет – задача крайне трудновыполнимая, если реализуемая вообще, в условиях действия международных санкций.

В то же время российская сторона не могла игнорировать логику европейских партнеров, которые усматривают угрозу собственной безопасности со стороны так называемых непредсказуемых режимов, и неоднократно выходила с компромиссными предложениями о налаживании равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с США и НАТО в области ПРО. Причем в качестве альтернативы односторонним дестабилизирующим шагам предлагались вполне конкретные вещи, включая использование информации с российских радиолокационных станций, а также при необходимости задействование и огневых средств нашей ПРО. Как неоднократно подчеркивал секретарь Совбеза Н.П. Патрушев, «мы были готовы пойти настолько далеко, насколько к этому готова натовская сторона»¹⁵, внося в это совместное предприятие помимо всего прочего и адекватный финансовый вклад.

В этих условиях для достижения компромисса и снятия напряжения во взаимоотношениях Москвы и Брюсселя было принято решение о внесении корректив в развитие отношений в сфере ПРО. Так, на саммите Россия–НАТО в Лиссабоне Дмитрий Медведев предложил новый подход по проблематике ПРО: вместо критики и противодействия планам НАТО по созданию европейской системы ПРО – взаимовыгодное сотрудничество с целью совместного устранения потенциальных ракетных угроз всему европейскому континенту и поддержания стратегического баланса на глобальном уровне.

В качестве исходного варианта был предложен так называемый секторальный подход построения европейской системы ПРО. Он предусматривал при проектировании архитектуры будущей системы общеевропейской ПРО закрепление за Россией северо-восточного сектора. Границы секторов ответственности сторон предполагалось определить в ходе углубленной проработки в формате Россия–НАТО¹⁶.

Данное предложение основывалось на ряде объективных предпосылок. Так, любое техническое средство, применяемое в ПРО, будь то радиолокационная станция (РЛС) или комплекс ракет-перехватчиков, должно характеризоваться определенным сектором обнаружения целей или зоной обороны. В итоге объединение отдельных зон и секторов противоракетных средств России и НАТО составило бы компромиссную систему противоракетной обороны Европы, а в глобальном масштабе – основополагающее звено противоракетной безопасности.

Российские средства ПРО, расположенные на западе и северо-западе страны, могли бы обеспечить прикрытие от ракетных ударов наряду с нашей территорией и часть территории сопредельных государств и морских акваторий.

При этом управление информационными и огневыми средствами ПРО России и стран НАТО было предложено осуществлять по согласованным алгоритмам и правилам применения, а координацию действий – проводить из общего центра управления.

Стоит отметить немаловажный факт того, что планов размещать российские средства ПРО за пределами национальной территории у России не было и нет. Такой подход исключал бы влияние российских средств ПРО на потенциал сдерживания любого государства – участника проекта.

В чем же заключаются, на взгляд российского военно-политического руководства, преимущества «секторального» подхода для России и НАТО?

- В случае позитивного развития сотрудничества это стало бы первым реальным элементом нового коллективного подхода к обеспечению неделимой безопасности в Европе.
- Взаимодействие России и европейских стран могло бы продемонстрировать всему миру, что мы выступаем совместно в решении проблем новых глобальных вызовов и угроз.
- Важной представляется возможность оптимизации расходов на создание европейской ПРО за счет использования потенциалов России и НАТО.
- Совместная противоракетная оборона позволила бы стимулировать развитие технологического сотрудничества.
- Основное – были бы сняты беспокойства в отношении угрозы системы ПРО НАТО российским стратегическим ядерным силам (СЯС), о которых неоднократно заявляли представители нашей страны.

При этом следует акцентировать внимание на то, что Россия не навязывает НАТО свою концепцию создания ПРО в Европе, а лишь приглашает к совместной работе по данному направлению. По словам Д. Медведева, «наше участие должно быть только партнерским». «Либо мы полноценно участвуем, отвечаем за решение тех или иных проблем, или же мы не участвуем вообще»¹⁷.

Однако с сожалением приходится констатировать, что интереса к предложением российской стороны так и не возникло, как не возникло и никакой конкретики, кроме непоколебимости США и их союзников по НАТО реализовать свою одностороннюю программу создания системы ПРО в Европе, несмотря на российские возражения и предостережения.

Одним из основных аргументов непринятия «секторального» подхода является статья 5 Вашингтонского договора, которая интерпретируется его участниками таким образом, что безопасность

членов Альянса не может обеспечиваться государством, не являющимся таковым¹⁸.

Взамен российской стороне была предложена идея «кооперативной» системы ЕвроПРО, представляющая собой две независимые противоракетные системы России и НАТО. Но, в свою очередь, этот подход не мог быть поддержан Россией, так как не устранял существующие озабоченности.

В чем же причина противоречий и почему дискуссия вокруг совместной секторальной и кооперативной ПРО зашла в тупик? Как видно из сравнительной оценки подходов к созданию ЕвроПРО, по большинству позиций точки зрения Москвы и Брюсселя различны (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная оценка подходов к созданию ЕвроПРО

Элемент системы ЕвроПРО	Предложение РФ («секторальный» подход)	Предложение НАТО («кооперативная система»)	Оценка совпадения взглядов
Зона обороны	Совместная, с ответственностью по секторам	Две независимые зоны	Нет
Ответственность	За перехват любой БР, атакующей Европу, в своем секторе	НАТО – за территорию НАТО, Россия – за территорию России	Нет
Информация	Полный обмен ТТХ, данными обнаружения, целераспределения, оценки результатов	Ограниченный обмен данными информации обнаружения, совместные учения	Нет
Огневое поражение	Все БР в зоне ответственности	Только БР, атакующие зону ответственности (в том числе над соседней зоной)	Нет
Решение на поражение	На национальном уровне	На национальном уровне	Да
«Буферная» зона	Не требуется (возможна вне траекторий полета российских МБР)	Возможна (за счет перекрытия зон обороны НАТО и России над российской территорией)	Нет

По мнению российского руководства, оптимальным и сбалансированным решением могла бы стать совместная разработка такой концепции и архитектуры ПРО, которая укрепляла бы безопасность всех без исключения стран континента, была адекватна вероятным угрозам и не подрывала бы стратегический паритет ни на региональном, ни на глобальном уровне. Более того, объективные расчеты экспертов показывают, что совместная ПРО была бы эффективнее любой другой модели взаимодействия и менее затратной для сторон.

Одним из выходов также мог бы стать вариант, в котором натовская зона обороны «не покрывает» территорию Российской Федерации. При этом наше руководство не говорит о введении каких-либо ограничений на технические характеристики средств ПРО. Условие только одно – зоны возможного перехвата современных и перспективных огневых средств ПРО не должны пересекать границу РФ.

Однако если Россию призывают считаться с натовскими опасениями по поводу пока еще во многом надуманных ракетных угроз с южного направления, то обоснованные аргументы Москвы об антироссийском потенциале отдельных элементов создаваемой системы не принимаются во внимание. Поэтому «наша страна вынуждена принимать ответные военно-технические меры, которые: во-первых, должны стать дополнительным сигналом нашим партнерам, что дальнейшее игнорирование российских беспокойств в области ПРО ведет не к повышению безопасности, а к возникновению новой сферы “столкновения интересов”; во-вторых, будут выполняться исключительно в качестве ответных шагов по мере роста опасности нашим СЯС со стороны разворачиваемых США и НАТО средств ПРО», – обозначил начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ Н.Е. Макаров в своем выступлении на международной конференции по противоракетной обороне (май 2012 г.)¹⁹.

Тем не менее слепое противостояние и упорство – это не выбор России, заинтересованной в мирной и стабильной Европе, в поддержании глобальной безопасности путем сотрудничества и взаимодействия.

В свою очередь, Запад должен определиться: стоит ли форсированное строительство собственной системы ПРО под лозунгом защиты от несуществующих ракетных угроз со стороны стран с непредсказуемыми режимами того, что Россия вынуждена компенсировать ее антироссийский потенциал военно-техническими мерами, создающими реальную угрозу тем государствам, на территории которых будут развернуты противоракетные средства.

Москва не отказывается от обязательства воздерживаться от угрозы силой или применения силы друг против друга, закреплен-

ного в Уставе ООН. Но если США и НАТО считают возможным при обеспечении собственной безопасности не обращать внимания на безопасность своих соседей, то нашей стране не остается ничего другого, как принимать адекватные ответные меры.

В данный момент диалог продолжается, и в общих интересах сторон – скорейший выход на взаимоприемлемые договоренности. Это не раз удавалось и в прошлом, когда в конце 1990-х гг. Россия и США достигли разграничения стратегической и нестратегической противоракетной обороны, и на современном этапе – когда был подписан российско-американский договор о СНВ-3, получивший высочайшую оценку во всем мире, в преамбуле которого зафиксирована неразрывная взаимосвязь наступательных и оборонительных вооружений. Несомненно, что и по ЕвроПРО можно также договориться, однако жизненно необходимо сделать это своевременно и без ненужных издержек.

Сейчас перед нашими странами стоит дилемма: либо они смогут пройти тест на сотрудничество и совместно реагировать на новые ракетные вызовы и угрозы, либо Россия будет вынуждена принимать военно-технические меры в зависимости от реализации НАТО своих противоракетных планов²⁰.

Хотя в последнее время все чаще звучат мнения о том, что договориться по ПРО невозможно в принципе, все же выход необходимо искать совместно. Равноправное партнерство Москвы и Брюсселя создаст необходимые условия для укрепления безопасности не только региона, но и всего мира.

Решения и конкретные меры, принимаемые сейчас в области ПРО, будут оказывать влияние на безопасность и стабильность в мире на многие годы вперед. Именно поэтому сегодня, когда Россия и НАТО еще не перешагнули «черту невозврата» в диалоге по ПРО, важно не ошибиться в выборе альтернативы: возврата к конфронтации и гонке вооружения или налаживания взаимовыгодного сотрудничества.

Натовские партнеры, как и мировое сообщество, должны четко осознавать, что ключом к пониманию позиции России по ПРО является принцип равной и неделимой безопасности. Это, по мнению руководства нашей страны, базовый элемент региональной и глобальной стабильности.

Примечания

¹ Фактор противоракетной обороны в формировании нового пространства безопасности / Под ред. зам. МО РФ Антонова А.И. М.: Агентство «Военинформ» МО РФ, 2012. С. 4.

- ² Совместное заявление Совета Россия – НАТО [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/789 (дата обращения: 18.09.2013).
- ³ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1974. Вып. XXVIII. С. 31–35.
- ⁴ Материалы докладов руководства Минобороны России на Международной конференции «Фактор противоракетной обороны в формировании нового пространства безопасности». Начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, первый заместитель министра обороны Российской Федерации, генерал армии Н.Е. Макаров «О взглядах Министерства обороны Российской Федерации на проблемы противоракетной обороны» [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации. URL: http://mil.ru/conference_of_pro/news/more.htm?id=11108033@egNews (дата обращения: 07.02.2013).
- ⁵ *Романец И.* Третий позиционный район ПРО США: предназначение – мнимое и реальное // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 7 С. 1–5.
- ⁶ ЕвроПРО без мифов и политики [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. URL: http://www.nvo.ng.ru/armament/2012-04-13/1_pro.html (дата обращения: 18.05.2013).
- ⁷ United States European Phased Adaptive Approach (EPAА) and NATO Missile Defense [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/162447.htm> (дата обращения: 09.05.2013); The European Phased Adaptive Approach at a Glance [Электронный ресурс] // Arms Control Association. URL: <http://www.armscontrol.org/factsheets/Phasedadaptiveapproach> (дата обращения: 11.07.2013).
- ⁸ *Козин В.П.* Новое пространство безопасности и фактор ПРО // Красная звезда. 2012. № 76. 28 апр.
- ⁹ Презентация монографии В.П. Козина «Эволюция противоракетной обороны и позиция России (1945–2013)» [Электронный ресурс] // Центр военно-политических исследований. URL: <http://eurasian-defence.ru/node/26314> (дата обращения: 23.10.2013).
- ¹⁰ *Козин В.П.* Эволюция противоракетной обороны и позиция России (1945–2013). М.: РИСИ, 2013. 384 с.
- ¹¹ ЕвроПРО грозит обнулением ракетно-ядерного потенциала России – Путин [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://www.ria.ru/politics/20211220/915620777.html#13932524139213&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (дата обращения: 19.07.2013).
- ¹² *Козин В.П.* Эволюция противоракетной обороны и позиция России...; Парадоксы ползучей ПРО. Противоракетная система США создается под явно надуманным предлогом [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/notes/2013-09-27/14_pro.html (дата обращения: 07.10.2013).
- ¹³ Standard Missile [Электронный ресурс] // America's NAVY. URL: http://www.navy.mil/navydata/fact_display.asp?cid=2200&tid=1200&ct=2 (дата обращения:

- 14.11.2013); *Kozin V. Missile Defense Arms Race* // The Moscow Times. 2013. № 5262. Nov. 25.
- ¹⁴ Выступление секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушева [Электронный ресурс] // ОАО «Телерадиокомпания Вооруженных сил РФ “Звезда”». URL: <http://www.tvzvezda.ru/schedule/specialprojects/content/201204281353-w91r/htm/201205031211-af96.htm> (дата обращения: 14.08.2013).
- ¹⁵ Россия предложила НАТО свой вариант ЕвроПРО [Электронный ресурс] // РБК daily. URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949983731620> (дата обращения: 20.10.2013).
- ¹⁶ *Макаров Н.Е.* Ракеты под общим присмотром // Российская газета. 2010. № 5343(264). 23 нояб.
- ¹⁷ Саммит Россия – НАТО: подводя итоги [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <http://www.Interfax.ru/print.asp?sec=1446&id=165850> (дата обращения: 24.12.2013).
- ¹⁸ Североатлантический договор [Электронный ресурс] // NATO. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm (дата обращения: 12.09.2013).
- ¹⁹ Фактор противоракетной обороны в формировании нового пространства безопасности. С. 22.
- ²⁰ Там же. С. 10.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ И ПРАВА КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (На примере политико-экономического сотрудничества США и Королевства Саудовская Аравия)

В статье предпринята попытка теоретического осмысления роли языка и его понятийного аппарата в определении характера международных отношений Запада и Востока на примере США и Королевства Саудовская Аравия (КСА).

Автор анализирует саму природу языкового понятия, выявляя причины частого несоответствия содержания того или иного идеологического и/или политико-правового института его языковому оформлению.

Рассматривая наиболее частотные понятия (*добро, зло, право справедливости, правило устранения зла, доверие, свобода* и т. д.), используемые Соединенными Штатами в отношении себя и/или других стран, автор приходит к заключению о субъективном смысловом «наполнении» этих понятий, зависящем исключительно от сиюминутной внутривнутриполитической или международной прагматики.

Аналогичному анализу автор подвергает и религиозный язык КСА («*государство единобожников*», «*королевство истинного ислама*», «*Ханбалитская школа суннитского ислама как единственная версия ислама*», «*остров религиозной чистоты*»), используемый при формулировании основных принципов государственного строительства Королевства и в значительной степени определяющий характер его международного сотрудничества с США.

Ключевые слова: язык политики и права, мессианский язык, правовая система, теократическое государство, демократическое государство.

Специфической характеристикой понятия традиционно считается невозможность «ограничить его правилами со всех сторон», поскольку «объем понятия не очерчен границей»¹. Вывод из этого более чем пессимистичен для науки, в которой, как оказалось, невозможно сформулировать окончательное определение понятия. Речь в данном случае идет не только о

юриспруденции, но и о науке политической, в которой понятия конструируются «по договоренности», имея в качестве конечной цели создание единого понятийного языка. Последний (зачастую вне зависимости от места его применения) основывается на идеологических предпочтениях той или иной политико-правовой системы. Так, в период существования Советского Союза определения таких понятий, как *демократия*, *капитализм*, *социализм* и др., совпадали по значению в пределах одной идеологии и были диаметрально противоположны по смыслу, если принадлежали к разным идеологиям. При этом формирование понятийного языка политики СССР и США (вне зависимости от их идеологии) проводилось по приблизительно одинаковым законам: принижение достижений противоположной стороны, преобладание субъективно-оценочной информации над фактуальной и т. д. В языке обеих стран присутствовали приблизительно одни и те же понятия, но наполненные разным (а иногда и противоположным) смыслом, что не могло не сказаться на характере их международного сотрудничества.

Чем более абстрактным было то или иное политико-правовое понятие, тем более субъективным и идеологизированным смыслом оно могло быть наделено. Пример тому – понятие *свободы*, которым за последние два столетия воспользовались чуть ли не все без исключения идеологии. Вопрос о том, какую из трактовок понятия *свободы* возможно было бы поместить в качестве общего элемента современной политико-правовой теории, остается открытым: интерпретационный ресурс этого понятия настолько богат, что каждая идеология пользуется своей трактовкой исходя из сиюминутной политической прагматики.

Существует целый ряд ангажированных идеологией понятий, которые, как и понятие *свободы*, не нейтральны. Вследствие этого сравнительный анализ понятий традиционно включает их интерпретацию. Но если интерпретация политических понятий определяется идеологией, то интерпретация языка права в значительной степени обусловлена большим количеством исторических факторов, находящихся в прямой зависимости от развития правовой и речевой культуры конкретного народа.

Язык политики и права, таким образом, обладая мощнейшим интерпретационным ресурсом, выступает важным параметром сравнения политико-правовых систем разных стран, отвечая на вопрос о том, как, а главное, почему один и тот же правовой или политический феномен в разных государственных системах обозначается (а значит, и интерпретируется) по-разному.

Проблема соотношения понятия с его истинным первоначальным смыслом отчетливо прослеживается на примере английского понятия “law” (право), имеющего явно иностранное, а точнее – датское, происхождение. «Датские завоеватели в IX столетии подвергли новому скандинавскому влиянию восточные части острова [Англии. – Б. А.], и, где бы они не появлялись, там возникало “датское право”»² (Dane law)³.

На континент же понятие «право» пришло из архаической латыни и обозначалось термином “ius”, что в переводе означает «клятва Юпитером». Другими словами, понятие «право» восходит к религии. Но если на континенте право выделилось и отделилось от религии под влиянием Нового Завета, то в Великобритании и США понятие “law” осталось связанным с религиозной доктриной. Так, английский монарх как глава государства является одновременно главой Англиканской протестантской церкви. Американские президенты обязаны быть верующими и приносить присягу на Библии⁴. Таким образом, результатом ветхозаветного восприятия права выступает его единение с религией в рамках теологической теории происхождения государства и права (вся власть от Бога). Следствием подобного единения стало употребление в англо-американской правовой семье таких политико-правовых понятий, как зло (*evil*), справедливость (*equity*), Бог (*God*), доверие (*trust*), свобода (*freedom*), демократия (*democracy*), друг (*friend*) («друзья Суриус»⁵), миссионер, мессианство, правило устранения зла (*Mischief Rule*)⁶, общее благо (*commonwealth*), аморальное поведение, враждебные институты и т. д. По совокупности эти понятия характеризуют язык права США и Великобритании как «морально-этический», «религиозный», «мессианский язык».

Что делает язык права этих стран мессианским? По мнению автора, главным критерием, который придает английскому и американскому праву мессианский характер, является юридическая формула «Бог в праве». Американский политолог Джозеф Най актуализировал тему религии в мировой политике в работе «Гибкая власть» (“Soft Power”), проводя прямые параллели между верой, религиозной жизнью, с одной стороны, и экономикой, дипломатией – с другой⁷.

В основе описания правовых и политических институтов посредством религиозных и моральных понятий лежит так называемый *легалистско-моралистический подход*, выдвинутый известным историком дипломатии Дж. Кеннаном во второй половине XX в. Последний предполагал возможность оценивать *с моральной точки зрения* не только поведение отдельных индивидов, но и отношения

между государствами⁸. Позднее сам Кеннан подверг выдвинутый им подход резкой критике. Он пришел к выводу о том, что, игнорируя непредсказуемый характер международных отношений и настаивая на собственном моральном превосходстве, Соединенные Штаты «придают насилию более устойчивый, страшный и разрушительный для политической стабильности характер», чем это было раньше, когда в основу национальных интересов ставились другие принципы⁹.

Моральное и религиозное измерение политики и права в рамках легалистско-моралистического подхода неизбежно привело к формированию такой важной особенности языка права и правовой системы США, как *мессианство* (от лат. *missio* – посылка, поручение). Мессианство как теоретическое учение об особой роли какого-либо народа (в данном случае – американского) в судьбах человечества дало толчок для появления и развития в США соответствующего мессианского языка. Последний традиционно используется во многих религиозных направлениях протестантизма (баптисты, мормоны, сайентологи, адвентисты, «Свидетели Иеговы» и т. д.), где существуют должности миссионеров, цель которых – обращение неверующих или представителей иных религий в свою веру средствами религиозной мессианской риторики.

В XX в. с приходом к власти Г. Трумэна (1945), а позднее Д. Эйзенхауэра (1953) и Л. Джонсона (1963) мессианский язык (но не религиозный, а политический) прочно вошел в президентскую риторику США в форме таких понятийных кластеров, как *«осуществление мировой ответственности»*, *«исполнение выпавшей на долю США миссии»*, *«миссия управления миром»*¹⁰ и т. д.¹¹

Если мессианский язык США тяготеет к языку политики и права, то морально-этические понятия, которыми изобилует терминологический аппарат Королевства Саудовская Аравия, восходят к мессианскому языку религии. К наиболее «мессианским» можно было бы отнести такие понятия, как *принцип единобожия (таухид)*, *священная война (джихад)*, *справедливость, религиозный наставник (мутава)*, *порицаемые шариадом вещи (грех, порок)*, *остров религиозной чистоты, дом шайтана*¹² и т. д.

Целью религиозной риторики КСА была и остается пропаганда высокого статуса Саудовской Аравии как *«острова религиозной чистоты»* (не случайно в арабском языке Аравийский полуостров обозначается как «Остров арабов»), полностью изолированного от остального мира и не запятнанного вульгарностью Запада. Еще основатель Саудовской Аравии король Ибн Сауд в самом начале XX в. заявил, что его «королевство будет существовать до тех пор,

пока оно будет оставаться труднодоступной страной и пока единственным желанием любого иностранца, завершившего здесь свои дела, будет только одно: поскорее убраться вон»¹³. Сохранение королевства как «труднодоступного» (для иностранцев и иноверцев) «острова религиозной чистоты» возможно лишь при соблюдении основного принципа государственного правопорядка, нашедшего свое отражение в понятии *единобожия (таухида)*. Выражением единобожия является понятие *шахада*. Общеизвестным является то, что понятие *шахада* (обозначаемое в арабском языке одним словом) как мусульманский символ веры выливается в один из основных принципов государственного строительства в мусульманских государствах: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его».

США, как и Саудовская Аравия, претендуют на историческую исключительность, широко используя политико-правовые понятия мессианского языка, которые по смысловому наполнению кардинальным образом отличаются от мессианской риторики КСА.

Понятийный тандем «*свобода – демократия*» не только провозглашает суть политического режима США, но и выступает неким культурным эталоном, воплощением американской государственной мечты, настаивая на *исключительности* американского государства в предоставлении всем гражданам широких возможностей. В США существует несколько исторических достопримечательностей, в названии которых фигурирует понятие «*свобода*» (статуя, факел, башня, колокол свободы). В то же самое время главный небоскреб Нью-Йорка носит название «Эмпайр-стейт-билдинг» (Empire State Building) и переводится как «Здание имперского штата». «Имперским штатом» часто нарекают и сам штат Нью-Йорк. Такое неофициальное название связано с высказыванием Дж. Вашингтона о том, что «штат Нью-Йорк будет базой нашей *империи*». И наконец, большинство строений Вашингтона (выполненных в белом мраморе) напоминает римскую архитектуру периода империи. Тем не менее американские политики избегали и избегают использовать понятие «*империя*» при описании государственного устройства США. На то есть две причины. Первая – политическая: империя как разновидность монархии противостоит республике. Вторая – языковая: этимологически понятие «*империя*» связано с понятием «*зло*», которое исторически восходит к религиозному институту «*греха*» – прямому или косвенному нарушению религиозных заповедей (заветов Бога, предписаний и традиций)¹⁴. Само понятие «грех» не выходит за рамки религиозного пространства, но его синонимами в языке политики выступают такие понятия, как «*зло*», «*социальное зло*» или «*аморальное явление*»¹⁵.

Использование в политическом лексиконе США таких претендующих на истину в последней инстанции выражений, как «*империя зла*» (evil empire) в отношении СССР и «*ось зла*» (axis of evil) в отношении Ирака, Ирана, Сирии и Северной Кореи, имело целью обозначить данные государства как тоталитарные и при этом освобождало США от каких-либо объяснений на тему, что есть тоталитарное государство: зло есть зло. Напомним, что понятие «*империя зла*» ввел президент США Рональд Рейган. В своем выступлении перед Национальной ассоциацией евангелистов США во Флориде 8 марта 1983 г. Рейган окрестил Советский Союз «империей зла» (а также «центром зла в современном мире») и объявил своей главной задачей борьбу с ним. Примечательно, что для мессианского языка характерно вот такое безапелляционное навешивание ярлыков, которые довольно быстро инсталлируются в национальное сознание средствами СМИ.

В течение почти полувека (1945–1990-е гг.) основой внешней политики США выступало сдерживание коммунистической угрозы во всем мире. Поэтому понятия прогресса и национального самоопределения применялись лишь к тем режимам стран третьего мира, которые поддерживали политику Вашингтона *независимо от реального содержания их политических режимов*¹⁶.

Нейтральная внешняя политика таких государств, как Индия, Египет и Сирия, вызывала весьма жесткое сопротивление США. Государственный секретарь А. Даллес объявил, что нейтралитет является «устаревшей концепцией», а нейтральное поведение в мире характеризуется как «*аморальное*»¹⁷. Аморальное поведение или аморальная склонность, которые превращаются в пагубную привычку, традиционно трактуются в религии как *порок*.

В этой связи США выступают в двух ипостасях: как *светское демократическое государство* и как теократия, которая посредством *ортодоксального мессианского языка* оперирует только двумя абсолютными истинами: *добро* и *зло*. Язык веры тоталитарен по своей сути, поскольку использует понятия, ограничивающие объем определения самих понятий. Если понятие *демократия* означает наличие выбора, то мессианский язык США имеет тенденцию поделить весь мир на *добро* и *зло*, не только ограничивая выбор, но и воспринимая сами понятия *добро* и *зло* (оторванные в политическом контексте от контекста религиозного) как абстрактные и наполняя их субъективным содержанием в соответствии с субъективным сиюминутным прагматизмом.

Теократия (как власть Бога) и демократия (как власть народа) в государственном строительстве – явления, слабо поддающиеся

смысловому (а значит, и языковому) соотношению. В светской и религиозной сфере – свой источник власти, своя система ценностей. Не случайно пастушеский жезл – непреходящий исторический атрибут духовной власти Папы Римского: именно он [атрибут] уподобляет Верховного понтифика пастуху, управляющему своим «стадом». Но «стадо» по определению не может быть источником власти в отличие от «народа» – единственного источника власти в демократическом государстве. Бывший госсекретарь США М. Олбрайт в своей работе «Религия и мировая политика» резюмирует глобальную проблему относительно столкновения двух основополагающих представлений о мире. Согласно одному из них, единственным источником силы и могущества является Бог, согласно другому – народ¹⁸. Где заканчивается Божий замысел и начинается свободная воля человека? Пытаясь если не ответить, то хотя бы обозначить связанный с этим вопросом американский парадокс, российский журналист Ю. Сигов пишет: «При том, что рядовые американцы на порядок свободнее граждан многих других стран, их отношение к религии или церкви в стране можно сравнить, по моим наблюдениям, только с самыми “зацикленными” исламскими государствами, где религиозные начала – сама суть жизни, ее философское осознание»¹⁹.

Неразделенность светского и духовного начала в американской государственности ведет к проникновению религиозного языка в политический дискурс большинства президентов США. Яркий пример тому – риторика Дж. Буша-младшего, не раз заявлявшего о том, что долг Америки «*избавить мир от зла*» (сражаясь со злом в лице международного терроризма) и что, «*восстанавливая в Ираке свободу, Америка тем самым выполняет Божий завет*». И наконец, его предвыборное заявление «*Бог хочет, чтобы я стал президентом*»²⁰ – не что иное, как попытка средствами религиозной риторики обосновать право на лидерство, ассоциируя свою программу действий с Божьей волей, а любое несогласие с ней – с выступлением против нее.

Подобная позиция американского президента роднит его с королями, эмирами и султанами Ближнего и Дальнего Востока, которые, как и США, широко пользуются религиозной риторикой, но, в отличие от них, не признают существования оппозиции, политических партий и парламента.

Возвращаясь к понятию *зло* и использованию его в международной политике, напомним, что словосочетание «*ось зла*» было использовано Дж. Бушем-младшим в ежегодном обращении к Конгрессу 29 января 2002 г. для описания режимов, спонсирующих, по

мнению США, терроризм или разрабатывающих оружие массового поражения и способных передать его террористам. В то же самое время главный экспортер нефти в мире – Королевство Саудовская Аравия (абсолютная теократическая монархия с тоталитарным [с точки зрения самих американцев] режимом, единственной государственной идеологией которой является ваххабизм/салафизм) – один из основных союзников США в мире. Невольно возникает вопрос о том, что является причиной успешного диалога между государствами со столь разными формами правления.

В начале 1990-х гг. большинство российских исследователей (В.С. Нерсисянц, А.С. Алексеев и т. д.) утверждали, что в качестве главной причины противостояния США и СССР выступает идеологический фактор, а именно антагонистические противоречия политических режимов СССР и США. Однако после распада СССР и принятия демократической конституции в Российской Федерации отношения между США и Новой Россией не претерпели явных изменений к лучшему. *Следовательно, общность политических режимов не является определяющим фактором успеха межгосударственного диалога.* В противном случае по логике США правопорядок Саудовской Аравии неизбежно должен был оказаться в числе «тоталитарных» наряду с правопорядками таких государств «оси зла», как Ирак, Северная Корея, Сирия и Иран. Однако этого не произошло ввиду исключительной политической и экономической важности Саудовской Аравии для США. Приняв концепцию Г. Догерти о консервации и сохранении собственных запасов углеводородов, США вынуждены ввозить все больше импортной нефти, и значительную ее часть составляет «черное золото» Саудовской Аравии. Вкладывая все больше инвестиций в экономику королевства, США укрепляют государство, тоталитарное по своей сути, но при этом имеющее общие с США практические интересы и пользующееся аналогичной религиозной риторикой. Таким образом, *США относят понятие «зло» не столько к тоталитарным государствам, сколько к своим геополитическим противникам.* При этом отнюдь не связанные с языком обстоятельства (импорт/экспорт нефти) становятся толчком для появления особого *международного* языка, призванного скрывать истинную прагматику тесного межгосударственного сотрудничества, выдвигая на первый план отнюдь не идеологические, а экономические интересы.

Примечательно, что аналогично тому, как американские президенты Р. Рейган и Дж. Буш-младший пользовались морально-религиозным понятием «зло» (в той части своей риторики, которая описывала противников), политические лидеры Саудовской Ара-

вии интерпретировали понятие «многобожник» (мушрик). «Возникновение последнего, – пишет известный российский востоковед А.М. Васильев, – связано, с одной стороны, с религиозным конфликтом между новым реформаторским движением ваххабитов и иранским суфизмом, имевшим в своей основе известное христианству культ святых, а с другой – с грабительскими набегами (газу) аравийских племен на своих соседей». «При отсутствии сильной централизованной власти, – продолжает Васильев, – для ваххабитов все противники были “многобожниками”. Нужно ли говорить, какие преимущества могло обеспечить ваххабитское учение эмиру, взявшему его на вооружение? Ведь он из обычного предводителя разбойничьего набега на соседей превращался в борца за “чистоту религии”, а его противники становились “слугами дьявола”, “идолопоклонниками”, “многобожниками”»²¹. И если в традиционном исламе Людей книги (христиан и иудеев), язычников и атеистов разделяли, то в Саудовской Аравии всех не-мусульман объединили в категорию «многобожники-язычники» (читай – источники зла).

Если в Саудовской Аравии средствами борьбы против многобожников выступали джихад и Комитет добродетели (и соответствующая этим понятиям религиозная риторика), то в международной политико-правовой риторике США после терактов 11 сентября 2001 г. закрепилось понятие «война с терроризмом». В третьем своем заявлении по поводу событий 11 сентября Дж. Буш-младший заявил: «...и мы выиграем *войну против терроризма*». Он развил эту мысль 20 сентября 2001 г. в своем обращении к Конгрессу и американскому народу, зачитанном на совместном заседании обеих палат парламента США, заявив: «Наша *война с терроризмом* начинается с “Аль-Каиды”, но этим не закончится. Она не завершится, пока каждая террористическая группа в мире не будет найдена, остановлена и побеждена». Позднее Буш сформулировал доктрину современной войны с терроризмом, сравнив ее с холодной войной, с идеологической борьбой с врагом, «который презирает свободу и преследует тоталитарные цели...».

«Сегодняшний мир, – отмечает Н.И. Басовская, – переживает, я полагаю, на глобальном всемирно-историческом уровне очередную вихорь “насильственной коммуникации” Востока и Запада. При этом во взаимодействии цивилизаций наметилась тенденция к перемене полюсов: мусульманский Восток пытается методами социокультурного и демографического давления навязать Западу свои ценности. Западные цивилизации стремятся этому воспротивиться, преодолевая (но не отвергая) ими же созданные принципы толерантности и взаимопонимания...»²². «Насильственный» обмен

такими разными по своей сути ценностями не может, казалось бы, не приводить к разъединению государств, стоящих по разные стороны «геополитических баррикад». В чем же заключается секрет успеха экономической, военной и политической интеграции двух таких непохожих друг на друга государств, как США и КСА? Одна из причин – строгое следование всем неписаным правилам использования мессианского языка.

Английский историк Роберт Лейси, описывая встречу короля Саудовской Аравии Абдаллы и Дж. Буша-младшего, ссылается на мнение одного из помощников короля: «Я думаю, им помогло то, что оба они – люди очень верующие, несмотря на то, что это люди разной веры» (“I think it helped that they were both very religious. They were two men of faith, even though their faiths were very different”)²³. Иными словами, несмотря на то что вера может быть разной, общее между ее носителями заключается в том, что и те и другие являются верующими. Это дает возможность с помощью общего языка (выражающего религиозные, культурные, исторические ценности) договариваться таким разным с точки зрения права и политики государствам, как США и Саудовская Аравия. Эти договоренности находят свое подтверждение в письме американского президента Г. Трумэна королю Саудовской Аравии Ибн Сауду: «Соединенные Штаты заинтересованы в сохранении независимости и территориальной целостности Саудовской Аравии. Любая угроза Вашему королевству будет немедленно воспринята как требующая внимания и заботы Соединенных Штатов». Такое послание звучало как гарантия. Это был невероятный союз – союз бедуинов и техасских нефтяников, союз традиционной исламской автократии с современным американским капитализмом. Однако этому союзу было суждено выжить²⁴.

После арабского нефтяного эмбарго 1973 г. Саудовская Аравия была интегрирована в экономику США. Даже теракты 11 сентября 2001 г. не поколебали устоявшихся отношений между двумя странами: многомиллиардные инвестиции США, вложенные в экономику королевства, не могли быть потеряны безвозвратно в результате войны с ним. (Как следствие, главными объектами «войны с терроризмом» стали менее богатые исламские страны – Афганистан и Ирак.) Язык и ценностные понятия, используемые в международном языке США, стали средством содействия развитию их отношений с КСА и одновременно – средством отчуждения от тех исламских государств, которые попали в разряд «террористов». Традиционное разделение на «свой – чужой» наблюдается в политическом языке международных отношений с незапамятных времен. Вопрос лишь в том, какими понятиями обозначать это противопоставление: понятиями принад-

лежности (господин – раб) в римском праве, расистскими понятиями (ариец – недочеловек, японец – «дрова») в национал-социалистическом праве и японском праве, идеологическими понятиями (коммунист – капиталист) в советском праве, религиозными понятиями (единоверец – многобожник) в Ханбалитском мазхабе Саудовской Аравии или морально-этическими понятиями (добро – зло) в англо-американском праве.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Лезов С.В.* Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях: Научно-аналитический обзор. М., 1986. С. 22.
- ² Данелаг (область датского права; др.-англ. *Dena lagu*; дат. *Danelagen*; англ. *Danelaw*) – территория в северо-восточной части Англии, отличающаяся особой правовой и социальной системой, унаследованной от норвежских и датских викингов, завоевавших эти земли в IX в. После восстановления власти англосаксонских королей над Данелагом в начале X в. скандинавское право и обычаи были сохранены, а многие перешли в общеанглийскую практику.
- ³ *Baker J.H.* Introduction to English Legal History. 2nd ed. L.: Butterworths, 1979. P. 3.
- ⁴ По замечанию Н.В. Злобина, «большинство американцев убеждены, что никогда не проголосуют на выборах за атеиста, неженатого или разведенного кандидата. Требования к будущему президенту определяются по следующей иерархии: он должен быть верующим (протестантом), иметь семью (жену и детей), проживать на территории США не менее четырнадцати лет и соответствовать возрастному цензу (не меньше тридцати пяти лет) (раздел 1 статьи 2 Конституции США)» (*Злобин Н.В.* Америка... Живут же люди! [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.Ru. URL: http://royallib.ru/book/zlobin_nikolay/amerika_givut_ge_lyudi.html (дата обращения: 02.02.2014).
- ⁵ Группа «Друзья Сирии» (англ. *Friends of Syria*) – международный дипломатический коллектив стран, периодически встречающихся для обсуждения ситуации в Сирии за пределами Совета Безопасности (СБ) ООН. Коллектив был создан в ответ на вето России и Китая на резолюцию СБ, осуждающую Сирию.
- ⁶ Данное правило предусматривало в случае обнаружения какой-либо неясности текста или отдельных слов в законодательном акте право суда на обращение к праву, действовавшему до принятия закона. Таким образом, правило позволяло предупредить возможность неправильного применения законодательного акта в целом (*Романов А.К.* Правовая система Англии: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Дело, 2002. С. 150–153).
- ⁷ *Малуха М.* Бог в большой политике. Геополитическая реабилитация религии и будущее христианства в XXI веке [Электронный ресурс] // Religio.ru: Эксперты о религии. URL: <http://religio.ru/journal/13907> (дата обращения: 02.02.2014).

- ⁸ Лозанский Э.Д. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. М.: Международные отношения, 2004. С. 54.
- ⁹ Там же. С. 56.
- ¹⁰ Там же. С. 47.
- ¹¹ Такие же «религиозность и морализаторство» свойственны и правовым институтам англо-американского права. Наиболее известным из них является *доверительная собственность*, обозначаемая понятием «доверие» (trust). Этот институт часто применяется в Англии для выполнения различных практических задач: охраны имущества недееспособных лиц, замужних женщин, ликвидации наследства. Его часто используют для организации и деятельности благотворительных и иных учреждений. Таким образом, понятие «доверие» служит в английском языке обозначением как морально-этической нормы, так и правового института.
- ¹² Будущий король Саудовской Аравии Фейсал хотел открыть кинотеатр в столице государства, но шейхи, вожди племен, мусульманское духовенство, узнав об этом, заявили королю, что покинут страну, если будет открыт «дом *шайтана*». Появление на экране человеческого лица приводило последователей строгого ваххабитского учения в ужас.
- ¹³ Цит. по: *Олбрайт М.* Религия и мировая политика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 235.
- ¹⁴ Грех [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Грех> (дата обращения: 02.02.2014).
- ¹⁵ *Никонов А.* Свобода от равенства и братства. Моральный кодекс строителя капитализма. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.Ru. URL: http://royallib.ru/book/nikonov_aleksandr/svoboda_ot_ravenstva_i_bratstva_moralniy_kodeks_stroitelya_kapitalizma.html (дата обращения: 02.02.2014).
- ¹⁶ Лозанский Э.Д. Указ. соч. С. 59.
- ¹⁷ Там же. С. 65.
- ¹⁸ *Олбрайт М.* Указ. соч. С. 248.
- ¹⁹ *Сигов Ю.* Необычная Америка: за что ее любят и ненавидят. М.: Коммерсантъ; Альпина нон-фикшн, 2011. С. 16.
- ²⁰ Цит. по: *Олбрайт М.* Указ. соч. С. 26.
- ²¹ *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1998 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторической литературы. URL: <http://rikonti-khalsivar.narod.ru/Saud.htm> (дата обращения: 02.02.2014).
- ²² *Басовская Н.И.* Цивилизация Запада и Востока: пути коммуникации [Электронный ресурс] // Российский государственный гуманитарный университет. Вестник РГГУ. URL: http://rggu-bulletin.rggu.ru/binary/2625532_24.1349168149.42416.pdf (дата обращения: 02.02.2014).
- ²³ *Lacey R.* Inside the Kingdom: Kings, Clerics, Modernists, Terrorists, and the Struggle for Saudi Arabia. L.: Arrow Books, 2010. P. 285.
- ²⁴ Ibid. P. 273.

IV. Страны и регионы в современной системе международных отношений

И.Ю. Кравченко

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Б. ОБАМЫ (На примере Института Брукингса и «РЭНД Корпорэйшн»)

Статья посвящена анализу деятельности экспертно-аналитического сообщества США в отношении палестино-израильского конфликта в период президентства Б. Обамы. Особый акцент делается на специфике работы американских «мозговых центров» и их проектах по урегулированию ближневосточного конфликта.

Ключевые слова: США, Ближний Восток, внешняя политика, палестино-израильский конфликт, «мозговые центры».

Существенную роль в выработке внутренней и внешней политики США играют так называемые мозговые центры (think tanks), или экспертно-аналитические центры¹. Первые такие организации появились при президенте Вудро Вильсоне для поиска основ нового международного порядка после Первой мировой войны. Ученый состав исследовательских центров был уполномочен давать аналитические и экспертные оценки, выработать подходы и концептуальные объяснения международных процессов.

«Мозговые центры» стали развивать и правительства многих других государств. Однако и сегодня лидирующую роль в изучении глобальных и региональных процессов продолжают играть такие американские организации, как Институт Брукингса (Brookings Institution), «РЭНД Корпорэйшн» (RAND Corporation), Фонд Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace), Совет по внешней политике (Council on Foreign Relations) и Центр стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies)².

В данной работе основное внимание уделено двум наиболее влиятельным «мозговым центрам»: Институту Брукинга и «РЭНД Корпорэйшн». Главной задачей является определение подходов этих центров к современной ситуации в палестино-израильском конфликте и их воздействие на внешнюю политику США.

Прежде всего необходимо отметить, что степень влияния тех или иных «мозговых центров» на процесс принятия внешнеполитических решений в США во многом зависит от политической принадлежности избранного президента, самостоятельно назначающего своих советников – выходцев из различных экспертно-аналитических центров. По мнению эксперта по внешней политике США Т.А. Шаклеиной, «многие идеи, оценки, выводы и прогнозы получают отражение во внешнеполитических документах США – стратегиях национальной безопасности, звучат в заявлениях президента и членов администраций, конгрессменов, журналистов»³.

Тем не менее Белым домом всегда использовались данные большинства таких организаций. Это явилось залогом сбалансированной внешней политики США вплоть до прихода к власти Джорджа Буша-младшего, отдавшего предпочтение лишь одному «мозговому центру» – проекту «Новый американский век» (Project for the New American Century)⁴. Отличительными особенностями этого центра были идеи мировой гегемонии США и представление мира в ракурсе однополярности. Так, благодаря этой организации была пролоббирована идея превентивных ударов, которая господствовала в течение 10 лет.

Ученые и эксперты, работающие в «мозговых центрах», регулярно перемещаются на государственные должности и в обратном направлении. Такой феномен получил название «система вращающихся дверей»⁵. Таким образом, как пишет Ли Гамильтон, президент Международного научного центра им. Вудро Вильсона в 1999–2010 гг., «подобные центры являются полигоном для будущих высокопоставленных представителей американской администрации»⁶.

Так, в 2013 г. на пост специального помощника президента США по Ближнему Востоку, Северной Африке и региону Персидского залива был назначен Филипп Гордон – ведущий сотрудник Института Брукинга⁷. Многие члены команды Белого дома по Ближнему Востоку являются сотрудниками Центра стратегических и международных исследований.

Институт Брукинга был основан в 1916 г. на базе Института правительственных исследований, в задачу которого входило изучение внутренней политики США, и представляет собой коммерче-

скую общественно-политическую организацию, способствующую благодаря междисциплинарной исследовательской работе всеобъемлющему пониманию (в частности, политическими деятелями) различных альтернатив внутренней и внешней политики государства. По словам президента США Л. Джонсона, этот «мозговой центр» проводит «тщательные исследования» и дает «объективную оценку»⁸. Сам Институт старается подчеркивать свою роль в качестве производителя экспертизы с высоким «кредитом доверия»⁹. По политической и идеологической ориентации эта организация принадлежит к категории «центристских», совмещая консервативные идеи с прогрессистскими¹⁰. Институтом были определены следующие основные *цели* его деятельности:

- усиление американской демократии;
- обеспечение роста экономического и социального благополучия, безопасности и прогресса всех граждан Америки;
- гарантия и укрепление более открытой, безопасной и процветающей международной системы.

В качестве *приоритетов* были обозначены:

- энергия и климат;
- международная безопасность и дипломатия в условиях динамичного развития экономики;
- инновационное развитие;
- национальные системы образования и здравоохранения¹¹.

«РЭНД Корпорэйшн» представляет собой негосударственный экспертно-аналитический центр, созданный в 1948 г. с целью изучения проблем военно-политического характера. Центр предоставляет военным органам США результаты всесторонних исследований и соответствующие выводы по вопросам безопасности и сопряженных проблем. «РЭНД Корпорэйшн» является ярким представителем второй волны эволюции подобных центров, которые стали финансироваться правительством. Центр также проводит военный анализ стратегических данных, сотрудничающая с разведывательными органами Министерства обороны США¹².

По размеру бюджета, составившего, согласно данным за 2013 г., почти 300 млн долл., «РЭНД Корпорэйшн» обогнала все другие «мозговые центры»¹³. На государственные заказы пришлось 82 %, 8 % составили взносы неафишируемых инвесторов, 2 % – частные заказы¹⁴. Однако Корпорация старается придерживаться беспристрастных взглядов в изучении различных вопросов, благодаря чему имеет статус авторитетной организации среди научного сообщества. Как и Институт Брукинга, «РЭНД Корпорэйшн» располагает высокопрофессиональными сотрудниками, а также

занимается междисциплинарными исследованиями, что дает ей определенное преимущество по сравнению с другими «мозговыми центрами»¹⁵. Именно «РЭНД Корпорэйшн» впервые начала использовать системный подход к анализу и сбору информации.

Миссия аналитического центра выражается в проведении таких исследований, которые способствовали бы совершенствованию принятия политических решений и определению политического курса государства.

Основными областями исследовательской деятельности «РЭНД Корпорэйшн» являются:

- национальная безопасность США;
- терроризм и международная безопасность;
- международные отношения и дипломатия;
- экономика и бизнес;
- наука и технологии;
- окружающая среда и проблемы энергетики;
- образование и медицинское обеспечение;
- институт семьи и права ребенка.

«РЭНД Корпорэйшн» имеет разветвленную сеть научных центров по всему миру, что позволяет располагать широкой базой информации по различным областям.

«Мозговой центр» рассматривает вопросы мировой политики, связанные с проблемами международной безопасности, терроризма и нераспространения ядерного оружия. Межгосударственные конфликты также входят в область исследования «РЭНД Корпорэйшн». Проблемы Палестинских территорий и государства Израиль являются специальными тематическими разделами в структуре ее исследовательских программ¹⁶.

Российские исследователи Г.Б. Кочетков и В.Б. Супян, занимающиеся анализом американских «мозговых центров», указывают, что их деятельность в большей мере сосредоточена на изучении и разработке проблем внешней политики (в области международного сотрудничества, разрешения конфликтов, международной безопасности)¹⁷.

В частности, с этой целью Институт Брукинга под своим руководством запустил новые исследовательские центры, предназначенные для изучения конкретного предметного поля. Одним из них стал Центр Сабана по вопросам ближневосточной политики.

Ученые Института Брукинга, основываясь на центристских идеях, исторически отводили США критически важное место в системе международных отношений для формирования либерального миропорядка¹⁸. По мнению бывшего посла США в Израиле

Мартина Индика, такое доминирующее положение США получили после Второй мировой войны и в качестве главного актора международных отношений им следует поддерживать статус единственного регулятора международного процесса и исключительно посредника мирного разрешения конфликтов¹⁹.

Большинство аналитиков, специализирующихся на изучении Ближнего Востока в Институте Брукингса (М. Калб, Х. Элгинди, М. Индинг, С. Хамид), придерживаются позиции мирного урегулирования палестино-израильского конфликта, которое, тем не менее, не будет способствовать слишком сильному переформатированию геополитической ситуации в регионе. Особую роль эксперты отводят роли личностного фактора в поисках решения конфликта. В этой связи подчеркивается существенная неприязнь президента США Барака Обамы и премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньяху друг к другу. Истоки этой неприязни начинаются 19 мая 2011 г., когда Б. Обама выступил с речью, посвященной ситуации вокруг Ближнего Востока и Северной Африки. В ней он уделил внимание и палестино-израильскому конфликту. Обама заявил: «США уверены, что в результате переговоров должны быть образованы два государства и установлены постоянные границы Палестины с Израилем, Египтом и Иорданией, а также постоянная граница между Израилем и Палестиной»²⁰.

Но самым важным в его речи было другое. Граница между Израилем и будущим палестинским государством, по словам президента, «должна пролегать по линиям 1967 г. при взаимно согласованном обмене территориями, таким образом, чтобы установить безопасные и признаваемые обоими государствами границы»²¹. «Мечты о еврейском и демократическом государстве не могут существовать одновременно с постоянной оккупацией», – резюмировал Обама²².

Ответная реакция Израиля не заставила себя долго ждать. В заявлении Нетаньяху говорилось о том, что возвращение к границам 1967 г. угрожает безопасности Израиля²³. Он также подчеркнул, что данное решение не отвечает реалиям сегодняшнего дня, поскольку за все эти годы на так называемых оккупированных территориях обосновались десятки тысяч граждан Израиля и уходить они явно никуда не собираются²⁴.

Тем не менее США, продолжая на деле материально и технически поддерживать Израиль с целью сохранения влияния в регионе, развязывают руки Нетаньяху для односторонних действий. Такое мнение высказал приглашенный специалист Института Марвин Калб еще в 2012 г., за год до начала налета израильских вооруженных сил на сирийские военные объекты²⁵.

Кроме того, М. Калб полагает, что администрация Обамы совершает ошибку, настаивая на прекращении строительства поселений на Западном берегу Иордана. По его мнению, это одна из мер, приведшая к обратным результатам, среди которых раздражение израильского руководства внешней политикой Обамы. Эксперт также считает, что на иранском и сирийском направлениях Белый дом старается избегать идеи прямого вооруженного вторжения, чтобы не повторить тяжелый опыт Дж. Буша-мл. в Ираке и Афганистане²⁶.

Институт выпустил серию статей, приуроченных к поездке Б. Обамы по Ближнему Востоку в марте 2013 г. Основной их идеей стал перезапуск мирного процесса обоюдными одновременными шагами конфликтующих сторон. Со стороны Израиля предполагалось осуществление сдерживания строительства поселений. Тем временем Палестина была призвана прекратить односторонние действия в ООН и Международном уголовном суде²⁷.

По мнению Шади Хамита, руководителя исследований по Ближнему Востоку Института Брукинга в Дохе, акцент политики Белого дома на распространении демократии в арабских странах и некое равнодушие к израильской проблеме с одновременным списыванием всех «бед» Ближнего Востока на палестино-израильский конфликт может привести к негативным результатам²⁸. И в первую очередь к закрытию окна возможности реализации стратегии «два государства для двух народов»²⁹. По мнению же Халеда Элгинди, аналитика из Центра по ближневосточной политике Института Брукинга, следует положительно оценивать идею урегулирования конфликта путем создания Палестинского государства, существующего наравне с Израилем³⁰.

Для достижения мира на Ближнем Востоке администрации Обамы, считает М. Калб, следует стремиться к возобновлению дружественных отношений с Израилем, которые, по его мнению, были нарушены после резких предложений Обамы по возвращению к границам 1967 г.; наконец, использовать свои возможности влияния на палестино-израильские отношения; дипломатическими способами убедить Иран не создавать ядерное оружие; найти действенный метод для политического урегулирования в Сирии. Ближневосточное турне Обамы 2013 г. было второй попыткой перезапуска мирного процесса после радикальной по содержанию, но безрезультатной Каирской речи 2009 г. В своей поездке по Ближнему Востоку 2013 г. Обама учел предыдущие ошибки и на этот раз сделал ставку на студенческую аудиторию Израиля, выступив в Университете Иерусалима. В своей речи президент США пред-

ложил избирателям активно участвовать в политической жизни государства, потому что от их мнения зависит будущее, и в первую очередь принятие соответствующих решений по созданию Палестинского государства³¹. Таким образом, признавая всю важность мартовского визита Обамы в Израиль в рамках ближневосточного турне и видя в нем реальную возможность для изменений в ближневосточной политике, М. Калб все же настаивает на необходимости принятия больших мер для достижения мира и безопасности в регионе³².

Институт Брукинга также проводит анализ политической обстановки в Палестине. Как известно, национальные институты Палестинской автономии до конца не оформились, однако большой вклад в их развитие внес ее премьер-министр Салам Файад, снятый с поста в 2013 г. Ему удалось значительно сократить масштабы коррупции в Палестине и прежде всего уменьшить размер хищений огромных средств, поступающих из-за рубежа для формирования палестинской государственности. Это способствовало росту доверия гражданского населения к правительству. С помощью Файада США оказывали влияние на политическую жизнь Палестинской автономии. В частности, благодаря его деятельности президент Палестины Махмуд Аббас стал склоняться к проведению переговоров с Израилем, что, по словам пресс-секретаря Госдепартамента США Виктории Нуланд, очень важно для процесса мирного урегулирования, который стараются поддерживать США³³.

Однако в статье “The End of ‘Fayyadism’ in Palestine” сотрудник Центра Сабана по ближневосточной политике Халед Элгинди обращает внимание на отсутствие у США стратегических подходов в мирном процессе³⁴. Эксперт видит причину в том, что в условиях дефицита институтов власти в Палестине американская политика в отношении этого государства изначально оказалась привязанной к единственной личности, чьи достижения не будут сохранены после его ухода с поста. Такой вывод эксперт делает исходя из очень напряженной ситуации внутри палестинской администрации, а также различий между поддержкой политической элиты (которая имела лишь среди сторонников мирных переговоров) и населения (которой у Файада практически не было)³⁵.

Между тем экспертами Института Брукинга особо подчеркивается, что невозможность мирного урегулирования палестино-израильского конфликта обусловлена высоким уровнем разобщенности палестинского общества и прежде всего политических кругов. В последние семь лет доминирующее положение в палестинской политической сфере стало занимать движение ХАМАС³⁶.

С мнением такого актора международных отношений, согласно Х. Элгинди, необходимо считаться. Однако, по мысли аналитика, давление Конгресса и израильского лобби в Вашингтоне на администрацию Б. Обамы ставит в определенные рамки возможности ее внешнеполитических действий³⁷.

Большим достижением «РЭНД Корпорэйшн» в исследовании палестино-израильского конфликта и поиске путей его разрешения стала программа Палестинской инициативы «Арка» (“The Arc”), призванная способствовать формированию новой парадигмы мира между Израилем и Палестиной³⁸. «РЭНД Корпорэйшн» разработала самые доступные и понятные рекомендации по созданию успешного Палестинского государства. Концепция содержит идеи по совершенствованию городов, использованию земли и строительству развитой инфраструктуры.

Согласно проекту, задуманный инфраструктурный коридор свяжет города Западного берега реки Иордан между собой и с населенными пунктами сектора Газа³⁹. Сюда включены: скоростная железная дорога; сеть современных отелей, ресторанов, магазинов; расходящиеся от железнодорожных станций бульвары с домами и школами; телекоммуникационные линии; электрификация; газопроводы; сооружения для хранения и подачи воды; аэропорт и морской порт в секторе Газа. Разработчики программы в перспективе рассматривают туризм в качестве одной из основных статей ВВП Палестины. Результатом должно стать увеличение количества рабочих мест и рост благосостояния палестинского народа. Таким образом, данный проект представляет собой реальный инструмент дипломатии для достижения мира⁴⁰.

Однако для мирного урегулирования палестино-израильского конфликта существуют серьезные преграды. По мысли эксперта «РЭНД Корпорэйшн» Уоррена Басса, на этот процесс, в частности, отрицательно влияет игнорирование премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху концепции «два государства для двух народов». Тем не менее понимание Б. Обамой важности включения в процесс разрешения конфликта израильских граждан выглядит перспективным⁴¹. На последних выборах в кнессет левые получили достаточное количество мест, чтобы стать второй доминирующей партией после правого крыла во главе с Нетаньяху. По мнению У. Басса, это означает, что левоцентристская идея о возобновлении мирного процесса переговоров с палестинцами получила поддержку израильского народа.

Согласно другому аналитику «РЭНД Корпорэйшн», Тове Норлен, палестино-израильский мирный процесс зашел в тупик. По

ее мнению, идея о двух государствах теряет свою силу, тем самым актуализируя необходимость выработки других формул решения затянувшегося конфликта⁴².

Эксперты «РЭНД Корпорэйшн» Д. Доббинс, Д.Д. Кэй, А. Надер и Ф. Уири полагают, что на палестино-израильский конфликт оказывает влияние и иранская подрывная деятельность. Иран, помимо экспериментов по созданию ядерного оружия, имеет возможность склонить радикальные палестинские группировки к активной антисиионистской деятельности⁴³. Речь идет о поддержке антиизраильской партии ХАМАС, а также действующей на территории Ливана группировки «Хезболла»⁴⁴. ХАМАС пользуется широкой общественной поддержкой и намерена взять под свое руководство правительство Палестины. Это, в свою очередь, прямо угрожает безопасности Израиля.

Исходя из этого стратегией США, по заключению Д. Доббинса, Д.Д. Кэй, А. Надера и Ф. Уири, должно стать не акцентирование внимания на ядерной проблеме Ирана, а международная критика нарушения прав человека в этой стране, а также осуществление кросскультурного диалога цивилизаций посредством создания образовательных программ обмена для иранской молодежи с последующими возможностями трудоустройства. Проявление заботы об иранском народе может изменить отношение к внешней политике США и снизить враждебность Ирана к Израилю. Более того, США следует активнее сдерживать стремление Израиля нанести превентивный удар по Ирану, что может привести к серьезным последствиям для безопасности Израиля в долгосрочной перспективе⁴⁵.

Для возрождения мирного процесса между Израилем и Палестиной, согласно директору Центра публичной политики Ближнего Востока «РЭНД Корпорэйшн» Далии Дассы Кэй, необходимо задействовать египетское правительство⁴⁶. Именно Египет может стать посредником в переговорах о прекращении огня, а также содействовать пересмотру существующей арабской мирной инициативы.

Важно уточнить, что «РЭНД Корпорэйшн» делает акцент в первую очередь на исследовании проблем национальной безопасности США. В частности, изучаются преимущества и недостатки израильских военных учений и боевых действий против специфических противников (ХАМАС, «Хезболла»), что помогает разработке американских военных операций и укреплению армии США.

В докладе эксперта «РЭНД Корпорэйшн» Дэвида Джонсона «Тяжелая борьба: Израиль в Ливане и Газе» представлены результаты исследования так называемых гибридных противников (как

правило, под этим термином понимают гибрид партизанских и регулярных войск)⁴⁷. Ими используются различные виды оружия – переносные зенитно-ракетные комплексы, минометы, беспилотные авиационные системы и т. д. Тактики проведения операций против нерегулярных войск не эффективны в борьбе с гибридными армиями, имеющими оружие дальнего действия. Следовательно, заключает автор, армии США требуется выработка новых военных тактик и концепций для проведения боевых операций на Ближнем Востоке и противостояния любым агрессивным силам. В докладе даны конкретные рекомендации по этому поводу.

Суммируя результаты исследований «РЭНД Корпорэйшн» и Института Брукинга по проблемам Ближнего Востока, в том числе палестино-израильских отношений, стоит отметить высокий уровень работ экспертов, всесторонне освещающих рассматриваемые вопросы и дающих обширные рекомендации. Оба «мозговых центра» придерживаются системного подхода при изучении внешней политики, уделяя особое внимание сбору и анализу военной информации, предоставляемой вооруженным силам, Министерству обороны, Конгрессу и Администрации президента США. Резкая критика ближневосточной политики Б. Обамы в работах сотрудников «РЭНД Корпорэйшн» и Института Брукинга не высказывается. В большинстве проанализированных материалов аналитиков этих «мозговых центров» указывается на то, что внешняя политика США при Б. Обаме, в отличие от политики Дж. Буша-младшего, отличается прагматизмом.

В первый президентский срок Б. Обаме пришлось сглаживать результаты политики своего предшественника. Была реализована попытка улучшения имиджа Соединенных Штатов на Ближнем Востоке и восстановления влияния на ход событий в регионе в качестве главного актора мировой политики. «Арабская весна» коренным образом изменила обстановку в странах региона, выдвинув на передний план экстремистские исламистские группировки. Последствия мирового экономического кризиса также оказали влияние на политику США, которым пришлось переключить внимание на внутреннюю экономику. Все эти обстоятельства подтолкнули Б. Обаму к проведению прагматической политики, что постоянно подчеркивают аналитики «РЭНД Корпорэйшн» и Института Брукинга.

Тем не менее США продолжают придерживаться позиции поддержки Израиля и во всех ключевых переговорных моментах занимают его сторону. Ведущие экспертно-аналитические сообщества США постоянно пытаются найти пути разрешения палестино-

израильского конфликта, вырабатывая множество новых, иногда рискованных, проектов по его урегулированию. Несмотря на это преимущество внешнеполитического курса настолько сильна, что большинство из этих инициатив так и остались нереализованными. И все же именно в этих «мозговых центрах» рождаются концепции и доктрины, которые рано или поздно могут коренным образом повлиять на исход событий.

Примечания

- ¹ В российском экспертном сообществе нет консолидированной позиции по поводу русскоязычного варианта термина “think tank”. Можно встретить такие варианты, как «мозговой трест» (Н. Нарочницкая), «мозговой центр» (Т. Шаклеина), «фабрика мысли» (Ю. Наумова), «мыслительный центр» (П. Тихон). Тем не менее вариант «мозговой центр» чаще всего встречается в экспертной среде как наиболее близкий к оригинальному смысловому значению, поэтому он и был выбран нами в качестве основного.
- ² 2013 Global Go To Think Tank Index Report [Электронный ресурс] // The Think Tanks and Civil Society Program. URL: <http://gotothinktank.com/dev1/wp-content/uploads/2014/01/GoToReport2013.pdf> (дата обращения: 25.04.2014). P. 30–33.
- ³ Введение в прикладной анализ международных ситуаций: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 121.
- ⁴ *Мирзаян Г.В.* «Мозговые центры» и процесс принятия решений в США [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке. 2011. № 3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=301> (дата обращения: 25.04.2014).
- ⁵ The Revolving Door (U.S. Foreign Policy Agenda: An Electronic Journal of the U.S. Department of State. 2002. November. Vol. 7. № 3) [Электронный ресурс] // GoogleBooks. URL: http://books.google.ru/books?id=C9sa-QdP3GYC&pg=PA39&dq=haass+think+tanks+and+us+foreign+policy+system+of+doors&hl=en&sa=X&ei=Fsr_UerlGujL4AS89IHgAg&ved=0CC8Q6AEwAA#v=onepage&q=haass%20think%20tanks%20and%20us%20foreign%20policy%20system%20of%20doors&f=false (дата обращения: 25.04.2014).
- ⁶ Цит. по: Между политикой и наукой / Интервью Л. Гамильтона И. Троицкому [Электронный ресурс] // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/011.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
- ⁷ White House Announces New Coordinator for the Middle East, North Africa and the Gulf Region [Электронный ресурс] // The White House. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/03/02/white-house-announces-new-coordinator-middle-east-north-africa-and-gulf-> (дата обращения: 25.04.2014).

- ⁸ Public Papers of the Presidents of the United States: Lyndon B. Johnson. 1966. Book II. Washington, 1967 [Электронный ресурс] // MLibrary Digital Collection. URL: <http://quod.lib.umich.edu/p/ppotpus/4731549.1966.002/470?page=root;rgn=full+text;size=100;view=image> (дата обращения: 25.04.2014). P. 1096–1097.
- ⁹ Brookings's Reputation [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/about/reputation> (дата обращения: 25.04.2014).
- ¹⁰ Кочетков Г.Б., Сулян В.Б. «Мозговые центры» в США: наука как инструмент реальной политики [Электронный ресурс] // Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2010/5/05> (дата обращения: 25.04.2014).
- ¹¹ All-Brookings Priorities [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/about/all-brookings-priorities> (дата обращения: 25.04.2014).
- ¹² Филиппов В.А. Аналитические центры – стратегический интеллектуальный ресурс. М.: ЛЕНАНД, 2007 [Электронный ресурс] // АрхиДока.ру. URL: http://arhidoka.ru/materials/analit_center (дата обращения: 25.04.2014).
- ¹³ Кочетков Г.Б., Сулян В.Б. Указ. соч.
- ¹⁴ Financial Statements. Fiscal Year Ended September 29, 2013 [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: http://www.rand.org/pubs/corporate_pubs/CP665.html (дата обращения: 25.04.2014).
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Israel Public Policy Research at RAND [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/jie/centers/israel.html> (дата обращения: 25.04.2014); Occupied Palestinian Territory [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/topics/occupied-palestinian-territory.html> (дата обращения: 25.04.2014).
- ¹⁷ Кочетков Г.Б., Сулян В.Б. Указ. соч.
- ¹⁸ Brookings Institution History [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/about/history> (дата обращения: 25.04.2014).
- ¹⁹ Indyk M.S. Obama's Foreign Policy in his Second Term [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/research/interviews/2013/05/02-obama-foreign-policy-indyk> (дата обращения: 25.04.2014).
- ²⁰ Obama's Speech on U.S. Policies in Middle East and North Africa [Электронный ресурс] // ИИП Digital. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/text-trans/2011/05/20110519124857su0.5616201.html#axzz1Mv4EkmCT> (дата обращения: 25.04.2014).
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid.
- ²³ Нетаньяху не поддержал Обаму [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <http://scan.interfax.ru/TopicNews.aspx?id=284acd69-b609-48c7-8659-8ce2b2f6f4b6> (дата обращения: 25.04.2014).
- ²⁴ Там же.

- ²⁵ *Kalb M.* Obama's Israel Problem [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2012/05/09-israel-obama-kalb> (дата обращения: 25.04.2014).
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ *Indyk M.S.* Five Things President Obama Can Do to Win Israel [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2013/03/20-obama-israel-indyk> (дата обращения: 25.04.2014).
- ²⁸ *Hamid S.* Prioritizing Democracy: How the Next President Should Re-Orient U.S. Policy in the Middle East [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/research/papers/2012/06/20-middle-east-hamid> (дата обращения: 25.04.2014).
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ *Elgindy Kh.* The Two-State Solution [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2012/07/06-israel-palestine-elgindy> (дата обращения: 25.04.2014).
- ³¹ Remarks of President Barack Obama to the People of Israel [Электронный ресурс] // The White House. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/03/21/remarks-president-barack-obama-people-israel> (дата обращения: 25.04.2014).
- ³² *Kalb M.* Why Is Obama Going to Israel – Now? [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2013/03/18-obama-israel-kalb> (дата обращения: 25.04.2014).
- ³³ *Nuland V.* Daily Press Briefing – February 9, 2012 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/prs/prs/dpb/2012/02/183639.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
- ³⁴ *Elgindy Kh.* The End of 'Fayyadism' in Palestine [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2013/04/22-fayyadism-palestine-elgindy> (дата обращения: 25.04.2014).
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ ХАМАС (полное название – Исламское движение сопротивления) – палестинское исламистское движение и политическая партия; признано террористической организацией во многих странах мира, включая США и Израиль.
- ³⁷ *Elgindy Kh.* Palestinian Politics Do Matter [Электронный ресурс] // Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2013/03/24-palestine-politics-elgindy> (дата обращения: 25.04.2014).
- ³⁸ Video: The Arc – An Overview [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: http://www.rand.org/multimedia/video/2009/04/16/the_arc_overview.html (дата обращения: 25.04.2014).
- ³⁹ The RAND Palestine Initiative [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: http://www.rand.org/pubs/corporate_pubs/CP562.html (дата обращения: 25.04.2014).
- ⁴⁰ Ibid.

- ⁴¹ *Bass W.* Demonstration Effect [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/commentary/2013/03/22/FP.html> (дата обращения: 25.04.2014).
- ⁴² *Norlen T.* What Does the Israel's Election Mean for Israeli-Palestinian Peace? [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/commentary/2013/01/25/RAND.html> (дата обращения: 25.04.2014).
- ⁴³ *Dobbins J., Kaye D.D., Nader A., Wehrey F.* Bolster Diplomacy, Israeli Security, and the Iranian Citizenry [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/pubs/periodicals/rand-review/issues/2012/spring/iran.html> (дата обращения: 25.04.2014).
- ⁴⁴ Хезболла – военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана.
- ⁴⁵ *Dobbins J., Kaye D.D., Nader A., Wehrey F.* Op. cit.
- ⁴⁶ *Kaye D.D.* Gaza: Hard Fighting Looms without a Broader Peace Strategy [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/blog/2012/11/gaza-hard-fighting-looms-without-a-broader-peace-strategy.html> (дата обращения: 25.04.2014).
- ⁴⁷ *Johnson D.E.* Hard Fighting: Israel in Lebanon and Gaza [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG1085.html> (дата обращения: 25.04.2014).

П.Г. Кошкин

КОНЦЕПЦИЯ ОР-ЕД В ГАЗЕТЕ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» НА ПРИМЕРЕ ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ В РОССИИ

Статья посвящена американской колумнистике, в частности концепции Ор-Ед, которая является неотъемлемой частью качественной американской прессы. В работе проводится контентный анализ колонок газеты «Нью-Йорк таймс» с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2013 г. на тему России и российско-американских отношений, чтобы выявить основные тенденции в американской колумнистике и российско-американских отношениях, а также показать основные преимущества концепции Ор-Ед при освещении событий, что может быть актуально как для экспертов по российско-американским отношениям, так и для журналистов-международников.

Ключевые слова: американская колумнистика, российско-американские отношения, концепция Ор-Ед, контентный анализ, «Нью-Йорк таймс».

Концепция Ор-Ед (*opposite to the editorial*) является неотъемлемой частью колумнистики США. В каждой качественной американской газете есть раздел «Мнения» (“Opinion”), в котором публикуются *точки зрения, альтернативные редакционным статьям и колонкам штатных авторов*¹.

Именно этот жанр провоцирует дискуссию, многосторонний диалог между журналистами, учеными, дипломатами, политиками, правозащитниками и экономистами, что позволяет влиять на принятие решений политическими и экономическими элитами.

В данной работе мы проанализируем концепцию Ор-Ед в газете «Нью-Йорк таймс» на примере освещения событий в России и российско-американских отношений. Для этого мы проведем *качественный и измерительный анализ колонок* газеты с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2013 г. Даты выбраны не случайно: именно в этот период американские журналисты активно следили за событиями

в России, обращали внимание на ее внешнеполитическую и внутреннюю повестку дня.

Подготовка к зимней Олимпиаде в Сочи, парламентские и президентские выборы и последующая за ними волна протестов, вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО), серия противоречивых законов, принятых Госдумой, война в Сирии, перезагрузка российско-американских отношений – все это повлияло на восприятие России в США и ярко отразилось в американской прессе, в частности в газете «Нью-Йорк таймс».

Американская колумнистика как проявление концепции Op-Ed

Прежде чем говорить о контентном анализе, проясним, что такое колумнистика.

Слово «колумнистика» происходит от английского “column”, что означает «колонка» – «короткий газетный или журнальный материал, посвященный какому-то узкому кругу интересов или обстоятельствам в широком смысле слова, написанный ясно и лаконично, имеющий объем в 350–500 слов и появляющийся регулярно (ежедневно, еженедельно и т. д.) с обязательным указанием имени автора»². Хотя количество слов в современной колонке – показатель условный, так как колумнисты зачастую отклоняются от этого лимита. Например, штатные обозреватели «Нью-Йорк таймс», как правило, в среднем пишут 700–800 слов, тогда как редакционные статьи насчитывают от 300 до 500 слов. Приглашенным экспертам уделяется больше места на полосе или электронной станции (от 800 до 1400 слов).

По определению С.С. Ярцевой, «колонка» – это авторская рубрика, выполняющая стратегические задачи, – «она вводит на газетную полосу имя – имя автора, привлекающего внимание аудитории». Важнейшая задача колонки – «закрепить интерес определенного сегмента аудитории за автором как носителем определенной информации»³.

«Исторический жанр колонки возник как “человеческий комментарий” к событию, про которое уже распространились сухие новостные сводки»⁴, – замечает теоретик в области колумнистики С.С. Успенская.

Согласно С.А. Михайлову, доценту факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, колумнистика – это всегда атрибутика качественной прессы, «которая

оказывает влияние на общество информированностью, аналитичностью, способностью предвидеть будущее» и на «умонастроения элиты, принимающей важные решения»⁵.

Михайлов рассматривает колумнистику как «раздел публицистики» и совокупность текстов с ярко выраженным авторским началом: в колонке обязательно есть собственное мнение, ради которого, собственно, и читают журналистский материал. Именно поэтому требования к колумнистам высоки, считает он⁶.

Контентный анализ колонок газеты «Нью-Йорк таймс»

Итак, с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2013 г. на сайте «Нью-Йорк таймс» было опубликовано от 600 до 800 материалов в разделе “Opinion” (*Op-Ed* и *Editorials*), в которых Россия упоминалась хотя бы один раз в различных контекстах. Среди них – редакционные статьи, колонки штатных обозревателей и приглашенных экспертов, письма в редакцию, видео, фотогалереи и карикатуры, опубликованные как в газете «Нью-Йорк таймс», так и в ее глобальном выпуске – «Интернэшнл Нью-Йорк таймс» (бывшая «Интернэшнл геральд трибюн»). Из них мы выбрали 153 статьи, в которых Россия не просто упоминалась, а выражалась оценка событий, происходящих в России, ее внутренней и внешней политики. Иначе говоря, эти материалы в значительной своей части были посвящены России и создавали яркий образ страны. Стоит отметить, что мы читали и анализировали материалы, опубликованные только в национальном выпуске газеты. Статьи, вышедшие в «Интернэшнл Нью-Йорк таймс», не принимались во внимание.

За упомянутый период было опубликовано 48 редакционных статей (31 %), 26 колонок (17 %) от штатных обозревателей, 49 статей от приглашенных экспертов и внештатных авторов (32 %), 18 писем в редакцию (12 %), 11 карикатур и одно видео.

В данной работе мы детально анализировали только редакционные статьи, колонки штатных обозревателей и статьи приглашенных экспертов и внештатных авторов – это 123 материала (см. табл. 1). Основные темы, которым уделяли внимание журналисты, – общество и политика, в том числе права человека, выборы, протесты, Олимпиада в Сочи, наука и культура (64 статьи). Еще одна популярная тема – Россия в контексте международных отношений, связанных с протестами на Украине, гражданской войной в Сирии, выводом натовских войск из Афганистана, ядерным ра-

зоружением (42 статьи). Меньше всего внимания уделялось экономической тематике, то есть бизнесу, торговым отношениям, глобальной энергетике и ресурсам (17 статей).

Таблица 1

Измерительный анализ колонок «Нью-Йорк таймс» по структуре

Тон статей	Редакторские статьи	Колонки штатных авторов	Колонки внештатных авторов	Всего
Нейтральный и сбалансированный	12	8	20	40
Позитивный	5	–	8	13
Негативный	31	18	21	70
Всего	48	26	49	123

Измерительный анализ редакционных статей *Editorials*

Редакционные статьи «Нью-Йорк таймс» – яркий пример американской колумнистики. По жанру они близки аналитической статье и комментариям. Как указывает в своем пособии С.А. Михайлов, аналитическая статья – это попытка «объяснить то, что произошло, что происходит в настоящее время или произойдет в будущем. От такого материала требуется, чтобы он был не просто голословным утверждением, но содержал доказательства предлагаемых объяснений, позволяя окинуть свежим взглядом то, что сообщается в информационном разделе. Статья также должна подводить к какому-то выводу»⁷.

Редакционные статьи «Нью-Йорк Таймс», как правило, небольшие по объему (300–500 слов), но очень емкие и содержательные. Именно в них отражается позиция всей редакции.

Измерительный анализ редакционных статей за 2010–2013 гг. позволяет сделать вывод о том, что редакция относится к России по большей части неблагоприятно и размещает в основном материалы с ярко выраженной критикой. 31 (65 %) из 48 редакционных статей, опубликованных за упомянутый период в газете, негативна по отношению к России, 12 (25 %) – относительно сбалансированы или нейтральны, в то время как всего 5 статей (10 %) положительны.

Можно проследить определенную зависимость настрое редакционных статей от их тематики. Нетрудно догадаться, что негативными по отношению к России будут общественно-политические статьи, затрагивающие проблемы прав человека, выборов, протестов и внутренней политики президента России В. Путина. Между тем статьи, посвященные России в контексте международных отношений, ее культуре и науке, будут в лучшем случае позитивными либо же нейтральными и сбалансированными.

Измерительный анализ редакционных статей по тематике подтверждает эти выводы. Так, 22 статьи (46 %) из 48 посвящены обществу и политике и затрагивают, в частности, такие темы, как нарушение прав человека в контексте Олимпийских игр в Сочи, политику Путина, культуру, образование и науку. Стоит отметить, что две редакционные статьи, посвященные успехам российских ученых в исследовании Антарктики⁸ и освоении космоса⁹, позитивны.

18 статей (38 %) посвящены внешней политике России. В них, как правило, анализируются российско-американские отношения в контексте гражданской войны в Сирии, ядерного разоружения и протестов на Украине. Примечательно, что только две статьи по Сирии¹⁰ положительны по отношению к России: в них выражается надежда на дипломатическое решение конфликта, а также видны попытки понять позицию Кремля.

8 (10 %) редакционных статей рассказывают о бизнесе и экономике, в частности о вступлении России в ВТО, отмене торговых санкций по отношению к России (поправка Джексона–Вэника), военной промышленности. Из них только одна носит выраженный позитивный характер – редакторы «Нью-Йорк таймс» приветствуют вступление России в ВТО¹¹.

Количественный и качественный анализ колонок обозревателей «Нью-Йорк таймс»

Что касается статей штатных обозревателей газеты, то среди них вообще нет материалов, выражающих положительное отношение к России. Из 26 статей – 18 негативные, остальные – либо относительно сбалансированные (то есть представляющие как положительные, так и негативные высказывания), либо нейтральные (в них не прослеживается внятной оценки, авторы смотрят на ситуацию как бы со стороны и подбором цитат и фактов выражают свое отношение к происходящему).

Среди тем наибольшей популярностью пользуются общество и политика: права человека, образ Путина, Олимпиада в Сочи, протесты (14 статей). Далее идут: внешнеполитическая повестка России – сирийский вопрос, беспорядки на Украине (7 статей); бизнес и экономика – нефтяная индустрия, приватизация, инвестиционный климат, положение олигархов и частных предпринимателей и т. д. (5 статей).

Колонки обозревателей «Нью-Йорк таймс» более интересны с точки зрения литературного и жанрового своеобразия. Если редакционные статьи написаны от лица всей редакции в соответствии с определенными стандартами и образцами – в виде комментария или аналитической статьи, то в колонках штатных авторов мы чувствуем индивидуальный стиль автора.

Стоит отметить, что многие колумнисты «Нью-Йорк таймс» еще сильнее критикуют Россию, чем редакторы, а также используют всевозможные литературные приемы, чтобы подчеркнуть свое негативное отношение к определенным аспектам российской действительности. С этой точки зрения примечательны некоторые колонки Томаса Фридмана (Thomas Friedman)¹², Джо Носеры (Joe Nocera)¹³, Росса Даузета (Ross Douthat)¹⁴ и Билла Келлера (Bill Keller)¹⁵ – штатных авторов, которые часто пишут о России и международных отношениях.

Томас Фридман – один их самых изобретательных обозревателей. Многие его колонки представляют собой литературный эксперимент и гармоничную смесь жанров. С этой точки зрения примечательна колонка «Политика достоинства»¹⁶, написанная в форме письма-записки Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву от «путешественника из Каира в Москву».

Автор обращается к Путину и Медведеву, ведет с ними диалог, чтобы привлечь внимание к последствиям «арабской весны» для России: он проводит параллели между протестами в Египте и России, чтобы выразить свое неодобрение политики Кремля по отношению к гражданам.

«Политические волнения в обеих странах были вызваны не какой-то определенной идеологией, а, скорее всего, одной из самых сильных человеческих эмоций – чувством достоинства и желанием найти справедливость, – пишет Фридман. – Унижение – самая недооцененная сила в политике».

«Они так просто не сдадутся, – говорит журналист о протестантах, обращаясь к Путину и Медведеву. – Поэтому у вас большие неприятности, гораздо большие, чем вы могли бы подумать»¹⁷.

Джо Носера менее оригинален, он использует традиционный литературный прием – повтор. Слово «плутократы» – богатые

представители политических элит, контролирующие все процессы в стране¹⁸, – он применяет во многих статьях, посвященных отношениям между бизнесом и государством. Само это слово носит негативную коннотацию и, как правило, предполагает, что плутократы зарабатывают деньги сомнительным путем.

Например, в статье с говорящим названием «Как украсть русский аэропорт»¹⁹, в которой рассказывается о попытках властей выкупить из частных рук аэропорт Домодедово, Носера пять раз использует слово «плутократы», чтобы подчеркнуть свое негативное отношение к попыткам властей вмешиваться в частный бизнес.

Росс Даузет – еще один весьма изобретательный американский колумнист, который оригинально ответил на известную статью Путина в газете «Нью-Йорк таймс»²⁰. Он написал колонку в форме литературного диалога с Путиным, создав при этом демонический образ прагматичного, циничного и в то же время сомневающегося президента²¹.

Даузет выступает в роли критика-философа, который осуждает Путина за его авторитаризм, циничность, грубость и пренебрежение гражданскими свободами, но при этом отдает ему должное, обращая внимание на стабильность, которую Путин принес в страну. Однако журналист дает понять, что эта стабильность сродни сделке с дьяволом, когда люди жертвуют свободами ради материальных, как правило, краткосрочных благ. «В долгосрочной перспективе вы поймете, что вы узник своей коррупционной системы»²², – обращается Даузет к президенту России.

Метафоры и сравнения, которые использует автор, помогают ему создать демонический ореол вокруг Путина. Например, журналист очень ярко описывает улыбку и смех Путина, делая их зловещими. «Его смех звучал, как треснувший лед в сибирскую зиму»²³, – пишет Даузет в начале статьи, а в ее финале обращает внимание на «волчью усмешку» (“a wolf’s grin”) Путина.

Измерительный анализ колонок внештатных авторов «Нью-Йорк таймс»

Концепция Op-Ed не может существовать без колонок внештатных авторов – приглашенных экспертов, политиков, чиновников, дипломатов, журналистов и писателей. В американской колумнистике их принято называть контрибьюторами.

В числе внештатных авторов «Нью-Йорк таймс» – российские журналисты, такие как Олег Кашин, Валерий Панюшкин, Мария

Гессен, а также российские чиновники и политики, такие как член Общественного совета при Министерстве обороны России и директор Центра анализа стратегий и технологий Руслан Пухов и даже президент Владимир Путин.

Главные функции внештатных авторов в концепции Op-Ed заключаются в том, чтобы представить другую точку зрения, сделать журналистику сбалансированной и справедливой, сгладить крайности редакционных статей и колонок штатных авторов, создать форум мнений и диалог.

Судя по контентному анализу статей внештатных авторов «Нью-Йорк таймс», газете удастся достигнуть относительного баланса и сгладить резкие углы. Из 49 колонок, написанных внештатными авторами с 2010 по 2013 г., 28 – сбалансированные или нейтральные (20 статей) и позитивные (8 колонок), в то время как негативных по отношению к российской действительности материалов – 21.

Измерительный анализ колонок по тематике

Помимо общих тем (общество, политика, международные отношения, бизнес и экономика) в колумнистике «Нью-Йорк таймс» можно выделить более конкретные темы, а именно: права человека, образ Путина, ядерное разоружение, сирийский кризис (см. табл. 2).

Следует отметить, что в одной статье иногда затрагивается несколько тем. Например, в колонках, посвященных образу Путина, будут подниматься проблемы прав человека, и наоборот (такие статьи мы будем называть «сквозными»). Иначе говоря, деление по узкой тематике условно. Именно поэтому цифры, приведенные здесь, отражают примерные, округленные показатели, близкие к реальности, иллюстрируя при этом общую тенденцию.

Итак, около 30 колонок было посвящено образу Путина, причем только 5 из них – относительно сбалансированные, остальные негативные. Примерно 55 материалов (статьи, написанные штатными обозревателями и внештатными авторами, а также редакционные статьи) посвящены проблемам прав человека, 6 из них сбалансированы или нейтральны, остальные негативны.

Совершенно другая картина возникает в освещении сирийского конфликта. Из 19 статей 4 сбалансированы или нейтральны, 7 – позитивны и 8 – негативны. Данные цифры показывают, насколько меняется отношение журналистов, редакторов и экспертов к России в зависимости от тематики.

Примерно такая же тенденция в случае освещения проблем ядерного разоружения: из 8 проанализированных нами статей на эту тематику 5 – сбалансированные или нейтральные, 1 – позитивная и 2 – негативные. Стоит также отметить, что около 20–25 колонок написаны на сквозные темы.

Таким образом, мы в очередной раз видим подтверждение того, что тематика определяет настрой и отношение редакторов, журналистов и внештатных авторов к России. Когда они пишут о Путине и правах человека, то больше критикуют. Если же высказывают мнения по поводу международных отношений (Сирия и ядерное разоружение), то ищут способы установить диалог и высказываются более благоприятно по отношению к России.

Таблица 2

Измерительный анализ колонок «Нью-Йорк таймс» по тематике

Тематика / тон статей	Нейтральный и сбалансированный	Позитивный	Негативный	Всего
Политика, общество, права человека, культура, Путин	11	3	50	64
Россия в контексте международных отношений (Сирия, Украина, Афганистан, ядерное разоружение)	17	9	16	42
Экономика (торговля, бизнес, глобальная энергетика)	12	1	4	17
Всего	40	13	70	123

Выводы

В этическом кодексе «Нью-Йорк таймс» говорится: «Главная цель “Нью-Йорк таймс” – освещать события как можно объективнее – без страха и предвзятости»²⁴. Достигает ли газета своей цели или нет, можно судить по контентному анализу колонок издания с 2010 по 2013 г., который показал сложность и неоднородность колумнистики «Нью-Йорк таймс»: здесь можно встретить негативные, позитивные, нейтральные и сбалансированные оценки.

Редакторы и обозреватели «Нью-Йорк таймс» по возможности придерживаются баланса в освещении событий в России, однако

результаты контентного анализа говорят, что большинство колонок, посвященных России, негативны. Около трети материалов нейтральны или сбалансированы, остальные позитивны.

Небольшой перевес в пользу негативных материалов объясняется разными ценностными установками, которых придерживается газета, а вовсе не предвзятостью, как это может показаться на первый взгляд. Если редакторы и обозреватели газеты высказывают более резкие и критические суждения в адрес России, то приглашенные эксперты сглаживают крайности, высказывают альтернативные точки зрения, за счет чего создается относительный баланс мнений.

Таким образом, концепция Op-Ed является одним из эффективных инструментов журналистики для создания дискуссии, формирования так называемого рынка мнений. Несмотря на то что отдельные колонки могут и должны быть субъективными и в некоторой степени предвзятыми, американская колумнистика может быть сбалансированной, то есть объединять как можно больше разных мнений: за счет такого подхода достигается справедливость в журналистике.

Примечания

- ¹ См.: *Shipley D.A.* And Now a Word From Op-Ed [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2004/02/01/opinion/and-now-a-word-from-op-ed.html> (дата обращения: 31.03.2014); *Idem.* What We Talk About When We Talk About Editing [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2005/07/31/opinion/31shipley.html> (дата обращения: 31.03.2014).
- ² “С” – Column // *Writer’s Encyclopedia*. Цит. по: *Успенская С.С.* Колумнистика: проблемы жанровой идентификации // *Вестник ВГУ*. 2007. № 1. С. 241.
- ³ *Ярцева С.С.* Жанровые признаки колонки // *Вестник ВГУ*. 2011. № 1. С. 226–228.
- ⁴ *Успенская С.С.* Указ. соч. С. 240–244.
- ⁵ *Михайлов С.А.* Колумнистика: американский опыт // *Журналист*. 1998. № 6. С. 61–63.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Михайлов С.А.* Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб.: Изд. Михайлова В.А., 2004. URL: <http://evartist.narod.ru/text6/01.htm> (дата обращения: 21.02.2014). Глава IV. Особенности практической журналистики США в современный период.
- ⁸ Ice-Fishing in the Deepest Depth [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/02/11/opinion/ice-fishing-in-the-deepest-depths.html> (дата обращения: 21.02.2014).

- ⁹ A Russian Robot, a Martian Moon [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2011/11/06/opinion/sunday/a-russian-robot-a-martian-moon.html> (дата обращения: 21.02.2014).
- ¹⁰ См.: Diplomacy as Deterrent [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/diplomacy-as-deterrent.html> (дата обращения: 21.02.2014); A Diplomatic Proposal for Syria [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2013/09/10/opinion/a-diplomatic-proposal-for-syria.html> (дата обращения: 22.02.2014).
- ¹¹ Russia, in From the Cold [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2011/11/13/opinion/sunday/russia-in-from-the-cold.html> (дата обращения: 22.02.2014).
- ¹² *Friedman T.* Pussy Riot, Турас and Putin [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/12/19/opinion/friedman-pussy-riot-turas-and-putin.html> (дата обращения: 23.02.2014).
- ¹³ *Nocera J.* Turning the Tables on Russia [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/04/17/opinion/nocera-turning-the-tables-on-russia.html> (дата обращения: 23.02.2014).
- ¹⁴ *Douthat R.* Call Me Vlad [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2013/09/15/opinion/sunday/douthat-call-me-vlad.html> (дата обращения: 23.02.2014).
- ¹⁵ *Keller B.* Russia vs. Europe [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2013/12/16/opinion/keller-russia-vs-europe.html> (дата обращения: 23.02.2014).
- ¹⁶ *Friedman T.* The Politics of Dignity [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/02/01/opinion/friedman-the-politics-of-dignity.html> (дата обращения: 23.02.2014).
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Plutocracy // The Merriam-Webster Dictionary. Springfield, MA, 2004. P. 554.
- ¹⁹ *Nocera J.* How to Steal a Russian Airport [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2011/06/07/opinion/07nocera.html> (дата обращения: 24.02.2014).
- ²⁰ *Putin V.* A Plea for Caution from Russia [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html> (дата обращения: 24.02.2014).
- ²¹ *Douthat R.* Op. cit.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ethical Journalism: A Handbook of Values and Practices for the News and Editorial Departments [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/wp-content/uploads/NYT_Ethical_Journalism_0904-1.pdf (дата обращения: 15.04.2010). P. 4.

М.И. Огурцов

СТРАТЕГИЯ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1990–2013)

Статья посвящена эволюции внешней политики США в Центральной Азии с 1990 г. В работе дан сравнительный анализ внешнеполитических концепций США, а также представлены новые подходы к решению проблемы безопасности в Центральной Азии. Автор также рассматривает вопрос влияния американской военной политики на стабильность в Афганистане и Центрально-Азиатском регионе.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика США, Центральная Азия, Афганистан, национальная безопасность.

Современный этап развития международных отношений характеризуется изменением регионального баланса сил, смещением центров мировой политики на периферию. Ввиду своих экономических и геополитических особенностей некоторые регионы в настоящее время становятся ключевыми во внешней политике ведущих стран. Во внешнеполитических стратегиях мировых держав большое место стала занимать Центральная Азия (далее – ЦА).

После обретения суверенитета центральноазиатские страны на разных уровнях начинают включаться в многополярную систему международных отношений. Традиционно выделяют локального лидера, но в данном случае назвать ключевое государство, которое бы имело широкие сферы влияния в регионе, достаточно трудно. На эту роль претендуют как минимум две страны: Казахстан и Узбекистан. Принципиально важным при определении этого статуса помимо экономического потенциала является уровень развития политической системы в стране.

В начале XXI в. актуализируется борьба ведущих держав за сферы влияния в регионе. Изучение стратегий лидирующих стран

помогает лучше понять способы реализации их национальных интересов и внешнеполитических амбиций.

Активные политические стратегии в ЦА разрабатывают США, Россия, КНР. Кроме того, свои геополитические интересы здесь преследуют Пакистан, Иран, Турция, Индия, что также подчеркивает важность центральноазиатского вектора политики.

Существует ряд факторов, характеризующих политическую и экономическую ситуацию в регионе. Главным образом это проблема трансграничной безопасности, связанная с предстоящим выводом сил НАТО из Афганистана в 2014 г., проблема межэтнических конфликтов, разная степень экономического развития стран ЦА, особенности их политических режимов. В последнее время особенно остро встает вопрос, касающийся водно-энергетических ресурсов, что также таит конфликтный потенциал. При формировании успешной внешнеполитической стратегии государства обязаны учитывать данную специфику региона.

Для понимания дальнейшей динамики развития Центральной Азии принципиально важен анализ эволюции внешнеполитической стратегии США как одного из ключевых акторов в регионе. Необходимо выявить цели внешней политики Соединенных Штатов в ЦА, этапы и способы ее реализации.

Чрезвычайный и полномочный посол США в Республике Узбекистан Джордж Кролл выделил следующие приоритеты Соединенных Штатов в Центральной Азии: расширение сотрудничества со странами ЦА с целью поддержания усилий международной коалиции в борьбе с экстремизмом в Афганистане и Пакистане; развитие и диверсификация энергетического потенциала региона; содействие процессу политической либерализации и уважению прав человека в странах ЦА; развитие рыночной экономики и содействие проведению экономических реформ. С распадом Советского Союза колоссально обострились проблемы бедности, гражданских войн, незаконного оборота наркотиков, что поставило под угрозу целостность самих стран Центральной Азии. Поэтому, по мнению Дж. Кролла, приоритетом США также является предотвращение распада государств Центрально-Азиатского региона. Он также подчеркнул необходимость содействия в развитии таких источников энергии, как гидроресурсы, солнечная энергия. Говоря о роли стран в афганской стратегии США, господин Кролл упомянул Узбекистан, который снабжает электроэнергией Кабул, значимость аэропорта Манас в Киргизии, Туркменистана как важного донора гуманитарной помощи, Казахстана, реализующего множество образовательных программ для студентов из Афганистана в казахских университетах¹.

Но еще до этого заявления, сделанного Дж. Кроллом в декабре 2009 г., Соединенные Штаты проводили планомерную и успешную стратегию по развитию и углублению отношений со странами Центральной Азии.

Принципы реализации внешнеполитических интересов США в регионе были четко сформулированы американским сенатором Чаком Хейгелом в работе «Внешняя политика республиканцев»: Соединенным Штатам необходимо сохранить лидирующее положение в мировой экономике; США не могут обойти проблемы глобальной энергетической безопасности; интересы безопасности США связаны с союзами, международными институтами и коалициями; США должны поддерживать демократические и экономические реформы, принимать во внимание значение публичной дипломатии². Очевидно, что Вашингтон стремился создать максимально удобные условия для своей деятельности в Центральной Азии. Сложность реализации стратегии США в регионе во многом связана со столкновением здесь интересов других крупнейших стран. Нельзя не учитывать влияние России и Китая, имеющих исторически сложившиеся культурные, экономические и политические связи в регионе³. Поэтому вопрос экономического и главным образом энергетического взаимодействия США со странами ЦА заставил политиков начать реализацию планов по выводу нефтяных и газовых ресурсов Каспийского бассейна на мировые рынки.

Ведущий американский политолог Збигнев Бжезинский видел успех реализации стратегии США в создании транспортных путей, соединяющих Центральную Азию с крупнейшими центрами мировой экономической деятельности⁴. Поэтому еще одним элементом новой стратегии стало строительство энергетических трубопроводов из Каспийского региона в Европу. При этом ставилась также цель обеспечить странам Центральной Азии возможность выступать в качестве самостоятельных членов мирового сообщества. Возникла необходимость прокладки нефте- и газопроводов, которые ослабили бы зависимость центральноазиатских государств от транзита энергоресурсов через территорию России. Ранее у таких крупнейших добытчиков, как Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, была возможность поставлять энергоресурсы только по российским трубопроводам, которые управлялись «Газпромом» и «Транснефтью». Поэтому и США, и страны Центральной Азии были заинтересованы в создании альтернативных путей транспортировки нефти и газа. Одним из примеров реализации этих интересов стало соглашение, заключенное в 1993 г. между компанией «Шеврон Корпорейшн» и руководством Казахстана об образова-

нии «Тенгизшевройл» – совместного предприятия по разработке месторождения Тенгиз⁵. Таковы основные приоритеты и принципы, дающие концептуальное обоснование стратегии США в ЦА.

Внешнеполитический курс США в Центральной Азии прошел в своем развитии несколько этапов. В 1991–1992 гг., в период президентства Джорджа Герберта Уокера Буша, шел процесс признания независимых государств Центральной Азии и установления с ними дипломатических отношений. На том этапе еще не было сформировано четкой политики по отношению к странам региона. В целом внешнеполитическая линия не отличалась от общей стратегии по отношению к странам постсоветского пространства. США тогда больше беспокоили действия фундаменталистов в ЦА и наличие ядерного оружия на территории Казахстана. Успехом на пути решения второй проблемы можно считать присоединение Казахстана к договору о нераспространении ядерного оружия⁶. 23 мая 1992 г. в Лиссабоне состоялось подписание Казахстаном протокола к Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений⁷. Курс Билла Клинтона сохранял тенденции политики Буша-старшего. Происходило укрепление независимости стран региона. В период 1993–1996 гг. стали зарождаться военные связи между странами ЦА и НАТО в рамках «Партнерства ради мира» (“Partnership for peace”) и Совета евроатлантического партнерства – международного форума, способствующего развитию диалога и сотрудничества между НАТО и государствами Европы, Азии и Кавказа, не являющимися членами этого альянса⁸.

Поворотным пунктом в формировании стратегии США в Центральной Азии стали события 11 сентября 2001 г. В авангард внешней политики вышла проблема борьбы с международным терроризмом. Тогда же начинается война в Афганистане, где на тот момент группировкой «Талибан» контролировалась обширная часть территории страны. Соединенные Штаты инициировали подписание соглашения о статусе вооруженных сил (Status of Forces Agreement, SOFA) с рядом центральноазиатских стран для использования их аэродромов в целях проведения военной операции США «Несокрушимая свобода» в Афганистане (“Operating Enduring Freedom”, OEF). В рамках данных программ 11 декабря 2001 г. была открыта база в Манасе в Киргизии⁹.

Документом, определившим цели внешней политики Соединенных Штатов в данный период, стала «Стратегия национальной безопасности США». В ней было заявлено, что США будут использовать возможность распространения благ свободы по всему миру. Америка будет активно работать, чтобы донести идеалы демокра-

тии, прогресса до каждого уголка мира¹⁰. Для этого Штатам необходимо было налаживать сотрудничество с отдельными странами региона.

В 2005 г. министр обороны США Дональд Рамсфелд посетил Киргизию для углубления двусторонних отношений и обсуждения дальнейшего функционирования базы Манас¹¹. В том же году правительство Таджикистана заявило о своей поддержке действий США в Афганистане и сохранении права использования своего воздушного пространства для коалиционных сил НАТО.

В 2005–2006 гг. американский эксперт по региональной проблематике Фредерик Старр предложил новую концепцию политики США в ЦА. Он сделал вывод о формировании «Большой Центральной Азии» – нового региона, охватывающего Афганистан и государства ЦА, для которого необходима разработка общерегионального компонента политики. По мнению Старра, принципиальное значение имеет развитие торговых и транспортных связей государств Центральной Азии с Афганистаном. Но данная концепция не получила широкого применения. После активизации деятельности «Талибана» США начали процесс увеличения численности войск НАТО. Администрация Барака Обамы объявила о комплексной стратегии в отношении Афганистана и Пакистана в связи с усилением «Аль-Каиды». Обама также заявлял о необходимости помощи Пакистану в целях преодоления экономического кризиса в стране¹².

Все эти меры должны быть осуществлены при обязательном содействии центральноазиатских государств, для чего организовывались двусторонние встречи США со странами региона. Вашингтон приглушил критику по поводу нарушения прав человека в странах Центральной Азии. Более того, было решено расширить финансовую помощь: общий объем средств, выделенных на 2010 г. на реализацию программ помощи, координируемых Госдепартаментом, был увеличен на 59 % по сравнению с 2009 г.¹³ Для укрепления присутствия в регионе Штаты начали также налаживать более эффективное управление. Для этого США финансировали неправительственные организации, например Национальный демократический институт (НДИ). Правда, «чистота» деятельности этой организации иногда ставилась под сомнение: 7 февраля 2003 г. от ряда НПО Кыргызстана поступили обвинения в адрес НДИ, штаб-квартира которой находится в Вашингтоне, в необъективности оценок референдума в Киргизии. НДИ обвинялся во вмешательстве в избирательный процесс посредством финансирования корпуса наблюдателей от Коалиции «За демократию и гражданское общество»¹⁴.

Кроме НПО важным приоритетом США в Центральной Азии стала работа с молодежными кругами по формированию проамериканской части общества в будущем. Непостоянство политического курса стран региона подтолкнуло Вашингтон обратиться к молодому поколению. Сенатор Чак Хейгел в статье «Внешняя политика республиканцев» подчеркнул: «Соединенным Штатам необходимо сделать ставку на те силы, которые несут с собой перемены, в том числе и на новое поколение жителей нашей планеты, беспокойное и непредсказуемое, вступающее в период взросления. Доверие к Соединенным Штатам, признание их лидирующей роли являются жизненно необходимым фактором в формировании органической глобальной связи с новым поколением»¹⁵.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что за последние 25 лет стратегия США в ЦА представляла собой сочетание двух подходов, которые едва ли могли стать единой универсальной внешнеполитической линией Америки. В конце XX в. Центральная Азия являлась зоной стратегической конкуренции США с Россией, а позднее и с Китаем. После событий 11 сентября 2001 г. Соединенные Штаты стали рассматривать регион лишь через призму борьбы с международным терроризмом и войны в Афганистане. Вследствие этого региональным проблемам стало уделяться гораздо меньше внимания. Несмотря на то что за последнее время позиции центральноазиатских государств укрепились, в этих странах все еще остаются такие проблемы, как высокий уровень преступности, коррупция, незаконный оборот наркотиков, радикализм. Вышеперечисленные факторы, в особенности терроризм, повышают конфликтный потенциал и увеличивают вероятность распространения транснациональных и трансграничных угроз в другие регионы. Ввиду этого афганское направление все еще остается ключевым при формировании приоритетов США в Центральной Азии. После 2013 г. на первый план среди интересов США в ЦА выходят вопросы, связанные с выводом коалиционных сил НАТО из Афганистана. США рассчитывают, что передача полного контроля за безопасностью афганским военным должна полностью завершиться в 2014 г.¹⁶ На повестку дня выходит вопрос совместной реализации этой программы со странами Центральной Азии. При этом Штаты хотят не только сохранить свои уже имеющиеся военные пункты в регионе, но и расширить их сеть. К таковым можно отнести аэродром Айни под Гиссаром в Таджикистане (вокруг этого аэродрома, который Россия хочет видеть в качестве 201-й российской военной базы в Таджикистане, ведутся активные российско-американские споры), центр транзитных перевозок военно-воздушных сил США

«Манас» в Киргизии, порт Актау на восточном побережье Каспийского моря (единственный морской порт Казахстана), аэропорт Шымкент (меморандум о предоставлении аэропорта Шымкента ВВС Дании, осуществляющих операцию в Афганистане, был подписан еще 11 июля 2003 г.)¹⁷. Также известно, что Узбекистану достанется и большая часть вывозимой из Афганистана американской военной техники. Уже сейчас Вашингтон и Ташкент ведут переговоры по созданию в Узбекистане Центра оперативного реагирования для координации действий в случае ухудшения ситуации в регионе после 2014 г. При Обаме был достигнут ряд успехов в двустороннем сотрудничестве. В ноябре 2010 г. было заключено казахстанско-американское соглашение о воздушном транзите военных грузов в Афганистан¹⁸. В то же время новое киргизское руководство, сменившее режим К. Бакиева, продлило аренду Центра транзитных перевозок в Манасе. Одним из приоритетов администрации Обамы стало налаживание отношений с Узбекистаном. Посол США в Республике Узбекистан Дж. Кролл оценил Узбекистан в качестве важнейшего партнера по содействию установлению мира и стабильности в Афганистане. А администрация Обамы даже просила разрешения у Конгресса снять ограничения из-за «тяжелой ситуации» с правами человека для расширения сотрудничества с Узбекистаном. Узбекистан стал единственной страной ЦА, присоединившейся к «Коалиции доброй воли» в феврале–марте 2003 г. Ислам Каримов заявил, что операция в Ираке – это продолжение прошлых попыток «переломить хребет терроризма»¹⁹. 2 декабря 2010 г. заключено американо-узбекское межправительственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве²⁰. Соединенные Штаты ценят геостратегическое положение Узбекистана. Узбекистан и Афганистан связывает железная дорога Мазари-Шариф – Термез, что принципиально важно для доставки военных грузов для НАТО. Прокладка этой ветки проходила при непосредственном участии США, которые потратили на этот проект около 210 млн долл. Да и Узбекистан преследует здесь свои личные цели: страна планирует создать трансафганский коридор для выхода через Мазари-Шариф, Шеберган, Герат и Кандагар к международным морским портам Ирана и Пакистана²¹. Помимо этого, в 2010 г. компания «Узбекистон темир йуллари» завершила строительство 75-километровой железной дороги в Афганистане Хайратон – Мазари-Шариф²². Таким образом, Узбекистан может стать крупнейшим в ЦА пунктом для транспортировки транзитных грузов. Исходя из этого положения, логика стратегии администрации Обамы в Республике Узбекистан очевидна. Но успех напрямую будет зави-

сеть от политической стабильности как в самом Узбекистане, так и в Центрально-Азиатском регионе.

2014 год должен стать очередной вехой развития стратегии США в ЦА, а также новым этапом отношений с ключевыми конкурентами в регионе – Россией и Китаем. Чтобы справиться с возможными негативными последствиями после вывода войск из Афганистана, необходимо многостороннее сотрудничество США, в том числе и с Россией. Это является важнейшим условием стабильности в Афганистане и в Центральной Азии в целом.

Примечания

- ¹ Revaluating U.S. Policy In Central Asia. Statement of Hon. George A. Krol, Deputy Assistant Secretary of State, Bureau of South and Central Asian Affairs, Department of State, Washington, DC [Электронный ресурс] // U.S. Government Printing Office. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-111shrg56492/html/CHRG-111shrg56492.htm> (дата обращения 23.12.2013).
- ² Хейгел Ч. Внешняя политика республиканцев // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 124–130.
- ³ Манкофф Д. Политика США в Центральной Азии после 2014 г. [Электронный ресурс] // Журнал «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». URL: http://www.intelros.ru/readroom/pro_et_contra/k1-2-2013/19760-politika-ssha-v-centralnoy-azii-posle-2014-goda.html (дата обращения: 20.12.2013).
- ⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. С. 179.
- ⁵ Общая информация [Электронный ресурс] // Тенгизшевройл. URL: <http://www.tengizchevroil.com/ru/about/overview> (дата обращения 19.12.2013).
- ⁶ Лаумулин М. Казахстан и Запад: ретроспектива отношений в 1990-е гг. [Электронный ресурс] // Сайт Института центральноазиатских и кавказских исследований Швеции Издательский дом «CA&CC Press AB». URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/07.laumill.shtml> (дата обращения: 25.12.2013).
- ⁷ Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/start1/lisb-agr.txt> (дата обращения: 10.01.2014).
- ⁸ Совет Евроатлантического партнерства [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «НАТО.РФ». URL: <http://xn--80azer.xn--p1ai/ru/eapc.html> (дата обращения: 20.11.2013).
- ⁹ Nichol J. Kyrgyzstan and the Status of the U.S. Manas Airbase: Context and Implications [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R40564.pdf> (дата обращения: 20.12.2013).

- 10 The National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата обращения: 17.10.2013).
- 11 *Marat E.* Rumsfeld in Kyrgyzstan: Halting America's Faltering Position in Central Asia // The Central Asia-Caucasus Analyst. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/10138-analytical-articles-caci-analyst-2005-7-27-art-10138.html> (дата обращения: 05.12.2013).
- 12 Obama's Strategy for Afghanistan and Pakistan [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/pakistan/obamas-strategy-afghanistan-pakistan-march-2009/p18952> (дата обращения: 15.12.2013).
- 13 *Троцкий Е.Ф.* Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.) // Сравнительная политика. 2011. № 4. С. 65–74.
- 14 Национальный демократический институт США обвинен во вмешательстве «в избирательный процесс» Кыргызстанского референдума [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «ЦентрАзия». URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1044708720> (дата обращения: 09.12.2013).
- 15 *Хейгел Ч.* Указ. соч. С. 114–130.
- 16 *Казанцев А.А.* Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы [Электронный ресурс] // Электронная библиотека МГИМО. URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=E3DAB956-8956-310D-0D4C-2235B2392202> (дата обращения: 15.01.2014).
- 17 Подписан меморандум о предоставлении аэропорта Шымкента датским ВВС, осуществляющим операцию в Афганистане [Электронный ресурс] // Nomad. URL: <http://www.nomad.su/?a=5-200306120024> (дата обращения: 09.12.2013).
- 18 США подписали с Казахстаном соглашение о военном транзите [Электронный ресурс] // Nomad. URL: <http://www.nomad.su/?a=3-201011150031> (дата обращения: 01.12.2013).
- 19 *Nichol J.* Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. URL: <http://www.fas.org/map/crs/IB93108.pdf> (дата обращения: 20.12.2013).
- 20 *Савчук-Курбанов С.* Узбекистан и США на пути прорыва в сфере «научной дипломатии» (Часть 3) [Электронный ресурс] // Узбекистан на Великом Шелковом пути. URL: <http://www.silkway.uz/newsmore/1127> (дата обращения 11.10.2013).
- 21 Узбекистан на деньги США построит железную дорогу из Термеза в Мазари-Шариф [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «ЦентрАзия». URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1100390100> (дата обращения: 09.12.2013).
- 22 Узбекские железные дороги открыли движение в Афганистане между Хайратоном и Мазари-Шарифом [Электронный ресурс] // Агентство международной информации «Новости – Казахстан». URL: http://www.newskaz.ru/world_news/20111222/2357438.html (дата обращения 11.10.2013).

И.А. Баскакова

БАЙКОНУР: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КОСМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Статья посвящена оценке нынешнего состояния и перспектив взаимодействия России и Казахстана по вопросу эксплуатации космодрома Байконур с учетом имеющихся проблем: стремления Казахстана изменить правовую основу сотрудничества, замены российской ракеты-носителя «Ангара» на российско-украинский «Зенит», строительства Россией космодрома Восточный на своей территории и др.

Ключевые слова: Байконур, Россия, Казахстан, космическая отрасль.

Казахстан является ключевым союзником России на постсоветском пространстве, активно участвующим во всех российских интеграционных проектах¹, включая формирующийся Евразийский экономический союз. Между двумя государствами налажены тесные политические и экономические связи, осуществляется сотрудничество в сфере безопасности.

Тем не менее помимо укрепления двухсторонних связей и углубления интеграции в российско-казахстанских отношениях существуют и проблемы. Одна из самых значительных – совместная эксплуатация космодрома Байконур, находящегося на территории Казахстана, но являющегося основной стартовой площадкой для пусков, осуществляемых Российской Федерацией. На данный момент это единственный космодром, с которого производятся российские пилотируемые запуски.

Первое межправительственное соглашение, регулирующее вопросы эксплуатации Байконура, было заключено между Россией и Казахстаном в 1992 г. По этому соглашению РФ взяла на себя 94 % финансирования объектов Байконура, располагавшиеся там войска вошли в состав военно-космических сил РФ². Но условия соглашения не нравились казахстанской стороне.

На заре независимости Казахстана президент Нурсултан Назарбаев выступал с идеей создания на базе Байконура международного консорциума, где у России не было бы никаких преимуществ не только перед республиками бывшего СССР, но и перед США. Разумеется, Москва выступила резко против, но эта идея еще несколько лет обсуждалась казахстанскими властями.

В итоге в 1994 г. было заключено межправительственное соглашение об аренде Россией космодрома Байконур³ сроком на 20 лет (стоимость аренды – 115 млн долл. в год)⁴. Согласно этому документу, необходимо развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в космической области и расширять участие Казахстана в выполнении космических программ на Байконуре, проводить модернизацию его инфраструктуры, повышать экологическую безопасность деятельности, осуществляемой на космодроме.

В 2004 г. соглашение было продлено до 2050 г. Стоимость аренды не изменилась, но, согласно новым условиям, Россия обязана делиться с Казахстаном доходами от реализации совместных с ним проектов на Байконуре⁵. Во время выработки нового соглашения возникла проблема, с какой даты его продлевать. В Астане предлагали сделать это с момента заключения первого соглашения в 1994 г., а в Москве – с момента подписания нового соглашения, т. е. с 2004 г. Поэтому срок аренды на 50 лет до 2050 г. можно назвать компромиссным вариантом⁶.

Стоит отметить, что Россия это соглашение ратифицировала сразу же, а Республика Казахстан (РК) – только в апреле 2010 г. после ноты МИД РФ⁷ (казахстанских парламентариев не устраивали сохранение прежней стоимости аренды, при том, что до половины этой суммы включалось в различные взаимозачеты, а не переводилось живыми деньгами, а также правовой статус граждан РК на Байконуре⁸). Но уже с 2012 г. казахстанские официальные лица все чаще стали говорить о необходимости подписания нового соглашения с целью отхода от арендных отношений⁹. По мнению Талгата Мусабаева, председателя Национального космического агентства Республики Казахстан (Казкосмос), «арендные отношения в некоторой степени начинают тормозить, к примеру, развитие казахстанского космоса, мы не можем никак не войти на космодром и сделать что-то. Казахстан изменился, авторитет нашей страны вырос во всех отношениях. Военная составляющая Российской Федерации ушла полностью с космодрома. Если это была раньше воинская часть, то теперь это совершенно гражданский объект. Все это требует внесения новых положений...»¹⁰. Текст соглашения в данный момент находится на согласовании в Москве, а в качестве

возможной даты подписания называется 2016 г.¹¹ (после окончания срока действия «дорожной карты», подробнее о которой будет сказано ниже).

Как уже говорилось выше, на данный момент ситуация с Байконуром является одним из наиболее проблемных сюжетов российско-казахстанских отношений. Во-первых, напряженность между нашими странами в космической сфере связана со статусом Байконура и свободой его использования Россией. Во-вторых, сложно решался вопрос о выборе ракеты-носителя, которая придет на смену «Протону» (в итоге вместо российской «Ангары» будет использоваться российско-украинский «Зенит»). В-третьих, несмотря на в целом благожелательное отношение Казахстана к межгосударственному сотрудничеству с Россией, периодически возникают крайне неприятные эпизоды: попытки квотировать запуски «Протонов», усложнение согласования трасс выведения или отказ в согласовании.

Кроме того, до недавнего времени существовало значительное недопонимание между руководством Казкосмоса и Федерального космического агентства (Роскосмоса). Лишь после назначения в конце 2013 г. на должность главы Роскосмоса Олега Остапенко эту проблему удалось решить.

Вскоре после этого на межправительственном уровне удалось согласовать и принять «дорожную карту» по Байконуру, что, по мнению главы Казкосмоса Т. Мусабаева, стало большим шагом в развитии партнерских отношений: «Договорились и зафиксировали на бумаге, что проект создания ракетно-космического комплекса «Байтерек» будет реализовываться с использованием ракеты-носителя «Зенит»¹².

Для лучшего понимания ситуации необходимо напомнить, что одним из ключевых проектов в начале 2000-х гг. было создание ракетно-космического комплекса (РКК) «Байтерек» для запусков российской ракеты-носителя «Ангара» вместо используемого сейчас «Протона».

В итоге по ряду причин Казахстан не стал строить этот комплекс в первоначальном варианте. Кроме того, постоянно переносились сроки первого запуска с космодрома Плесецк ракеты-носителя «Ангара». В этих условиях Казахстан предложил создать комплекс «Байтерек» под российско-украинскую ракету-носитель «Зенит»¹³.

До января 2015 г. этот комплекс будет выведен из аренды России и передан Казахстану, который возьмет на себя расходы по его содержанию – около 10 млн долл. в год. Речь, однако, идет о сов-

местном использовании комплекса – Казахстан, по словам Т. Музабаева, не собирается самостоятельно «там работать и ракеты запускать. Мы осознаем, что на сегодняшний день это невозможно. Также мы планируем в будущем модернизировать “Зенит” с тем, чтобы создать на основе этого комплекса ракету тяжелого класса, чтобы впоследствии она могла заменить “Протон”»¹⁴. По оценке заместителя председателя национальной компании Казкосмос Меирбека Молдабекова, это станет возможным к 2025 г.¹⁵ Однако перспективы проекта «Байтерек» в таком формате вызывают сомнения у ряда экспертов¹⁶.

Еще более усложнилась ситуация с началом острой фазы украинского кризиса. В апреле 2014 г. глава Роскосмоса О. Остапенко заявлял, что не считает перенос производства на российские предприятия целесообразным, но для принятия окончательного решения необходимо подождать разрешения политического кризиса на Украине. «Делать ставку на ракету-носитель “Зенит” смысла нет, но время покажет, как будут развиваться события... Мы базовую ориентацию делаем на отечественные, российские ракеты-носители»¹⁷. На данный момент (июнь 2014 г.) реализация проекта продолжается¹⁸, даже несмотря на заявление президента Украины П. Порошенко о разрыве военно-промышленного сотрудничества с Россией, однако уверенности в том, что завершить проект удастся, у российской стороны нет.

Накаляет и без того сложную ситуацию и вопрос о компенсации в связи с падением «Протонов». Последний раз «Протон-М» рухнул на старте 2 июля 2013 г. По оценке Министерства окружающей среды и водных ресурсов Казахстана, сумма ущерба – около 90 млн долл. Однако Россия заявила, что Роскосмос проведет собственную экспертизу, для того чтобы оценить корректность расчетов¹⁹. Тем временем в мае 2014 г. случилась очередная авария²⁰.

Неудачные пуски и трения по вопросу о компенсации случались и раньше. Например, после падения российской ракеты-носителя «Днепр» в 2006 г. между Россией и Казахстаном возникли споры, касающиеся выплаты компенсаций пострадавшей стороне. Казахстан первоначально оценил совокупный экономический и экологический ущерб в 40,7 млрд тенге (330 млн долл.), что в два раза превышает ежегодную арендную плату России за использование Байконура. РФ отказалась выплачивать подобную сумму, и Казахстан был вынужден снизить свои требования до 141,8 млн тенге (1,11 млн долл.). Компенсация была выплачена, и в январе 2007 г. Казахстан дал разрешение на возобновление запусков «Дне-

пра»²¹. В том же 2007 г. неудачей завершился запуск ракеты-носителя «Протон», сумма компенсации составила 2,5 млн долл., хотя изначально казахстанская сторона говорила о 8,5 млн долл.²² Неудачные пуски имели место и в 2010–2012 гг.²³

Понимание необходимости отказа от гептиловых ракет есть у обеих сторон. Но для этого сначала надо разработать ракету-носитель на экологически безопасном топливе²⁴. Такой проект у России есть – это «Ангара». Как было сказано выше, в 2013 г. Казахстан из проекта вышел. Поэтому теперь Россия планирует использовать «Ангару» на космодроме Восточный.

Несмотря на наличие космодромов на своей территории, Россия по-прежнему арендует Байконур, так как географическое положение космодрома позволяет запускать пилотируемые корабли, межпланетные станции и спутники (и спутники связи, и шпионские) на геостационарную орбиту. По техническим причинам это неосуществимо с космодромов Плесецк и Капустин Яр на территории Российской Федерации²⁵. Сходные условия лишь на Дальнем Востоке, но космодром Восточный пока не готов к использованию.

Строить новый крупный космодром в Амурской области и со временем перевести на него все российские пилотируемые запуски Кремль вынужден из-за постоянных конфликтов по поводу выплат и, самое главное, опасений возможной политической нестабильности после ухода Назарбаева. Байконур будет эксплуатироваться как минимум до 2050 г., как это предусмотрено имеющимися российско-казахстанскими договоренностями, но нагрузка на него постепенно будет снижаться, заявляют в Роскосмосе.

Обеспечение самостоятельного доступа в космос на фоне сложностей российско-казахстанских отношений имеет первоочередное значение для Москвы. В соответствии с соглашением 2004 г. российской стороне необходимо согласовывать с Астаной план запуска с Байконура ракет, использующих токсичные компоненты топлива. С тех пор ежегодно договоренности по числу пусков становятся предметом особых политических спекуляций²⁶. А главное, как уже говорилось выше, с 2012 г. Астаной неоднократно ставился вопрос о подписании нового соглашения с целью отхода от арендных отношений. Создание нового космодрома связано с решением и других задач: укрепление позиций России в АТР с учетом космических программ Китая и Индии, развитие российского Дальнего Востока, использование оставшейся инфраструктуры закрытого в 2007 г. космодрома Свободный. Не менее важен и экономический фактор: кроме арендной платы в

размере 3,5 млрд руб. (115 млн долл.), 1,5 млрд руб. уходит на поддержание объектов космодрома. Еще более 1 млрд руб. – дотации в городской бюджет Байконура²⁷.

Глава Казкосмоса признает оправданной политическую составляющую строительства нового космодрома, который необходим России для обеспечения независимого доступа в космос (это особенно актуально при запусках аппаратов двойного назначения в интересах национальной безопасности и обеспечения обороноспособности) и как новый стимул для развития Дальнего Востока. Но, разумеется, Т. Мусабаяев не считает строительство Восточного экономически оправданным: «С экономической точки зрения создание такого рода полигона и соответствующих космических ракетных комплексов на нем является капиталоемким и долговременным мероприятием для любого государства»²⁸.

Как уже было сказано выше, в ближайшие годы Россия продолжит использование Байконура, что подтвердил в феврале 2014 г. первый заместитель генерального директора научно-производственного центра им. Хруничева Владимир Нестеров: «У нас нет никаких планов уходить с Байконура. Когда появится “Ангара”, она должна будет набрать определенную положительную статистику». Вместе с тем он отметил, что после ввода в строй Восточного у России появится определенная «свобода маневра»²⁹. Согласно «дорожной карте» по совместному использованию комплекса Байконур на 2014–2016 гг., подписанной в декабре 2013 г., кроме развития проекта «Байтерек» с использованием ракет-носителей «Зенит» в 2014 г. должна быть проработана «возможность создания совместных космических ракетных комплексов легкого (сверхлегкого) класса на космодроме». Также предполагается выработка специального механизма обеспечения допуска казахстанских специалистов к документации и оборудованию космодрома, содержащим государственную тайну, разработка порядка использования секретного оборудования и определение порядка приема на работу казахстанских специалистов по специальностям космического профиля³⁰.

Одним из крупных проектов, реализуемых двумя государствами, является проект создания казахстанской системы спутниковой связи и вещания «КазСат». Первый «КазСат» был запущен в 2006-м, но спустя два года возникли проблемы в работе системы управления и спутник был безвозвратно потерян. Казахстан в потере «КазСата» обвинил Россию: спутник «собрали из ненадежных российских конструкций»³¹. В 2011 г. на орбиту был выведен «КазСат-2», предназначенный для телевизионного вещания и передачи

данных спутниковой связи на территории Казахстана и стран Центральной Азии, а в апреле 2014 г. состоялся запуск «КазСат-3». «КазСат-2» и «КазСат-3» совместно должны образовать полноценную систему связи, благодаря чему республика будет независима от зарубежных систем. Кроме того, это позволит сократить импорт телекоммуникационных услуг примерно на 22 млн долл. в год. Тем временем Казкосмос уже планирует создание нового спутника. Но собираться «КазСат-4» будет уже не в России, а на базе сборочно-испытательного комплекса в Астане³².

В рамках подписанного 22 мая 2008 г. межправительственного Соглашения о сотрудничестве в области использования и развития российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС³³ национальной компанией «Казахстан Гарыш Сапары» проводятся работы по созданию наземной инфраструктуры системы высокоточной спутниковой навигации Республики Казахстан (СВСН РК) на основе региональных дифференциальных систем СВСН с учетом использования стандартных сигналов ГЛОНАСС и американской GPS.

Национальный центр космических исследований и технологий Казахстана совместно с ведущими российскими научно-исследовательскими институтами (Институт космических исследований РАН, Институт солнечно-земной физики РАН, Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН и др.) проводит научные исследования в области астрофизики, физики ближнего и дальнего космоса, атмосферы и ионосферы Земли, а также космических технологий с целью решения научных и научно-технических проблем развития космической деятельности в республике³⁴.

В рамках двухстороннего сотрудничества осуществляется подготовка казахстанских специалистов для космической отрасли Республики Казахстан в таких российских вузах, как Московский авиационный институт, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана и др.³⁵

Ведутся переговоры о возможности отправки Казахстаном своего космонавта на Международную космическую станцию (МКС) в 2016–2017 гг. Представитель Казахстана должен был отправиться на МКС в 2009 г. на корабле «Союз ТМА-16», однако в связи с сокращением бюджетных расходов республика отказалась от данной возможности³⁶.

Главной проблемой Казахстана остается вопрос, что будет с Байконуром после ухода России. По мнению российских экспертов, вывод военных с космодрома значительно ослабляет

его перспективы и говорит об отсутствии долгосрочных планов в отношении него у России. Постепенная передача объектов гражданским службам Роскосмоса началась еще во второй половине 1990-х гг. К декабрю 2007 г. Байконур покинули 5 тыс. военнослужащих. Ввод в строй Восточного, несомненно, снизит роль Байконура в российской космической программе, особенно в пилотируемых полетах. Однако пока с учетом незавершенного строительства нового космодрома и очередного (уже девятого) переноса на 2014 г. первого пуска ракеты-носителя «Ангара»³⁷ казахстанский космодром будет служить российской космонавтике еще по меньшей мере два ближайших десятилетия. В свете этих задач Россия будет поддерживать необходимый уровень технического оснащения казахстанского космодрома, продолжая и далее вкладывать средства в развитие инфраструктуры на собственной территории³⁸.

Затем Казахстану придется самостоятельно сохранять и развивать «Байконур», что, очевидно, будет сложной задачей, так как у республики нет для этого достаточного научно-технического и кадрового потенциала³⁹.

Однако хочется надеяться, что двустороннее сотрудничество не завершится «космическим разводом». В условиях ужесточающейся конкуренции, возможно, более целесообразным для России было бы инвестирование в разработку новых, более совершенных, ракет-носителей, которые пришли бы на смену ракетам пятидесятилетней давности, а не в строительство космодрома Восточный. Стоимость финансирования проекта, включая 2015 г., составляет 300 млрд руб. Необходимо сказать, что тот функционал, который запланирован, вряд ли позволит производить с Восточного большое количество запусков. И, главное, он не позволяет надеяться на то, что в обозримом будущем у России появится новый и современный класс ракет-носителей. Ведь на Восточном будет построен лишь один стартовый комплекс ракет-носителя среднего класса повышенной грузоподъемности (до 20 т) в составе двух пусковых установок. Есть сведения о том, что к 2018 г. построят две «тяжелые» стартовые площадки. Однако, учитывая, что две «средние» будут строиться 7 лет (и не факт, что будут готовы вовремя: проблема отставания в сроках строительства не решена до сих пор⁴⁰), прогноз весьма пессимистический⁴¹.

В случае полного ухода России с Байконура Казахстан не сможет поддерживать инфраструктуру космодрома, и его будущее представляется туманным. В связи с этим и Москве, и Астане необхо-

димо проявить большее стремление к компромиссу. Тем более что о заинтересованности в совместном использовании Байконура не только в ближайшие годы, но и в долгосрочной перспективе, несмотря на все сложности взаимодействия и строительство космодрома Восточный, обе стороны заявляли неоднократно⁴².

Примечания

- ¹ За исключением Союзного государства.
- ² Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о порядке использования космодрома Байконур (Москва, 25 мая 1992 г.) [Электронный ресурс] // Федеральное космическое агентство. URL: <http://www.federspace.ru/2309/> (дата обращения: 07.06.2014).
- ³ На территории Байконура и г. Ленинска в отношении российских военных, специалистов и членов их семей применяется российское законодательство.
- ⁴ Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан (Москва, 10 декабря 1994 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации города Байконур. URL: <http://www.baikonuradm.ru/index.php?mod1=npb1&npbid=38> (дата обращения: 07.06.2014).
- ⁵ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур» [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2004/01/60146.shtml> (дата обращения: 07.06.2014).
- ⁶ *Григорьева Е.* Путин решил проблему Байконура до 2050 года [Электронный ресурс] // Nomad. URL: <http://www.nomad.su/?a=3-200401120026> (дата обращения: 07.06.2014).
- ⁷ Парламент РК ратифицировал соглашение с РФ, продлевающее аренду космодрома Байконур до 2050 года [Электронный ресурс] // Агентство международной информации «Новости – Казахстан». URL: <http://www.newskaz.ru/politics/20100409/521835.html> (дата обращения: 07.06.2014).
- ⁸ *Чеберко И.* Надавив на Казахстан, Россия получила Байконур до 2050 г. [Электронный ресурс] // Деловая газета «Маркер». URL: <http://marker.ru/news/395> (дата обращения: 07.06.2014).
- ⁹ Подробнее см., напр.: Астана и Москва прорабатывают возможность поэтапного отхода от арендных отношений по Байконуру [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства Meta. URL: <http://www.meta.kz/novosti/kazakhstan/758780-astana-i-moskva-prorabatyvayut-vozmozhnost-poetapnogo-othoda-ot-arendnyh-otnosheniy-po-baykonuru.html> (дата обращения: 07.06.2014);

Аксенов П. Россия может отказаться от аренды космодрома Байконур [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/12/121210_baikonur_rent_russia.shtml (дата обращения: 07.06.2014); Новое соглашение по космодрому Байконур [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер. URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/14534> (дата обращения: 07.06.2014).

¹⁰ *Мусабиев Т.* У Казахстана есть реальные достижения в развитии космической отрасли [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Интерфакс-Казахстан». URL: http://www.interfax.kz/?lang=rus&int_id=13&news_id=220 (дата обращения: 07.06.2014).

¹¹ Там же.

¹² *Шалабаева А.* Теперь нам только снится рокот космодрома [Электронный ресурс] // Эксперт-Казахстан. URL: <http://expertonline.kz/a12446/> (дата обращения: 07.06.2014).

¹³ В соответствии с соглашением 2004 г. Москва согласилась на паритетных началах с Астаной принять участие в проекте РКК «Байтерек» как одного из направлений повышения эффективности эксплуатации Байконура. Источником финансирования должен был стать льготный кредит в размере 223 млн долл., предоставленный казахстанской стороной специально созданному совместному казахстанско-российскому предприятию «Байтерек». Комплекс ориентирован на выполнение коммерческих пусков, а также на космические программы России и Казахстана. В качестве технической базы проекта предполагалось создание стартового и технического комплексов для разрабатываемой российской ракеты-носителя «Ангара». «Байтерек» должен был заложить основу для самостоятельных казахстанских пусков ракет в будущем. Однако к лету 2007 г. у участников проекта возникли разногласия. Глава Казкосмоса даже обвинил Россию в затягивании сроков реализации программы, сославшись на недоработанность эскизного проекта РКК и проблемы в техническом проектировании «Ангары». В начале 2012 г. добавились разногласия по вопросам финансирования, и осенью того же года казахстанская сторона предложила создать комплекс «Байтерек» под российско-украинскую ракету-носитель «Зенит» вместо «Ангары». Подробнее см.: *Лихачев М.А.* К 2030 году Россия будет запускать ракеты с собственных космодромов [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований. URL: <http://www.riss.ru/analitika/2495-perspektivu-rossijskogo-prisutstviya-na-bajkonure> (дата обращения: 07.06.2014); Проекту «Байтерек» необходимо участие Казахстана в режиме контроля за ракетными технологиями [Электронный ресурс] // Tengrinews. URL: <http://tengrinews.kz/progress/proektu-bayterek-neobhodimo-uchastie-kazahstana-rejime-kontrolya-raketnyimi-248762/> (дата обращения: 07.06.2014).

¹⁴ *Мусабиев Т.* Мы бы хотели, чтобы Россия осталась на Байконуре навсегда [Электронный ресурс] // Известия. URL: <http://izvestia.ru/news/563496#ixzz2tlWfgCl0> (дата обращения: 07.06.2014).

- 15 Казахстан с 2014 г. намерен самостоятельно запускать ракеты «Зенит» [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/space/20131203/981552073.html> (дата обращения: 07.06.2014).
- 16 См., напр.: Россия уходит с Байконура? [Электронный ресурс] // Медиалпортал «Радиоточка». URL: <http://www.radiotochka.kz/news/full/1473.html> (дата обращения: 07.06.2014); Проект «Байтерек» под вопросом [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер. URL: <http://vpk-news.ru/articles/18847> (дата обращения: 07.06.2014).
- 17 Роскосмос против переноса производства ракет-носителей «Зенит» в РФ [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/space/20140424/1005286092.html> (дата обращения: 07.06.2014).
- 18 Днепропетровское бюро продолжает обслуживать российские ракеты [Электронный ресурс] // Украинская правда. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/06/19/7029528/> (дата обращения: 19.06.2014).
- 19 *Красиенко Я.* Казахстану никак не удастся получить 13,5 миллиарда за падение «Протона» [Электронный ресурс] // Сайт телеканала «КТ». URL: <http://www.ktk.kz/ru/news/video/2014/02/04/26514> (дата обращения: 07.06.2014).
- 20 Ракета «Протон» с российским спутником упала за пределами Казахстана [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/science/20140516/1007966351.html> (дата обращения: 07.06.2014).
- 21 Россия и Казахстан согласовали компенсацию за упавший «Протон» [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/news/2007/01/08/dnepr/> (дата обращения: 07.06.2014).
- 22 Казахстан разрешил России запускать с Байконура ракеты «Днепр» [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/news/2007/12/19/proton/> (дата обращения: 07.06.2014).
- 23 *Ахматова З.* «Протон». Хроника падения [Электронный ресурс] // Власть. URL: http://vlast.kz/article/_laquoproton_raquo_hronika_padenija-5581.html (дата обращения: 07.06.2014).
- 24 *Шалабаева А.* Указ. соч.
- 25 *Цехмистренко С.* Между Москвой и Алма-Атой пролегла байконурская тень [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=72173> (дата обращения: 07.06.2014).
- 26 *Лихачев М.А.* Указ. соч.
- 27 Там же.
- 28 *Шалабаева А.* Указ. соч.
- 29 Россия не планирует уходить с Байконура [Электронный ресурс] // Информационное агентство «NewTimes.kz». URL: <http://newtimes.kz/security/8135-grossiya-ne-planiruet-ukhodit-s-bajkonura> (дата обращения: 07.06.2014).
- 30 *Рафалович С.* Дорожная карта – план к действию [Электронный ресурс] // Кызылординские вести. URL: <http://www.kzvesti.kz/191-ot-31-dekabrya-2013/1280-dorozhnaya-karta-plan-k-deystviyu.html> (дата обращения: 07.06.2014).

- 31 Казахстанский спутник потерян [Электронный ресурс] // Лаборатория общественно-политического развития стран ближнего зарубежья. Информационно-аналитический центр. URL: <http://ia-centr.ru/publications/3120/> (дата обращения: 07.06.2014).
- 32 Россия успешно вывела на орбиту казахстанский спутник «КазСат-3» [Электронный ресурс] // Центральный интернет-портал Шанхайской Организации Сотрудничества. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=12779> (дата обращения: 07.06.2014).
- 33 Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области использования и развития российской глобальной навигационной спутниковой системы (Астана, 22 мая 2008 г.) [Электронный ресурс] // Федеральное космическое агентство. URL: <http://www.federalspace.ru/2310/> (дата обращения: 07.06.2014).
- 34 Рассматривая тему ГЛОНАСС, необходимо отметить, что в апреле 2014 г. Россия, Белоруссия и Казахстан договорились о создании единого навигационного пространства. Наземный сегмент ГЛОНАСС пополнят 50 измерительных станций, размещенных за пределами России. Подробнее см.: Иванов: Россия, Белоруссия и Казахстан создадут единую сеть ГЛОНАСС [Электронный ресурс] // Газета «Труд». URL: http://www.trud.ru/article/23-04-2014/1311744_ivanov_rossija_belorussija_i_kazaxstan_sozdadut_edinuju_set_glonass.html (дата обращения: 07.06.2014).
- 35 *Шаймагамбетов Е.* Международное сотрудничество – важный шаг в развитии космонавтики [Электронный ресурс] // Официальный интернет-ресурс Национального космического агентства Республики Казахстан. URL: <http://kazcosmos.gov.kz/kz/press-office/intervyu/ma%D2%9Balalar-men-s%D2%B1x-battar-kontejner/20.html> (дата обращения: 07.06.2014).
- 36 Казахстан ведет переговоры с Россией о возможности отправки своего космонавта на Международную космическую станцию [Электронный ресурс] // Trend News Agency. URL: <http://www.trend.az/regions/casia/kazakhstan/2262815.html> (дата обращения: 07.06.2014).
- 37 Первый старт ракеты «Ангара» в Архангельске перенесен на 2014 год [Электронный ресурс] // Аргументы недели. URL: <http://argumenti.ru/army/2013/04/249171> (дата обращения: 07.06.2014).
- 38 *Лихачев М.А.* Указ. соч.
- 39 *Voloshin G.* Kazakhstani-Russian Space Cooperation Further at Risk [Электронный ресурс] // The Jamestown Foundation. URL: [http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews\[tt_news\]=41427&no_cache=1#.VChRf1cve8o](http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews[tt_news]=41427&no_cache=1#.VChRf1cve8o) (дата обращения: 07.06.2014).
- 40 *Розозин Д.* Строительство нового космодрома все еще отстает от графика [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/space/20140416/1004129631.html> (дата обращения: 07.06.2014).

- ⁴¹ *Тучков В.* Слабый отблеск Байконура. Принесет ли счастье российской космонавтике переезд из Казахстана на Дальний Восток? [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «ЦентрАзия». URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1392218280> (дата обращения: 07.06.2014).
- ⁴² См., напр., уже упоминавшиеся публикации: *Мусабаев Т.* Мы бы хотели, чтобы Россия осталась на Байконуре навсегда...; Россия не планирует уходить с Байконура..., а также интервью заместителя министра иностранных дел России Григория Карасина: «Это вложение в будущее этих стран и в наши стратегические интересы» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2274864> (дата обращения: 07.06.2014).

М.В. Тюльпаков

ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ТУРКМЕНИСТАНА В НАЧАЛЕ XXI В.

В статье приводится анализ современной геополитической ситуации в Центральной Азии и Каспийском регионе, а также места Туркменистана в системе современных международных отношений. Автором рассматриваются факторы, влияющие на изменение роли Туркменистана во внешней политике мировых держав (России, США, Китая и ЕС) и государств-соседей.

Ключевые слова: геополитика, Центральная Азия, Каспийский регион, Туркменистан, международные отношения.

Изменения, произошедшие в мире на рубеже прошлого и нынешнего столетий, дали известный импульс к активизации исследований в области геополитики. Начали появляться противоречащие друг другу работы, посвященные изменению геополитического и геоэкономического пространства в мире и регионах. Многогранность и новизна вызовов и угроз этого периода истории побуждали исследователей к поиску возможностей их описания и решения, а также к предсказанию вариантов развития в динамично изменяющемся мире. Сегодня лидеры крупнейших держав обратили свой внешнеполитический взор на Восток, на «Хартленд» (как обозначил важнейшую с геополитической точки зрения зону Х. Макиндер), включающий в себя помимо России Центральную Азию (ЦА) с бассейном Каспийского моря¹.

Сегодня ведущие государства мира стремятся выстроить новую региональную систему международных отношений на выгодных для себя условиях. Пространство бывшего СССР с каждым годом все больше привлекает внимание лидеров крупных мировых и региональных держав и исследователей в области международных отношений и геополитики. Туркменистан же считается одним

из наиболее важных для рассмотрения государств постсоветского пространства, поскольку является неотъемлемой частью и Центрально-Азиатского (ЦАР), и Каспийского регионов, каждый из которых представляет огромный геополитический и геоэкономический интерес. Богатый энергетическими ресурсами Туркменистан занимает географическое положение, которое позволяет контролировать энергетические потоки в регионе, но вместе с тем граничит с нестабильным Афганистаном, что делает его значимым элементом экономической и политической стабильности макрорегиона.

Некоторые западные исследователи², руководствуясь геополитическими интересами США на постсоветском пространстве, склонны объединять и смешивать такие понятия, как «Центральная Азия» и «Каспийский регион», относя к последнему помимо России, Туркменистана, Казахстана, Азербайджана и Ирана связанные с ними географически и политически Грузию, Армению, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. В таком понимании Каспийский регион предстает «составной частью двух субрегионов – Центральной Азии и Кавказа»³. Автор данной статьи придерживается мнения, что нецелесообразно объединять в один регион страны только лишь по факту доступа к Каспийскому морю, особенно учитывая то, что страны эти культурно и социально-политически принадлежат к разным мирам, имеют разные проблемы и векторы развития и не представляют из себя целостного интеграционного объединения. Туркменистан, равно принадлежащий Центральной Азии и Каспийскому бассейну, представляет исключительный интерес именно с точки зрения рассмотрения его геополитической и геоэкономической роли в каждом из этих регионов.

Центрально-Азиатский регион в начале XXI в.

Центрально-Азиатский регион представляет собой обширную территорию, расположенную в центральной части Евразии, географически и исторически соединяющую Европу, Азию и Ближний Восток. Согласно общепринятому определению, данный регион состоит из Туркменистана, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана.

Международный интерес к региону обусловлен рядом положительных и негативных для стран ЦА факторов. В первую очередь, это более чем выгодное геополитическое расположение. Тысячелетиями этот регион выполнял и продолжает выполнять транспортно-транзитную функцию (здесь проходил Великий Шелковый путь,

связывавший Восточную Азию со Средиземноморьем в древности и в Средние века). Центральная Азия обладает значительным природно-ресурсным потенциалом, что привлекает интересы не только стран-соседей. Стоит отметить геостратегическое и экономическое значение Каспийского моря, также богатого природными ресурсами.

Географическое положение региона имеет и негативные стороны. ЦАР располагается между Россией, Китаем, Ираном, Южно-Азиатским субрегионом и Кавказом, что выгодно с экономической точки зрения, но, с другой стороны, является сферой пересечения стратегических интересов этих стран и регионов. Кроме того, страны ЦАР граничат с Афганистаном и Пакистаном, которые представляют существенную угрозу международной безопасности. Усугубляются эти факторы тем, что после обретения центрально-азиатскими странами независимости стала явной проблема географической замкнутости региона, который лежит в стороне от мировой политики и не имеет прямых выходов к международным водам.

С момента распада СССР, в котором страны ЦА органично вписывались в полноценный «Хартленд» и контролировались Москвой, сложившаяся геополитическая ситуация толкает страны ЦА к сотрудничеству друг с другом на базе двусторонних соглашений и международных организаций, а также с мощными соседями, такими как Россия, Китай, Иран и Турция. С начала 90-х гг. XX в. страны ЦА начали поиск новых выходов на мировой рынок и мировую политическую арену.

На фоне этих условий в странах ЦА происходит поиск политической идентичности и процесс становления государственной и институциональной структуры. Развитие региона сопровождается интеграционными проектами сомнительной эффективности, стимулируемыми извне мощными державами, которые преследуют свои экономические и политические интересы.

Не будет преувеличением сказать, что наиболее важной геополитической особенностью ЦА после окончания холодной войны (и особенно после событий 11 сентября 2001 г.) является ее превращение в арену новой борьбы региональных и мировых держав за власть. Помимо пяти центральноазиатских стран в этой борьбе участвуют пять региональных (Россия, Иран, Турция, Индия и Пакистан, четыре из которых являются ядерными) и три трансрегиональных (США, ЕС и КНР) актора⁴.

Кроме того, на динамику развития региона существенно влияют острые внутривнутриполитические процессы, активизация террори-

стических и экстремистских организаций, неконтролируемый афганский наркотрафик, экологические проблемы, водный дефицит, этноконфессиональные противоречия и проблемы миграции.

В такой ситуации, обладая всеми вышеперечисленными геополитическими особенностями и сталкиваясь с проблемами, которые не могут быть решены в индивидуальном порядке, ЦАР стал зависимым от соотношения сил и интересов крупнейших мировых и региональных акторов.

Каспийский регион как геополитическое пространство в начале XXI в.

В настоящее время термин «Каспийский регион» употребляется не менее широко, чем понятие «Центральная Азия», и сам регион имеет столь же высокое значение в геополитических процессах, активизировавшихся после распада Советского Союза. С географической точки зрения в состав региона входят все граничащие с морем государства – Россия, Туркменистан, Казахстан, Азербайджан и Иран. И отечественные, и зарубежные исследователи отмечают уникальность географического положения региона «на стыке Европы и Центральной Азии»⁵, позволяющего развивать различные транспортные коммуникации.

Помимо очевидного транзитного потенциала существуют не менее значимые энергетическая и стратегическая составляющие геополитической роли стран Каспия: мировые и региональные державы заинтересованы в контроле углеводородных месторождений и способов их транспортировки, рассматривая Каспийский регион как «важное стратегическое звено между Севером и Югом – Россией и Персидским заливом – и как источник снабжения нефтью и газом рынков Европы на Западе и юго-восточных стран – на Востоке»⁶ и объединяя Каспийское море и Персидский залив как два крупнейших источника углеводородных ресурсов в так называемый «стратегический энергетический эллипс»⁷.

В течение последних 20 лет параллельно с ослаблением влияния России в Каспии усиливалась заинтересованность внешних акторов (таких как США, Китай и ЕС) в регионе. За этот период «западные страны через дипломатические, экономические и военные механизмы пытались установить контроль над прикаспийскими странами, в первую очередь над их энергетическими богатствами»⁸.

Каждый из крупных игроков видит в Каспийском регионе возможности реализации своих геополитических целей: ЕС с по-

мощью транзита каспийских углеводородов на свою территорию обеспечивает свою энергетическую безопасность, расширяя круг поставщиков сырья; для КНР это альтернатива ближневосточному маршруту импорта энергоресурсов; для США – возможность контролировать цены на энергоносители в современном мире, а также установить геополитический контроль над «стратегическим энергетическим эллипсом». России же, несмотря на усиливающуюся активность вышеперечисленных стран в регионе, пока удается сохранять важнейшую роль в транспортировке каспийских энергоресурсов на мировой рынок. Однако РФ пока не может остановить развитие альтернативных энергетических маршрутов, во многом более выгодных для стран Каспийского бассейна.

Конкурентная борьба за энергоносители и укрепление геополитического влияния в регионе происходят на фоне многочисленных проблем международного характера, таких как неразрешенный правовой статус Каспийского моря, дестабилизирующий иранский фактор, а также связанная с вышеперечисленными проблемами милитаризация Каспийского моря и необходимость обеспечения надежной транспортировки каспийских энергетических ресурсов.

Геополитическое значение Туркменистана в Центрально-Азиатском и Каспийском регионах

Несмотря на то что сложно рассматривать геополитическое значение отдельной страны, принадлежащей таким крупным регионам, как Центральная Азия и Каспийский регион, Туркменистан представляется совершенно уникальным в политическом, культурном, экономическом и геостратегическом планах государством. Являясь одним из важнейших акторов в каждом из этих двух регионов, Туркменистан с каждым годом обретает все большую ценность в глазах лидеров мировых и ведущих региональных держав.

Туркменистан – государство с очень специфической, но относительно стабильной политической системой и социальной обстановкой, которые обеспечиваются жестким авторитарным режимом (вообще авторитаризм характерен для стран ЦАР, но в Туркменистане он расцвел особенно пышным цветом), связанным с ним жестким внутренним курсом, достаточно высоким (по сравнению с другими странами региона) уровнем жизни и столь же высоким уровнем закрытости страны.

Относительное экономическое благосостояние Туркменистана поддерживается благодаря экспорту энергетических ресурсов. Эко-

номический приоритет экспорта нефти и газа стимулирует активное развитие инфраструктуры, обеспечивающей их транспортировку.

Туркменистан встал на путь самостоятельного актора международных отношений, будучи страной с самым малочисленным в регионе населением, к тому же рассредоточенным в приграничных областях довольно обширной территории. Это с точки зрения национальной безопасности можно назвать довольно неудачным стартом независимого существования. Однако Туркменистану удалось найти превосходный выход из сложившейся ситуации – политика нейтралитета, провозглашенная в 1992 г., и по сей день определяет внешнеполитический курс страны. Политика нейтралитета предполагает отказ от участия в формировании и деятельности региональных интеграционных структур, а выстраивание международных политических и экономических отношений ведется исключительно на двусторонней основе. Такого рода отношения Туркменистан установил с ведущими мировыми центрами силы – Россией, США, ЕС и Китаем, а также с государствами-соседями и крупными региональными державами, такими как Иран и Турция, Индия и Пакистан⁹. Таким образом, принцип нейтралитета позволяет Туркменистану дружить со всеми одинаково, но не дружить ни с кем против кого-то. Также в процессе эволюции авторитарного режима Туркменбаши в откровенно диктаторский нейтралитет сыграл роль защитного механизма для режима, обосновывая закрытость страны и сведение до минимума международных контактов и процессов сотрудничества. Блестящий политический ход Ниязова позволил Туркменистану успешно выстраивать свою внешнюю политику, «не боясь вызвать раздражение сильной и авторитетной Америки»¹⁰.

Вместе с тем Туркменистан не отказывается от развития своих вооруженных сил. Его военная доктрина предполагает сугубо оборонительный характер ВС страны, отказ от размещения на своей территории иностранных военных баз, от приобретения, производства и распространения ядерного и другого оружия массового уничтожения¹¹. Нейтралитет Туркменистана в числе прочего предполагает отказ от вхождения в какие бы то ни было военные союзы и блоки. Однако военно-техническое сотрудничество (в том числе в борьбе с такими региональными угрозами, как наркотрафик, терроризм и международный экстремизм) ведется на двусторонней основе с США, Россией, Турцией и Украиной.

Как упоминалось выше, основу экономики Туркменистана составляет экспорт нефти и газа. После открытия богатейшего месторождения, получившего в 2011 г. название «Галкыныш», Турк-

менистан оказался на третьем месте в мире по добычке природного газа, уступая только России и Ирану, что спровоцировало повышение интереса крупных игроков на международной и региональной аренах. В 2009 г. был открыт газопровод, обеспечивающий экспорт углеводородного сырья в Китай¹². Невиданный по объемам и мощности газопровод, связывающий два государства, с 2012 г. обеспечивает более 50 % потребности семимиллиардного Китая в газе. Кроме того, Прикаспийский газопровод, а также линии Центральная Азия – Центр, Бухара – Бишкек – Алматы, Туркмения – Пакистан – Индия и Туркмения – Казахстан позволяют Туркмении обеспечивать газом либо связывать газопроводом практически всех центральноазиатских соседей и крупные региональные державы.

Особо стоит отметить геополитическую заинтересованность мусульманского мира в лице Ирана в Туркменистане. Туркмено-иранские отношения с уверенностью можно назвать самыми стабильными и динамичными. Это обусловлено наличием протяженной общей границы, многовековой культурной, исторической и конфессиональной близостью. Иран, развивая отношения с Туркменистаном, стремится укрепить свои позиции в регионе, инвестируя в создание транспортной инфраструктуры, промышленные объекты и нефтегазовую сферу. Одним из крупнейших за последние годы этапов сотрудничества было открытие в 2010 г. газопровода «Довлетобад–Хангеран», связавшего Туркменистан и Иран¹³.

Такая бурная активизация отношений с Ираном и Китаем не могла не вызвать негативную реакцию Запада. США в последние годы усилили давление на туркменский режим, что проявилось в реанимации проекта ТАПИ (соединяющего Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индию). Этот проект позволит использовать «Галкыныш» на выгодных для США условиях.

Таким образом, обладая серьезным энергетическим потенциалом и выгодным географическим положением, Туркменистан в последние годы становится объектом пристального внимания США, Китая, ЕС и России. Сегодня ЦАР в целом и Туркменистан в частности являются ареной противостояния этих держав¹⁴. Подводя своеобразные промежуточные итоги, можно сказать, что в настоящее время явным лидером в этой борьбе можно считать Китай, в то время как США и Россия продолжают налаживать двусторонние отношения с Туркменистаном, а ЕС продвигает идею строительства Транскаспийского газопровода.

Учитывая нынешнюю ситуацию в регионе, а также внешнеполитические векторы великих держав, наиболее вероятным автору представляется наращивание в регионе внешнеполитической и

экономической активности Китая, который сейчас стремится усилить свое политическое влияние в ЦА.

Представляется очевидной дальнейшая активизация деятельности Турции в Туркменистане, которая заинтересована в укреплении своих политических, идеологических (пан-тюркизм) и экономических позиций в регионе.

Иран в свете конкуренции с США в регионе будет стремиться увеличить свое экономическое влияние в странах ЦА. Туркмения в этом отношении представляет большой геополитический интерес для Ирана.

Таким образом, Туркмения с каждым годом привлекает все больше и больше внимания со стороны различных региональных и мировых держав, в связи с чем можно сделать вывод о возрастающей в дальнейшем геоэкономической и геостратегической ценности Туркменистана и региона в целом и о нарастании дипломатической конкуренции между акторами, имеющими свои интересы в регионе.

Заключение

С момента появления независимых государств Центральной Азии на политической карте мира каждое из них до сих пор переживает процесс становления социально-политической системы, экономики, обретения культурной идентичности. У одних стран это получается с большим успехом, у других – с меньшим. Но весь регион и каждая его страна, безусловно, представляют огромный геополитический интерес для региональных и мировых держав. Туркменистан с его богатыми энергетическими ресурсами, выгодным географическим положением и особыми принципами ведения внешней политики неизбежно становится центром внимания ведущих сил мира. В свете событий последних лет и в связи с устоявшимися формами внешнеполитической активности США, Китая, России, Ирана, Турции, Афганистана Туркменистан в любой момент может стать ареной жесткой геостратегической конкуренции, борьбы и даже (как показывает практика) применения вооруженных сил. В Ашхабаде понимают правила игры, поэтому идут по пути создания видимости демократических процессов. Явным примером этого служат парламентские выборы в декабре 2013 г., которые можно воспринимать как страховку в мире, где демократию несут морские пехотинцы. Единственной возможностью сохранения суверенитета и поддержания благоприятной социально-экономической ситуации в Туркменистане в сложившейся геополитической обстановке является про-

должение политики нейтралитета, сопровождающейся максимально равносильными и равноценными двусторонними отношениями со всеми заинтересованными странами. В противном случае сложившийся баланс сил может быть нарушен и политика нейтралитета вместе с «бумажной» демократией перестанет действовать.

Примечания

- ¹ Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.
- ² См.: Hall G., Grant T. Russia, China, and Energy-Security Politics of the Caspian Sea Region after the Cold War // Mediterranean Quarterly. 2009. Vol. 20. № 2; McPherson H. Central Asia and the Caspian Basin. Relations with Russia and OPEC // Emerging Threats to Energy Security and Stability. Dordrecht, 2005. P. 269–275; Chufirin G. The Security of the Caspian region. N. Y.: Oxford University Press, 2001.
- ³ Зонн И.С., Жильцов С.С. Новый Каспий. М.: Восток–Запад, 2008. С. 21.
- ⁴ Шердуст А. Характеристика Центральной Азии в геополитических теориях и роль конфликтов [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Геополитика». URL: http://www.geopolitica.ru/article/harakteristika-centralnoy-azii-v-geopoliticheskikh-teoriyah-i-rol-konfliktov#.U47fiXJ_u1R (дата обращения: 26.01.2014).
- ⁵ Зонн И.С., Жильцов С.С. Указ. соч. С. 8.
- ⁶ Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009. С. 7.
- ⁷ Kemp G. Energy Superbowl. Strategic, Politics and the Persian Gulf and Caspian Basin. Washington, DC: Center for Peace and Freedom, 1997. P. 97.
- ⁸ Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. М.: Восток–Запад, 2011. С. 8.
- ⁹ См., напр.: Алматбаева Ж. Туркменистан: тактика нейтралитета // Свобода слова. 2011. № 8 (303).
- ¹⁰ Turkish Newsletter. 1998. Vol. 98–2–005. № 1.
- ¹¹ Военная доктрина независимого, постоянно нейтрального Туркменистана [Электронный ресурс] // Посольство Туркменистана в Российской Федерации. URL: <http://www.turkmenembassy.ru/?q=node/45> (дата обращения: 26.01.2014).
- ¹² Транснациональный газопровод Туркменистан–Китай – успешная реализация международного энергетического партнерства [Электронный ресурс] // ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=12888#.UuTMFRDHnIU> (дата обращения: 26.01.2014).
- ¹³ Туркменистан и Иран запустили новую линию газопровода между странами [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/29438.html> (дата обращения: 26.01.2014).
- ¹⁴ См., напр.: Габдуллин Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. № 1.

У. Книжная полка

А.Б. Окунь

АМЕРИКАНЦЫ «ОТКРЫВАЮТ» РОССИЮ,
ИЛИ РОЛЬ РУССКОГО «ДРУГОГО» В ФОРМИРОВАНИИ
АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(Рецензия на монографию: *Журавлева В.И.*
Понимание России в США: образы и мифы.
1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.)

Монография В.И. Журавлевой написана в русле имагологии международных отношений, относительно молодого, но весьма активно развивающегося научного направления. В качестве самостоятельного направления она институализировалась в западной историографии с 1980-х гг., хотя отдельные попытки анализа транснациональных образов предпринимались и ранее¹. В российской гуманитаристике в последнее время также все большую популярность приобретает проблематика взаимовосприятия различных обществ. Имагологический подход обрел историческое, культурологическое, политологическое, искусствоведческое измерения, и в его рамках с различной степенью успешности изучаются вопросы отношений России со странами Запада и Востока².

Однако наиболее активно и плодотворно имагологический подход применяется в исследовании российско-американских отношений³. В этом смысле монументальную монографию В.И. Журавлевой «Понимание России в США: образы и мифы» можно по праву считать одним из наиболее ярких примеров. Книга монументальна во всех отношениях: 1136 страниц текста, глубокий и многоуровневый анализ, методологическая цельность, новаторские исследовательские практики, широчайший круг изучаемых проблем, насыщенность событиями и людьми, впечатляющий список использованной литературы и источников, захватывающий воображение визуальный материал. Вне всякого сомнения, перед нами веховая монография, которая свидетельствует о выходе современной российской американистики на новые методологические рубежи.

В.И. Журавлева избрала для своего исследования 1881–1914 годы – переломный период в истории российско-американских отношений, когда в общественном сознании американцев сформировался практически весь диапазон представлений о России, просуществовавших в течение XX в. и сохраняющих свою актуальность в начале XXI в. Автор ставит перед собой задачу проследить, «как русский “Другой” конструировался и переопределялся в американском дискурсе идентичности в качестве значимого (конституирующего), как “демонизация” и “романтизация” образа России становилась механизмом ревитализации американского национализма» (с. 12). Это означает, что в фокусе внимания В.И. Журавлевой оказался сложный комплекс проблем социокультурного развития двух взаимодействующих субъектов (России и США), особенностей американского национального менталитета, исторического развития обеих стран и международных отношений данной эпохи. Решение столь амбициозной исследовательской задачи стало возможным на основе междисциплинарного подхода, использования методов истории, социологии, политической и культурной антропологии, этнопсихологии, введения в научный оборот широчайшего круга источников различного характера (как российского, так и американского происхождения), методологической и понятийной четкости.

Методологической основой исследования стал комплекс теоретических представлений, сложившихся на пересечении различных научных дисциплин и направлений, нацеленных на рассмотрение проблемы идентичности, дискурсивных практик, социального мифотворчества, стереотипов общественного сознания и умело использованных для изучения представлений американцев о России на рубеже XIX–XX вв. Важнейшими для автора в этом смысле стали концепции ориентализма Э. Саида, использования «Другого» в процессе национальной самоидентификации И. Нойманна, воображаемой географии Л. Вульфа и межкультурной коммуникации по схеме «Я – Другой» Ц. Тодорова. Выделение им трех уровней восприятия «инаковости» (аксиологического, праксеологического и эпистемологического) признано уже классическим в имагологических исследованиях.

Еще одной сложной проблемой, которую пришлось решать автору монографии, стала необходимость совмещения двух информационных пластов исторического исследования: теоретического с высоким уровнем абстрагирования и фактографического. Эта задача была решена В.И. Журавлевой блестяще благодаря продуманной композиции монографии и идеям-лейтмотивам, позволяющим

читателю ориентироваться в сложных сплетениях событий, коллективных и индивидуальных образов, теоретических выкладок.

Книга состоит из трех частей, каждая из которых представляет собой фактически самостоятельное исследование со всеми необходимыми структурными элементами (введением, главами и заключением) и по своему содержательному наполнению коррелирует с тремя уровнями восприятия «Другого», выделенными Ц. Тодоровым. При этом части распадаются на главы на основе проблемного принципа в соответствии с наиболее значимыми процессами, происходившими в двусторонних отношениях и определявшими формирование и эволюцию образа России в американском общественном сознании.

Первая часть посвящена американскому «открытию» России в конце XIX в., когда происходила невиданная ранее интенсификация взаимодействия двух обществ в самых разных сферах. Свидетельством возросшего интереса американцев к России стал значительный рост числа тех, кто посещал ее с различными целями, а также многократно увеличившееся количество опубликованных в Америке текстов различного характера, посвященных России. В результате в последние десятилетия XIX в. происходила актуализация представлений о России как важном факторе формирования американского самосознания. Россия постепенно превращалась из далекой, загадочной страны с особой культурой, вызывавшей интерес и симпатию (*Distant Friend*, по определению одного из крупнейших современных специалистов по истории американо-русских отношений Нормана Сола), в многоликого «Другого». Этот процесс В.И. Журавлева определяет как «приручение» русского «Другого», превращение его в значимого для конструирования американской идентичности (с. 389).

В данный период, как пишет исследовательница, американцев по-прежнему привлекало в России то, что отличало ее от Америки, т. е. Россия оставалась удобным объектом для сравнения, который оттенял и подчеркивал превосходство американской системы. Отсюда, с одной стороны, особый интерес к религиозной жизни и национальному вопросу с точки зрения ограничения прав религиозных и национальных меньшинств, к политической системе России с точки зрения ее деспотического характера, к повседневной жизни русского народа с точки зрения ее косности, отсталости, неподверженности прогрессивным изменениям; с другой стороны, романтическое восприятие русского народа, который описывался как носитель набора положительных качеств (религиозности, терпимости, патриотизма, особой духовности) у русофилов и как «де-

мократический в душе» и мечтающий об обновлении при поддержке извне у либералов-универсалистов. Последние были склонны верить в то, что русский «темный люд» при изменении условий своего существования способен преодолеть черты национального характера, препятствующие прогрессу в России. Таким образом, закладывалась традиция размежевания «официального» и «народного» образов России, которая сохранялась в течение всего XX в. и неоднократно становилась обоснованием «крестовых походов» американцев за свободу России. Автор вписывает этот дуализм в три основных дискурса: либерально-универсалистский («демонизация» власти и «романтизация» народа), консервативно-пессимистический («демонизация» власти и «демонизация» народа), русофильский («романтизация» органической связи «власть – народ»). От себя хочется лишь добавить, что в данном случае было бы целесообразно, апеллируя к особенностям российского менталитета, более четко артикулировать фактор «двойной рефлексии» (отражение отражения): значимость чужого мнения, стремление получить одобрение противоположной стороны и болезненное отношение к критическим высказываниям в свой адрес. В этом смысле Америка также становилась конституирующим «Другим» для России, о чем сама исследовательница не раз упоминает на страницах своей книги.

Все эти сложные и неоднозначные процессы приводили, как пишет В.И. Журавлева, к возникновению новых стереотипов восприятия России в США. Нельзя не согласиться с ее утверждением о том, что «образ русского “Другого” интегрировался в систему мировидения американцев, формировавшуюся на основе матрицы национальных культурных символов и определявшуюся внутренней “повесткой дня” американского общества» (с. 393).

Во второй части книги рассматривается имагологический аспект российско-американских отношений в 1903–1905 гг., т. е. в период первого в их истории кризиса, оказавшего долгосрочное влияние на эволюцию образа России в США. Автор выделяет три события, ставшие факторами этого кризиса: столкновение интересов Российской империи и Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, Кишиневский погром и реакция на него в американском обществе и революция 1905–1907 гг. в России. В результате, как подчеркивает исследовательница, произошло окончательное формирование долгосрочных американских мифов о России, не потерявших своего значения вплоть до настоящего времени. В.И. Журавлева определяет набор этих «романтических» и «демонических» мифов, которые артикулировались в рамках различных дискурсов,

заданных текстом о России (к трем вышеназванным дискурсам в период Первой русской революции добавился радикальный), и визуализировались в американской карикатуристике той эпохи.

Анализ политической карикатуры позволил автору наглядно продемонстрировать широкий диапазон образов России, сложившихся в американском общественном сознании в тот период. Карикатура, таким образом, стала для исследовательницы одним из важнейших источников и одновременно объектов изучения, что дало возможность проследить взаимосвязи между внешнеполитической идеологией, общественным сознанием и медийным дискурсом. Авторская интерпретация такого сложного объекта анализа, как визуальные образы, представляет собой блестящий пример высокопрофессионального междисциплинарного исследования, значительно расширившего возможности изучения процесса формирования американского национального самосознания. Все вышесказанное позволило В.И. Журавлевой прийти к обоснованному выводу о том, что в период первого кризиса в российско-американских отношениях «русский “Другой” впервые интегрировался в идеологию внешней политики Соединенных Штатов и был задействован для обоснования новых внешнеполитических приоритетов и нового мировидения американцев не только на общественном, но и на официальном уровне, что предвосхищало будущее идеологическое противостояние XX в.» (с. 765).

Третья часть монографии посвящена периоду между русской революцией 1905–1907 гг. и Первой мировой войной, когда в двусторонних отношениях сосуществовали одновременно тенденции к сотрудничеству и конфликту. Это способствовало возникновению широкого диапазона образов и смыслов в восприятии России американским обществом. В этой части автор рассматривает различные аспекты отношений между двумя странами: внешнеполитическую ситуацию, внутривнутриполитические процессы в России и связанные с ними дискуссии в Америке, идеи «первого крестового похода» американцев за реформирование России, технико-экономическое сотрудничество, возникновение американской русистики как самостоятельного научного направления. В итоге, как пишет В.И. Журавлева, «из этой совокупности событий реальных и воображаемых, споров русофилов и русофобов, либералов и консерваторов, из полифонии образов, пределы которой будут уже достаточно жестко ограничены репертуарами смыслов основных дискурсов, заданных текстом о России, возникало представление о стране, которой вскоре предстоит занять особое место на шкале внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов и на про-

тяжении всего XX в. выполнять роль конституирующего “Другого” в процессе формирования национальной идентичности американцев» (с. 796).

Важным элементом названного процесса, по мнению автора, стала американская русистика, переживавшая процесс своего становления в качестве академического направления, что лишней раз подчеркивало осознание значимости России для американского мировосприятия, обуславливавшее стремление к ее серьезному изучению. При этом расширение объема знаний о другой стране не приводило автоматически к ее более адекватной оценке. Особую роль в этом процессе изучения сыграл один из основателей американской русистики А.К. Кулидж, который в одной из своих работ очень точно сформулировал амбивалентность американских представлений о России, заявив о том, что США и Россия являли собой яркий пример схожести и одновременно контраста⁴, что определяло их значимость как конституирующих «Других» друг для друга.

Важнейшей и не совсем обычной для исторической монографии частью книги является эпилог. Он представляет собой экстраполяцию исследуемых автором процессов и механизмов формирования образов России в американском общественном сознании на последующую историю двусторонних отношений с целью выявления долгосрочных трендов восприятия. В.И. Журавлева прослеживает, как в течение всего XX в. США и СССР/Россия оставались друг для друга важнейшими объектами изучения и сопоставления, а советский/русский и американский «Другой» – способом самоидентификации и национального самоутверждения. Во многом этим объясняется тот сложный комплекс болезненных противоречивых взаимоотношений, включавших в себя широкий диапазон образов и эмоций от любви до ненависти, от надежд до разочарований. Эпилог монографии В.И. Журавлевой является развернутой заявкой на дальнейшее масштабное комплексное исследование имагологической составляющей российско-американских отношений XX в., которое, возможно, будет способствовать лучшему пониманию двух культур, большей терпимости друг к другу, стремлению познать «Другого» и признавать за ним право на инаковость.

В этой связи представляется уместным вновь обратиться к взглядам Ц. Тодорова, который сформулировал своеобразный алгоритм последовательности понимания другой культуры, состоящий из четырех фаз: «Первая фаза понимания состоит в ассимиляции меня и другого. Я литературный критик, и все работы, о которых я говорю, позволяют услышать только один голос – мой собственный. Я интересуюсь другими культурами, но все они, в моем по-

нимании, структурированы как моя собственная. Я историк, но я вижу прошлое лишь как прообраз настоящего. Акт восприятия другого существует, но он только воспроизводит несколько копий одного и того же. Знание возрастает количественно, а не качественно. Существует лишь одна идентичность: моя собственная. Вторая фаза понимания состоит в подавлении себя для лучшего представления другого. Этот процесс может протекать в разных формах. Будучи точным и аккуратным ученым, я становлюсь большим персом, чем сами персы: я изучаю их прошлое и настоящее, я привыкаю к тому, чтобы воспринимать мир их глазами, я подавляю в себе любое проявление исходной идентичности; умаляя свою субъективность, я верю, что становлюсь объективным... Здесь, опять же, только одна идентичность, но уже идентичность другого. В третьей фазе понимания я возвращаюсь к своей идентичности, но только после того, как сделаю все возможное, чтобы узнать другого. Моя экзотопия (временной, пространственный или культурный экстерьер) больше не является проклятием, наоборот, она производит новое знание, скорее качественное, чем количественное. Как этнолог я требую от других не говорить, а устанавливать со мной диалог; я считаю свои категории такими же относительными, как категории других. Я отбрасываю предубеждение о том, что кто-либо может отбросить все свои предубеждения: у меня всегда есть предубеждения, и именно здесь лежит главный интерес моей интерпретации, мои предубеждения отличаются от предубеждений других. Я утверждаю, что все интерпретации историчны (или “этничны”) в том смысле, что они порождены моей принадлежностью к определенному пространству и времени: это не только не противоречит усилиям узнать вещи такими, как они есть, но даже дополняет их. Двойственность (множественность) заменяет единство, “Я” остается отличным от “Другого”. Во время четвертой фазы понимания я “покидаю” себя снова, но совершенно в другой форме. Я больше не хочу и не могу идентифицировать себя с другим, однако я также не могу идентифицировать себя с самим собой. Этот процесс может быть описан так: знание о другом зависит от моей идентичности. Но знание о другом, в свою очередь, определяет мое знание обо мне. Поскольку знание о себе изменяет мою идентичность, весь процесс повторяется: новое знание о другом – новое знание о себе, и так до бесконечности. Но действительно ли эта бесконечность неопишима? Даже если движение никогда не достигнет конца, у него все же есть определенное направление: оно ведет к идеалу. Представим следующее: долгое время я был погружен в иностранную культуру, и это позволило мне осознать мою идентичность, в то же время это

заставляет мою идентичность изменяться. Я больше не могу держиваться своих “предубеждений”, как делал это раньше, даже если я не пытаюсь избавиться от этих “предубеждений”. Моя идентичность сохраняется, но она как бы нейтрализуется; я говорю о себе в кавычках. Противоположность между внутренним и внешним уже не уместна; мой симулякр другого, произведенный моим же описанием, не остается неизменным: он становится местом возможного взаимопонимания между мной и другим»⁵.

Таким образом, переход к заинтересованному изучению «Другого» может становиться способом саморазвития, а не самоутверждения и противопоставления.

Подводя итоги, следует констатировать, что монография В.И. Журавлевой представляет собой образцовое научное исследование, ломающее традиционные представления о научных жанрах и границах, которое обречено на то, чтобы стать настольной книгой вдумчивого исследователя российско-американских отношений в рамках любого научного направления и основой для дальнейшего развития имагологии международных отношений. Эта монография может и должна быть рекомендована не только историкам, но и философам, политологам, социологам, имиджмейкерам и действующим политикам, а также всем тем, кто способен получать интеллектуальное удовольствие от глубокого исследования сложнейших проблем, написанного прекрасным литературным языком и сочетающего в себе научность в лучшем смысле этого слова с увлекательными рельефно выписанными сюжетами и богатством живого исторического материала.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Isaacs H.R. Scratches on Our Minds. American Images of China and India.* N. Y., 1958.
- ² См.: *Куланов А.Е., Молодяков В.Э.* Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007; *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007; *Морозов В.Е.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009.
- ³ См.: *Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001; *Павловская А.В.* Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850–1880-е годы. М., 1998; *Курилла И.И.* Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005; *Рукавишников В.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в

США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005; *Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В.* «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007). М., 2009; *Мальков В.Л.* Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009; *Гаджиев К.С.* Сравнительный анализ национальной идентичности США и России. М., 2014.

⁴ *Coolidge A.C.* The United States as a World Power. N. Y., 1919. P. 213.

⁵ *Todorov Tz.* The Morals of History. Minneapolis, MN; L., 1995. P. 14–15.

В.И. Журавлева

УРОКИ «ПЕРЕЗАГРУЗОК»:
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

(Рецензия на книгу: *Stent A.E. The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century.* Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2014. 355 p.+XVIII)

Почему так сложно выстраивать предсказуемые и продуктивные отношения между Россией и США после окончания холодной войны? В чем причина того, что их приоритеты зачастую диаметрально противоположны? Какие шаги необходимо предпринять той и другой стороне для переформатирования двусторонних отношений, в лучшем случае развивающихся в режиме ограниченного или избирательного партнерства, а в худшем скатывающихся к очередному и все более глубокому кризису? Ответы на эти вопросы, связанные с внутри- и внешнеполитическими контекстами, а также с изменениями в мире в целом, представлены в новой монографии одного из самых авторитетных американских русистов старшего поколения Анджелы Стент.

Эта книга стала результатом ее многолетней научной и практической деятельности в качестве профессора Джорджтаунского университета и директора Центра евразийских, российских и восточноевропейских исследований, эксперта по политическому планированию Государственного департамента и сотрудника Национального разведывательного совета (The National Intelligence Council). Кроме того, на протяжении многих лет Стент принимала участие в деятельности международного дискуссионного клуба «Валдай», что позволило ей из первых рук ознакомиться с мнением ведущих российских государственных деятелей, включая президента В.В. Путина.

Написанная на основе официальных документов, воспоминаний участников событий, материалов прессы и многочисленных интервью автора с политиками, дипломатами и представителями

экспертно-академического сообщества по обе стороны Атлантики, а также обобщающая исследовательские наработки автора и историографию по избранной проблематике, монография Стент привлекает внимание четким видением природы и перспектив взаимоотношений постсоветской России и США, логикой и системой аргументации, учитывающей позиции обеих сторон и сводящей воедино противоположные точки зрения.

В итоге возникает картина не одной, а четырех «перезагрузок» российско-американских отношений с момента распада Советского Союза. Первая происходила по инициативе Джорджа Буша-ст. в последний год его президентства, когда посткоммунистическая Россия лишь начинала процесс своего становления. Второй «перезагрузкой» стал более амбициозный проект президента Билла Клинтона по перемоделированию двусторонних отношений в 1990-х гг. Третью «перезагрузку» предложил В.В. Путин, когда он первым из иностранных лидеров позвонил Дж. Бушу-мл. после трагических событий 11 сентября в ожидании, что Россия станет полноправным партнером Соединенных Штатов. Четвертую «перезагрузку» инициировал Б. Обама, когда он пообещал улучшить отношения с Россией после пятидневной российско-грузинской войны в августе 2008 г.

Предложенная А. Стент схема четырех «перезагрузок» позволяет объяснить затяжной и неравномерный характер последнего цикла надежд и разочарований, который американское общество переживало в связи с перспективами очередного этапа модернизации России. Эти циклы ведут свой отсчет с рубежа XIX–XX вв., будучи обусловлены не только русским, но и американским контекстом (политическим и социокультурным). Первый цикл приходится на революцию 1905–1907 гг., следующий – на период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., последний – на распад СССР и окончание холодной войны (фаза надежд совпадает с президентством Б.Н. Ельцина, а фаза разочарования начинается в своем активном проявлении в первый президентский срок В.В. Путина (в особенности после 2002 г.), затем на время приостанавливается в связи с программой «перезагрузки» российско-американских отношений Б. Обамы и приобретает новый импульс после ухода с поста президента Д.А. Медведева, достигнув нижней точки в связи с украинским кризисом)¹.

Если обратиться к центральным идеям концепции А. Стент, нацеленной на выявление факторов, которые оказывают негативное влияние на российско-американские отношения, то стоит начать с тезиса об их асимметричном характере. Эта асимметрия стала на-

следуем 1990-х гг., когда в США сформировалось стойкое убеждение в том, что слабая Россия, потерявшая статус великой державы, готова выполнять роль младшего партнера Соединенных Штатов в международных отношениях, а российский вектор внешней политики перестал быть первостепенным. В качестве главной задачи на российском направлении вашингтонские администрации видели создание препятствий для действий России в Иране, Ираке, Афганистане, на Большом Ближнем Востоке, угрожающих американским жизненно важным интересам. В свою очередь, главной целью постсоветской России начиная с 1992 г. стало возвращение статуса великой державы и достижение равного партнерства с США, отношения с которыми оставались одним из приоритетов ее внешней политики. Все американские «перезагрузки», подчеркивает Стент, ориентировались на то, чтобы найти действенный метод, позволяющий убедить Россию признать эту асимметрию во взаимоотношениях и двигаться дальше. Путинская «перезагрузка» 2001 г., напротив, была призвана установить равное стратегическое партнерство (р. XI, XV, XVI, 123, 258).

От себя замечу, что это стремление добиться признания со стороны США, будучи обусловлено уходящим в прошлое биполярным миром, где тон задавали две сверхдержавы, формировало один из долгосрочных трендов восприятия Америки в России. Отношение русских к США выстраивалось в прошлом и продолжает выстраиваться в настоящем на основе сложного комплекса чувств (стремление к подражанию, скрытая зависть, любовь-ненависть), связанных с формированием их собственной идентичности. Как пишет Э.Я. Баталов, «мы тянулись к Америке, нам всегда хотелось, чтобы Америка нас полюбила, пусть мы и не говорили об этом открыто. И не любили Америку нередко не за то, что она не похожа на нас, а за то, что она не любит нас, за отсутствие взаимности»². А.Г. Левинсон развивает эту мысль по-своему: «Америка – наш единственный “значимый Другой”. Соперничество с ним разворачивается в основном не на “настоящей” мировой арене, а на ее отражении, которое существует в массовом сознании россиян. А там главное не в том, чтобы этого “Другого” победить. Главное – быть в полной уверенности, что мы “не хуже их” – в некотором символическом (не собственно военном, не собственно экономическом) противостоянии. Поэтому все воображаемые доказательства равенства с США – в соперничестве ли или в союзничестве – с готовностью принимаются массовым сознанием... Примеры положительного отношения к Америке – это признание их равными или подобными нам, а нас – им как единственной основы для проявления взаимных добрых

чувств»³. Таким образом, та асимметрия, которая сформировалась в российско-американских отношениях в 1990-е гг. и пересмотр которой стал задачей российских президентов, причем, как верно замечает Стент, еще с президентства Б.Н. Ельцина (с. 20), имеет не только экономическое, геополитическое, военное, но и, что не менее важно, имагологическое измерение.

Среди препятствий для конструктивного развития российско-американских отношений Стент особо выделяет действия Конгресса США, более двух десятилетий настроенного преимущественно скептически по поводу сближения с Россией. Все администрации, от Буша-ст. до Обамы, вели трудную борьбу, пытаясь заинтересовать Конгресс в развитии связей с Россией и найти лидера, готового продвигать более продуктивную повестку дня российско-американских отношений на уровне федерального законодательного органа. Поправка Джексона–Вэника, подчеркивает Стент, была отменена лишь потому, что ее заменил Закон Сергея Магнитского. Причем в России, где отсутствует реальное разделение властей, американские проблемы, связанные с механизмом взаимодействия между исполнительной и законодательной ветвями власти при решении данного вопроса, не встретили понимания (с. 209–210, 252, 260).

Кроме того, негативное влияние на выстраивание российского направления политики США, которая отличалась фрагментарностью и противоречивостью, оказала, по мнению Стент, бюрократическая реорганизация исполнительной власти в США в президентство Дж. Буша-мл., следствием которой стало разведение по разным структурам в Госдепартаменте, ЦРУ и Министерстве обороны взаимоотношений с Россией и ее соседями на постсоветском пространстве. Это привело не только к институциональным, но и к политическим последствиям. Можно отрицать принцип особых интересов России на постсоветском пространстве, пишет Стент, но в реальности дела обстоят гораздо сложнее. Путинская идея создания Евразийского союза апеллирует к общности языка, истории и культуры, а также экономических, образовательных и семейных связей. И многие соседи России осознают необходимость соблюдения баланса между ней и другими внешними акторами (с. 137–138, 262).

Исследовательница обращает особое внимание на тот факт, что существует гораздо больше преемственности между политикой демократов и республиканцев по отношению к России, чем многие готовы публично признать, поскольку ключевые аспекты российско-американских отношений оставались неизменными: ПРО, контроль над вооружениями и нераспространение ядерного оружия, борьба с терроризмом, Афганистан, Иран, проблема вступле-

ния России в ВТО (до середины 2012 г., когда она была решена) и взаимоотношения на постсоветском пространстве. В силу различий между российской и американской политическими системами, а также мировосприятием набор возможных путей решения выше-названных проблем оказался реально ограничен. Причем именно США диктовали их иерархию в двусторонних отношениях вследствие отсутствия паритета между Москвой и Вашингтоном в том, что касалось силы и влияния в мире.

В своем исследовании Стент предлагает обобщающую характеристику природы тех дебатов, которые уже более двух десятилетий продолжаются в Соединенных Штатах по вопросу о формировании российского вектора внешней политики. Реалисты (сторонники *realpolitik*), делающие ставку на национальные интересы, полагают, что основные проблемы в российско-американских отношениях связаны с попытками вмешательства в процесс обновления российского общества и стремлением осуществлять американские «крестовые походы» в Россию по распространению демократии. В подтверждение своей позиции они ссылаются на периоды прагматического взаимодействия между Москвой и Вашингтоном, которое было нацелено на решение общих проблем при отказе от критики внутриполитического режима в России и уважении ее интересов. В свою очередь, оппоненты реалистов справа и слева, включая членов Конгресса, делают ставку на ценностный подход при формировании внешней политики США и настаивают на том, что она должна выстраиваться во взаимосвязи с внутриполитической ситуацией в России, а ее власти должны быть наказаны за усиление авторитаризма. В этом смысле, подчеркивает Стент, остается актуальным вопрос, сформулированный еще Джорджем Ф. Кеннаном в 1947 г.: насколько внутриполитический режим в России обуславливает ее уникальную внешнюю политику, которая требует и особого внешнеполитического поведения со стороны США? (с. 257)

Замечу, данный вопрос впервые актуализировался гораздо раньше, еще в период существования Российской империи. Он стал частью американского общественно-политического дискурса в период первого кризиса в двусторонних отношениях (1903–1905). В условиях геополитического конфликта на Дальнем Востоке государственные и общественные деятели, журналисты и публицисты в США открыто говорили о прямой взаимосвязи между характером внешней политики Российской империи и авторитарной природой ее политического строя (а это, подчеркну, типичный пример проекции вовне одной из основополагающих саморепрезентаций

самого американского общества, основанной на уверенности в том, что Соединенные Штаты действуют на мировой арене исходя из демократического характера своего политического строя). Последовательными оппонентами выдвинутого тезиса выступили тогда русофилы и пионеры американской русистики, которые, подобно А. Кулиджу, подчеркивали, что Российская империя действует в рамках меняющейся системы международных отношений так же, как все остальные государства, реализуя свои экспансионистские амбиции и проводя политику колонизации в национальных интересах. За исключением первого кризиса в двусторонних отношениях, мнение А. Кулиджа оставалось преобладающим в официальном дискурсе и альтернативным в общественно-политическом. Однако с возникновением Советской России и в особенности в годы холодной войны превалирующим в обоих случаях становится тот тренд восприятия внешней политики России, который впервые актуализировался в начале XX в.⁴

Вряд ли кто-то станет оспаривать вывод Стент о влиянии истории на динамику современных российско-американских отношений, причем не только в том, что касается наследия холодной войны, но и в том, что касается наследия 1990-х гг. Многие в России, подчеркивает она, уверены в неспособности США оценить масштабы хаоса и психологического шока, которые сопровождали коллапс СССР. По прошествии времени стало очевидно, что в 1990-е гг. Россия начала осуществлять сложный тройной переход: от коммунизма к квазидемократии, от государственного контроля над экономикой к квазирыночной системе, от имперского к постимперскому государству, хотя и при сохранении имперского мышления. И в условиях этого перехода Соединенные Штаты оказались не в состоянии интегрировать Россию в систему евроатлантической безопасности (хотя вопрос о ее вступлении в НАТО ставился такими влиятельными государственными деятелями, как Дж. Бейкер и К. Пауэлл, а президенты России, со своей стороны, стремились к его положительному решению). В итоге В.В. Путин начал совершать поворот в сторону Азии, заявив о намерениях России и Китая создать новый более справедливый мировой порядок (с. 48, 75–78, 257–258, 274).

Особого внимания заслуживает тезис исследовательницы о том, что последние два десятилетия продемонстрировали чрезмерную роль персональных связей между лидерами России и США. Начало положил тандем Клинтон – Ельцин, затем эта тенденция была поддержана Бушем-мл. и Путиным и получила свое завершение во взаимоотношениях Обамы и Медведева. Во время из-

бирательных кампаний и демократы, и республиканцы обвиняли противоположную сторону в излишней персонализации взаимоотношений с Россией, но, оказавшись в Белом доме, повторяли ошибку своих предшественников. По мнению автора, это происходило потому, что отсутствовала институциональная база российско-американских отношений, а также отработанная система контактов на уровне исполнителей. Данную проблему пытались решить двусторонние российско-американские комиссии с их рабочими группами (Гор – Черномырдин, Медведев – Обама), комитеты и форумы. Однако, несмотря на приложенные усилия, результат по-прежнему оставляет желать лучшего (с. 19, 48–49, 81, 220–221, 260).

На мой взгляд, стремление к персонификации российско-американских отношений можно объяснить не только отсутствием их многоуровневой структуры, но и устойчивой тенденцией восприятия России на Западе вообще и в США в частности, которую И. Нойманн описал следующим образом: «Западная политика всегда направлена на поддержку конкретного российского руководителя, а не перестраивающейся системы in abstracto. Когда эта конкретная политическая позиция оспаривается, то вопрос ставится не о том, какие перемены происходят, а о том, каким образом они происходят и какова роль Европы и Запада в целом в проведении этих перемен»⁵. Применительно к взаимоотношениям России и США вывод И. Нойманна высвечивает стремление американских наблюдателей рассматривать негативные и позитивные изменения в авторитарной России с характерной для нее вертикалью власти (будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия) сквозь призму деятельности царей, государственных секретарей, президентов, тем самым персонифицируя ее образ.

Рассуждая о позитивном опыте взаимоотношений постсоветской России и США, Стент закономерно подчеркивает особую роль экономического фактора, приводя в пример американо-китайские и российско-германские отношения и указывая на возможность реальных подвижек в данной сфере лишь при условии того, что Россия перестанет быть преимущественно импортером сырья и оружия и начнет реализовывать ту амбициозную программу модернизации, о которой так много говорили Медведев и Путин (с. 177–210, 261–262).

Как наглядно показывает Стент в своей работе, российско-американские отношения развивались по схеме избирательного партнерства при нарастании кризиса доверия. Кроме того, внутренняя политика оставалась двигателем внешней в обеих странах. В таких условиях, как считает исследовательница, США необходимо со-

средоточить внимание на областях сотрудничества – Афганистан, нераспространение ядерного оружия, борьба с терроризмом, не расширяя повестки дня двусторонних отношений до тех пор, пока Россия, со своей стороны, не проявит в этом заинтересованность.

Текст книги структурирован в соответствии с концепцией четырех «перезагрузок» с акцентом на существование шести блоков проблем, которые пытались совместно решить Россия и США вне зависимости от того, кто находился в Кремле и в Белом доме: во-первых, ядерное наследие, включая контроль над вооружениями и проблему противоракетной обороны; во-вторых, нераспространение оружия массового поражения с учетом ядерной программы Ирана и Северной Кореи; в-третьих, взаимоотношения на постсоветском пространстве; в-четвертых, система европейской безопасности с учетом конфликта на Балканах и архитектура евро-атлантической безопасности, включая вопрос о расширении НАТО и роли ОБСЕ; в-пятых, изменения в арабском мире; в-шестых, внутренняя ситуация в России в том, что касается как развития демократии и прав человека, так и конфликтов в Чечне и на Северном Кавказе. Сквозная глава посвящена характеристике торговых, инвестиционных и энергетических аспектов экономических отношений между странами с учетом их позитивного влияния на политический диалог и процесс взаимовосприятия.

Основным уроком «перезагрузок», по мнению Стент, должно стать осознание того, насколько по-разному Россия и США оценивали их природу. Буш-ст. предпринял свою попытку «перезагрузки» в тот момент, когда Россия была максимально ослаблена, и решал вопрос о возможности оказать правительству Ельцина экономическую поддержку. Клинтон стремился к партнерским отношениям с ним, достигнув определенных успехов, с точки зрения США, но будучи дискредитирован в глазах российской правящей элиты. Путинская «перезагрузка» состоялась, поскольку каждая из сторон реализовывала свои ожидания. Путин верил в то, что в ответ на поддержку США в борьбе с терроризмом после событий 11 сентября и согласие России по вопросу о создании американских баз в Центральной Азии США начнут воспринимать ее как равного партнера, признав ее сферу влияния на постсоветском пространстве. Этим надеждам на стратегическое партнерство не суждено было оправдаться. Вашингтон не признал правомерность борьбы России с терроризмом на Северном Кавказе и продолжал проводить политику, игнорирующую ее мнение (как в случае с войной в Ираке администрации Буша-мл.) и национальные интересы, в особенности на постсоветском пространстве (как в случае

с поддержкой «цветных революций» в контексте миссии вашингтонской администрации по распространению свободы). Если говорить об обамовской «перезагрузке», то одной из главных причин ее успеха, подчеркивает Стент, как раз и стало временное снижение интереса США к постсоветскому пространству и внутренним проблемам в России. При этом российская сторона по сравнению с американской была менее оптимистична в оценках итогов «перезагрузки», рассматривая ее как попытку администрации Обамы исправить ошибки, ранее допущенные Вашингтоном на русском направлении, и настаивая на ограниченном характере «перезагрузки» с учетом политики Соединенных Штатов в вопросе о ПРО, а также в том, что касается системы европейской безопасности и ситуации в арабском мире.

Соединенным Штатам, как считает Стент, надлежит быть более сдержанными и реалистичными в оценках степени своего влияния на процессы, происходящие в России, они должны осознавать, что ее переход от советской системы к постсоветской – это дело нескольких поколений, что эволюция России происходит по ее собственным законам и процесс этот отнюдь не прямолинейный, о чем наглядно свидетельствует история двух последних десятилетий. То же самое, по мнению исследовательницы, можно сказать и о политике США в отношении постсоветского пространства. При этом остается открытым вопрос о необходимости учитывать интересы России в данном регионе, вызывающий напряженные споры не только среди политиков и экспертов в самих США, но и между США и их союзниками по НАТО (с. 265–266).

Подводя итоги своего исследования, Стент приходит к выводу о том, что истоки хронических проблем во взаимоотношениях США с постсоветской Россией следует искать в 1990-х гг., когда возникло положение неравенства между странами, которое США не желают изменить, а Россия признать. Именно это неравенство В.В. Путин намерен ликвидировать во что бы то ни стало (с. 254).

«И Соединенным Штатам, и России, – резюмирует свои размышления Стент, – необходимо переосмыслить то, что они думают друг о друге, и создать подходы, которые отражали бы реалии мира XXI в., мира куда более сложного, с новыми глобальными центрами силы. До тех пор пока Вашингтон не оставит холодную войну в прошлом, единственное, что может дать любая «перезагрузка» независимо от того, где она инициируется, в Кремле или в Белом доме, – это чуть более эффективное управление крайне проблемными отношениями. Наиболее продуктивный путь для Соединенных Штатов в отношениях с Россией – признать, что

это отношения с крупной, все еще важной страной с гибридной политической системой, которая испытывает серьезные внутренние проблемы. Взгляд России на мир серьезно отличается от американского, и это положение сохранится в обозримом будущем. Вашингтон должен проявлять сдержанность в том, что касается публичных комментариев по поводу происходящего в России – как негативных, так и позитивных. Он должен фокусировать внимание на тех конкретных областях, в которых две страны могут и должны работать вместе. Если Соединенные Штаты смогут уйти от матрицы последних двух десятилетий, когда циклы оптимистических ожиданий сменялись периодами разочарований, тогда Вашингтон и Москва смогут избежать необходимости будущих перезагрузок отношений» (с. 274).

Однако, как представляется, для того чтобы избежать необходимости будущих «перезагрузок» двусторонних отношений и расширить их повестку дня, России и США следует, кроме того, отказаться от устоявшихся мифов и стереотипов взаимовосприятия. И вот этой имагологической составляющей явно не хватает в политологической схеме Анджелы Стент. Поэтому ей не удается уйти от соблазна объяснять перспективы продуктивного партнерства исходя лишь из российского контекста, рассуждая о том, что оно зависит от готовности России начать модернизацию, диверсифицировать экономику, избежать зависимости от цен на нефть и газ, побороть коррупцию и установить власть закона, наконец, создать систему более демократическую и соревновательную (с. 272). Все это бесспорно, но ведь существует еще и американский контекст, который также диктует необходимость определенных изменений в позиционировании России и выстраивании российского вектора внешней политики, существует еще устоявшееся стремление американцев выстраивать заранее известное будущее России, вдохновляясь перспективами очередного этапа ее модернизации и своей ролью в ее обновлении. Тот самый американский контекст, к которому обращается и сама Анджела Стент, рассуждая о споре между реалистами и их оппонентами по вопросу о формировании политики на российском направлении со ссылкой на знаменитые рассуждения Дж.Ф. Кеннана. В этом смысле знаковым представляется интервью с Г. Киссинджером, приведенное в конце книги, в котором он подчеркнул (как когда-то А. Кулидж), что американские официальные лица не в состоянии учитывать российскую историю и географию и признать, что Россия, как и США, защищает свои интересы. Киссинджер призывает Вашингтон к поиску стратегического партнерства, по-

лагая, что реорганизация российского общества – это проблема самих русских, а не американцев (с. 273).

К примеру, китайский вектор внешней политики США ориентирован не на ценности, а на интересы и не выстраивается в зависимости от внутривнутриполитической ситуации в Китае. Последний не становился в прошлом и не рискует стать в будущем объектом «крестовых походов» американцев за свободу подобно России, а китайцам в отличие от русских в американской интеллектуальной традиции и общественно-политическом дискурсе было позволено остаться другими, не превращаясь в конституирующих «Других». Объяснения следует искать не только в экономической составляющей современных американско-китайских отношений (что само по себе, безусловно, верно), но и в традициях становления китаистики в США и позиционирования образа Китая в американском обществе⁶.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к имагологическому измерению российско-американских отношений и проблеме их демифологизации, причем с учетом не только американской традиции позиционирования образа России в США (на которую имеет смысл обратить особое внимание, беря в расчет тот факт, что три из четырех «перезагрузок» были инициированы США), но и восприятия США в России. Именно здесь кроется одно из главных объяснений сохранения прикладной русофобии и американофобии соответственно в американском и российском обществах.

В целом новая книга Анджелы Стент, выстроенная в соответствии с четкой схемой, написанная простым языком и достаточно свободная от предвзятых суждений в пользу позиции той или другой стороны, снабженная продуманной хронологией российско-американских отношений с 1991 по 2013 г., многостраничным списком интервью, а также разбитой по главам библиографией, займет достойное место в современной историографии российско-американских отношений, превратившись в ее классику.

В свете украинского кризиса актуальность данной книги лишь возрастает, поскольку ее содержание позволяет понять истоки тех процессов, которые привели к трагедии на Украине и первому столь масштабному международному кризису с момента окончания холодной войны.

Эта работа будет интересна не только политикам и государственным деятелям, исследователям, преподавателям и студентам, специализирующимся на изучении внешней политики России и США, а также российско-американских отношений в целом, но и всем тем людям по обе стороны Атлантики, которые искренне оза-

бочены современным кризисом во взаимоотношениях двух стран и заинтересованы в поиске ответа на вопрос о том, что мешало в прошлом и продолжает мешать в настоящем конструктивному диалогу между постсоветской Россией и Соединенными Штатами Америки.

Примечания

- ¹ О первом цикле надежд и разочарований см.: *Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012. С. 626–787. В эпилоге представлена характеристика долгосрочных трендов восприятия России в США на основе проведения параллелей между рубежом XIX–XX вв. и XX–XXI вв. (с. 1012–1038). О последнем цикле подробнее см.: *Коэн С.* Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001; *Foglesong D.S.* The American Mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge, 2007. P. 196–229; *Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В.* «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007). М., 2009.
- ² *Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В.* Указ. соч. С. 360.
- ³ *Левинсон А.* Америка как значимый Другой // Pro et Contra. 2007. Март–апрель. № 2 (36). С. 69.
- ⁴ *Журавлева В.И.* Указ. соч. С. 315, 332, 605–606, 772, 1018.
- ⁵ *Нойманн И.* Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 150.
- ⁶ Подробнее об этом см.: *Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.* Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М., 2009.

Abstracts

B. Antonov

THE LANGUAGE OF POLITICS AND LAW AS A METHOD OF REFLECTING INTERNATIONAL RELATIONS (CASE STUDY OF POLITICAL AND ECONOMIC COOPERATION OF THE USA AND THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA)

The paper attempts to consider the role of the language and its conceptual system in revealing the nature of international relations between the two countries with different political regimes and forms of government: the USA and the Kingdom of Saudi Arabia. The author analyses the very nature of a language concept, explaining the reasons for a frequent inconsistency of an ideological or political/legal institution to its linguistic nomination. Analysing the most frequent concepts (“good”, “evil”, “law of equity”, “trust”, “freedom”, etc.) employed by the USA referring to themselves or to any other country, the author comes to the conclusion about a subjective interpretation of these concepts that depends on the actual political pragmatics only. The author undertakes a similar analysis of Saudi Arabia’s religious language (“*Kingdom of True Islam*”, “*The State of Monotheists*”, “*Hanbali School (madhab) of Sunni Islam*”) employed by the Kingdom while defining not only the main principles of state building but also the nature of international cooperation with the USA.

Key words: language of policy and law, messianic language, legal system, theocratic state, democratic state.

I. Baskakova

BAIKONUR: PROBLEMS AND PROSPECTS OF RUSSIAN-KAZAKHSTAN SPACE COOPERATION

The article is dedicated to present state and prospects of Russian-Kazakhstan joint exploitation of the Baikonur space launching site. It also explores such problems as Kazakhstan intention to change a legal

platform of cooperation, use of Russian-Ukrainian carrier rocket “Zenit”, that replaced the Russian “Angara” rocket, building of “Vostocniy” space launching site on the Russian territory and other issues.

Key words: Baikonur, Russia, Kazakhstan, space industry.

A. Bezborodov, O. Pavlenko

MILITARY-TECHNICAL ASPECTS OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article explores Soviet experience of administration the military-industrial complex as well as current trends and prospects of the Russian defense industries, their impact on the geopolitical strategy of Russia, weapons' and military technology's exporting policies as a mean of geopolitical influence.

Key words: military industry, geopolitics, armament export, national security.

Yu. Borisenok

THE DYNAMICS OF THE TRANSFORMATION OF SOCIAL AND CULTURAL PROCESSES IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY: CURRENT STATE OF HISTORIOGRAPHY

The transformation in the conditions of interaction of the Eastern and Western traditions left an imprint on the development of material and spiritual culture, mentality and traditions of the population in Belarussian lands in the first half of 20th century, in the period of the beginning of institutionalization process of the Belarussian nation. At that the formation of the Belarussian nation and the development of Belarussian culture were significantly associated with the development of political and ethno-cultural confrontation between Russia and Poland. In the modern historical science the examination of this scientific problem through the prism of the transformation dynamics is usually given fragmentary attention; ones keep on using outdated concepts and steady stereotypes.

Key words: the Belarussian lands, belorussification, traditions, mentality, processes of modernization.

О. Игнаткин

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению двух форм современного либерализма, которые изучают современные международные отношения. Первая из них называется неолиберальным институционализмом, где в основе лежит идея политических и экономических институтов, управляющих международным сообществом, вторая – новым либерализмом, включающим в себя идеи глобальной справедливости, что является важным для глобальной политической системы.

Ключевые слова: глобальная политическая экономия, международная система, международные отношения, мировая политика, неолиберальный институционализм, новый либерализм, политическая справедливость.

V. Khristoforov

POLITICAL SETTLEMENT OF THE AFGHAN PROBLEM WITHIN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 1980s

The article is based on the Russian archives' documents. It focuses on presenting international community's reaction on the Soviet troops' deployment in Afghanistan, diplomatic and political efforts of the international organizations (namely, UNO, OIC, Nonaligned Movement, European Economic Community, NATO) aimed at resolving the situation, concerning Afghanistan (Soviet troops withdrawal, the termination of the fratricidal war, developing conditions for the return of the Afghani refugees, domestic and regional stabilization of the situation), organization and holding of Afghan-Pakistani talks in Geneva by the UNO mediation (1982–1988), agreement of setting time limits for Soviet troops' withdrawal from Afghanistan.

Key words: Afghanistan, USSR, USA, Pakistan, political settlement, Geneva Agreements.

P. Koshkin

THE OP-ED CONCEPT IN AMERICAN COLUMNISM
IN ITS COVERAGE OF THE EVENTS IN RUSSIA

The article deals with American columnism and the Op-Ed concept, which is an indispensable part of high-quality journalism. The content analysis of the *New York Times* columns published from January 1, 2010 to December 31, 2013 is used as a research tool that allows coming up with major trends of American press and U.S.-Russia relations. In addition, it helps to demonstrate the main advantages of the Op-Ed concept in media coverage. All this may be helpful not only for journalists, but also for experts in U.S.-Russia relations.

Key words: American columnism, U.S.-Russia relations, Op-Ed concept, content analysis, journalism.

I. Kravchenko

THE ISRAELI-PALESTINIAN CONFLICT
IN THE REPRESENTATIONS OF THE U.S. THINK TANKS
DURING THE PRESIDENCY OF BARACK OBAMA
(CASE STUDY OF BROOKINGS INSTITUTION
AND RAND CORPORATION)

The article analyses the U.S. think tanks activities with regard to the Israeli-Palestinian conflict during Barack Obama's presidency. The article focuses on the specific features of the U.S. think tanks and various projects on the Middle East conflict resolution.

Key words: USA, Middle East, foreign policy, Israeli-Palestinian conflict, think tanks.

I. Kryuchkov

THE BALKAN CRISES OF 1912 AND ITS PERCEPTION
BY HUNGARIAN SOCIETY ACCORDING
TO THE REPORTS OF RUSSIAN DIPLOMATS

The attitudes of Hungarian society towards the situation, created over the Balkans and prospects of further relationship between Hungary and Russia in 1912 are considered as the main themes in the article. The

author emphasizes that Russia and Hungary were interested in bilateral relations in the first half of 1912. Both the start of the first Balkan War and success of the Balkan Union's armies came truly unexpected for Budapest. The First World War stimulated the rise of Russophobia and militaristic sentiments. However, by 1913 it became obvious that the supporters of maintaining peaceful relations in the Balkans had been gaining power in Hungary. For that precise reason General Council of Russia in Budapest found it complicated to determine the position of Austria-Hungary in Balkan conflict in 1913.

Key words: the Balkans, Hungary, Serbia, periodicals, society, war.

V. Mirzekhanov

EUROPEANS IN THE COLONIES: LIFESTYLE AND THE SPECIFICS OF THE MENTALITY

The article is devoted to the way of life of Europeans in colonies and specific features of their mindset. The paper also describes character of mutual relations between “people from empires” and native population. The substance of such relations was complicated, ranging from cooperation to empire resources exploitation in local interests, mixed with enmity and opposition.

Key words: empire, colonial power, dominions, colony, colonization, European colonists, way of life, cult of motherland, mindset, identity.

M. Ogurtsov

THE U.S. STRATEGY IN CENTRAL ASIA (1990–2013)

The article traces the development of U.S. foreign policy in Central Asia since 1990. The paper presents comparative analysis of U.S. foreign policy concepts and provides an overview of the new approaches to resolve the security issue in Central Asia. The author also confines the attention strictly to military policy's influence on stability in Afghanistan and in Central Asia.

Key words: international relations, U.S. foreign policy, Central Asia, Afghanistan, national security.

O. Pavlenko

THE CRIMEAN WAR IN THE HISTORICAL MEMORY
OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN
OF THE 20th CENTURY

The article focuses on the research of the Crimean war's image as reflected in national memory at the turn of the 20th century and ways of its use by the state in the processes of nation-building and creation of Russian collective identity by its own state.

Key words: the Crimean war, national identity, historical memory, the Russian Empire.

A. Senokosov

THE POSITION OF THE UNITED KINGDOM DURING
THE JULY CRISIS IN 1914

In this article, the author considers the policies of the United Kingdom in the crisis of July, 1914. The article considers inner incentives, leading to this policies as well as the perception of the crisis by the British political elite. Special attention is attributed to the divergences within the ruling Liberal party of Great Britain on the matter of British participation in the war. It also focuses on the peculiarity of the British approach to their partners in the Entente at different stages of the crisis.

Key words: the Entente, the July crisis, the First World War.

A. Stykalin

THE PRESIDUM OF THE CPSU CENTRAL COMMITTEE
IN SEARCHING THE WAYS TO RESOLVE THE HUNGARIAN
CRISIS IN 1956. THE INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS
ON THE DECISION-MAKING PROCESS

The article is based on the Soviet Communist Party Central Committee Presidium the sessions' records in late October, 1956. The author researches the influence of the external factors (primarily, the Suez crisis) on the evolution of the Soviet policy during the Hungarian crisis of 1956. The author proves that the decision to launch the large-scale military operation in Hungary and to establish the new

government absolutely controlled by Moscow was adopted after long hesitations on October 31. The military action in Hungary and the ultimatum addressed to Great Britain and France with the demand of halting their attack on Egypt were the two parts of the coordinated plan aimed at the demonstration of military and political power of the post-Stalinist Soviet Union. The Soviet leaders, on carrying out their policies, took into account the US declared non-interference in the affairs of Hungary as the country of the Soviet bloc as well as the Washington's reservations towards the military action of their European allies at Suez Channel.

Key words: the USSR external policy, Khrushchev, Eisenhower, 1956 Hungarian revolt, 1956 Hungarian crisis, the Suez crisis, Middle East, Eastern Europe, destalinization.

I. Tatarinov

THE ROLE OF THE BALLISTIC MISSILE DEFENSE FACTOR IN SHAPING THE GLOBAL SECURITY

The issues related to the formation of global security are among the major international challenges. This problem attracts attention of a large number of researchers from a wide range of countries. The dynamic of changes that has occurred in recent years in international relations, including security domain, is so tense that the need to understanding it hasn't lost its relevance. The concept of "security" has significantly expanded and has started to include various aspects that previously didn't receive proper scientific elaboration. One of these aspects is the factor of ballistic missile defense. In today's world the issues of missile defense directly affect the basis of strategic stability and global security, and the cost of wrong decisions can be particularly high. Therefore, the international community needs an open professional dialogue, making it possible to discuss emerging problems and jointly plan the ways to resolve them in a calm and constructive atmosphere.

Key words: Ballistic Missile Defense (BMD), global security, a factor of missile defense, U.S. global missile defense system, the Anti-Ballistic Missile Treaty, the "European Phased Adaptive Approach" (EPAA).

M. Tyulpakov

CHANGING THE GEOPOLITICAL ROLE
OF TURKMENISTAN IN THE EARLY 21ST CENTURY

The article provides a review of the current geopolitical situation in Central Asia and Caspian region as well as the role of Turkmenistan in the modern international relations. The author examines changes in the geopolitical position of Turkmenistan, analyses the reasons and factors affecting the change in Turkmenistan's role in the foreign policy of the world powers (Russia, USA, China and the EU) and neighboring states.

Key words: geopolitics, Central Asia, Caspian region, Turkmenistan, international relations.

A. Yudina

THE US "JAZZ DIPLOMACY" IN THE 1950S – 1960S:
CASE STUDY OF AMERICAN "SOFT POWER"
IN THE COLD WAR ERA

The author analyses "soft power" mechanisms of the United States in the Cold War era. Jazz diplomacy generally and trip of Benny Goodman to the USSR in particular are considered to be patterns of cultural diplomacy. From author's point of view, integration of American black boppers into the sphere of US foreign policy positively affected the image of the United States within bipolar system of international relations.

Key words: soft power, cultural policy, "jazz diplomacy", Cold War, Benny Goodman, Soviet-American relations, public-private partnership.

Сведения об авторах

Антонов Борис Александрович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, heidel@rambler.ru

Баскакова Ирина Андреевна – преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, irenthelst@yandex.ru

Безбородов Александр Борисович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе РГГУ, директор ИАИ РГГУ, ab-bezborodov@yandex.ru

Борисёнок Юрий Аркадьевич – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, rodina2001@mail.ru

Журавлева Виктория Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, руководитель Научно-образовательной программы по американистике РГГУ, заместитель руководителя Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, zhuravlevavic@mail.ru

Игнаткин Олег Борисович – кандидат политических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, oignatkin2011@yahoo.com

Кошкин Павел Геннадьевич – аспирант факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, pasha_koshkin@mail.ru

Кравченко Илья Юрьевич – преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, ilius1@mail.ru

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории, философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), igory5@yandex.ru

Мирзеханов Велихан Салманханович – доктор исторических наук, профессор кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, lum62@yandex.ru

Огурцов Максим Игоревич – аспирант кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, maksim_ogurcov@mail.ru

Окунь Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Самарского государственного университета, aokun07@gmail.com

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, руководитель Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, olgapavlenko@mail.ru

Сенокосов Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, senokosov@inbox.ru

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, zhurslav@gmail.com

Татаринов Иван Леонидович – атташе посольства РФ в Черногории, tatarinoff@inbox.ru

Тюльпачов Михаил Викторович – аспирант кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, tyulpakov@mail.ru

Христофоров Василий Степанович – доктор юридических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, dxoxlov@list.ru

Юдина Алена Михайловна – аспирант кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, aljona.yudina@gmail.com

General data about the authors

Antonov Boris A. – Ph.D. in Law, senior lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, heidel@rambler.ru

Baskakova Irina A. – lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, irenthe1st@yandex.ru

Bezborodov Alexandr B. – Dr. in History, professor, vice-rector for academic affairs, director, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ab-bezborodov@yandex.ru

Borisenok Yury A. – Ph.D. in History, associate professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, rodina2001@mail.ru

Ignatkin Oleg B. – Ph.D. in Politics, associate professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, oignatkin2011@yahoo.com

Khristoforov Vasily S. – JD, professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, dxoxlov@list.ru

Koshkin Pavel G. – postgraduate student, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, pasha_koshkin@mail.ru

Kravchenko Ilya Yu. – lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ilius1@mail.ru

Kryuchkov Igor V. – Dr. in History, professor, head, Department of Archeology and World History, dean, Faculty of History, Philosophy and Arts, North-Caucasian Federal University (Stavropol), igory5@yandex.ru

Mirzekhanov Velikhan S. – Dr. in History, professor, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities; leading research scientist, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, lum62@yandex.ru

Ogurtsov Maxim I. – postgraduate student, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities, maksim_ogurtsov@mail.ru

Okun Alexandr B. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History and International Relations, Samara State University, aokun07@gmail.com

Pavlenko Olga V. – Ph.D. in History, associate professor, head, Department of Area Studies and Foreign Policy, director, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, olgapavlenko@mail.ru

Senokosov Alexey G. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, senokosov@inbox.ru

Stykalin Alexandr S. – Ph.D. in History, leading researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, zhurslav@gmail.com

Tatarinov Ivan L. – attaché, Embassy of Russian Federation in Montenegro, tatarinoff@inbox.ru

Tyulpakov Mikhail V. – postgraduate student, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities, tyulpakov@mail.ru

Yudina Alena M. – postgraduate student, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities, aljona.yudina@gmail.com

Zhuravleva Victoria I. – Dr. in History, professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, director, RSUH Program on American Studies, vice-director, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, zhuravlevavic@mail.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.Н. Панкова*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 17,6. Усл. печ. л. 16,7.
Тираж 1050 экз. Заказ № 132

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru